

2021

Volume 15

No 1(55)

**VESTNIK YAROSLAVSKOGO GOSUDARSTVENNOGO
UNIVERSITETA IM. P. G. DEMIDOVA.
SERIYA GUMANITARNYE NAUKI**

ACADEMIC JOURNAL

Start date of publication – January 2007

Published four times a year

FOUNDER

P. G. Demidov Yaroslavl State University

EDITORIAL OFFICE

14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Website: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/vyrgu>

E-mail: vestnik@uniyar.ac.ru

Phone.: +7-910-971-39-04 (Markova Elena Vladimirovna)

2021

Том 15

№ 1(55)

**ВЕСТНИК ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМ. П. Г. ДЕМИДОВА.
СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 2007 года

Выходит 4 раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ

федеральное государственное бюджетное

образовательное учреждение высшего образования

«Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова»

РЕДАКЦИЯ

ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

Веб-сайт: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/vyrgu>

E-mail: vestnik@uniyar.ac.ru

Тел.: +7-910-971-39-04 (Маркова Елена Владимировна)

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС 77 - 69692 от 05.05.2017 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Формат 240×170. Объем 128 с. Тираж 32 экз. Свободная цена. Заказ № 00000. Дата выхода в свет 31.03.2021. Издатель и его адрес: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14. Типография и ее адрес: ООО Филигрань; 150049, Россия, г. Ярославль, ул. Свободы, 91. Содержание предназначено для детей старше 16 лет.

16+

EDITOR-IN-CHEF

Anatoliy V. Karpov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

DEPUTIES EDITOR-IN-CHEF

Tatiana M. Gavristova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

THE EDITORIAL BOARD

Maksim V. Bavsun (Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia)

Alexander I. Dontsov (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Anatoly L. Zhuravlev (Institute of Psychology, Moscow, Russia)

Yuriy P. Zinchenko (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Artem V. Ivanchin (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Olga Y. Ilyina (Tver State University, Tver, Russia)

Vladimir N. Kartashov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Mergalias M. Kashapov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Vladimir P. Konyakhin (Kuban State University, Krasnodar, Russia)

Natalia L. Krylova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia)

Alexander M. Kurennoj (Moscow State University, Moscow, Russia)

Andrey M. Lushnikov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Marina V. Lushnikova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Sergei P. Mavrin (Constitutional Court of the Russian Federation, Moscow, Russia)

Sergey B. Malykh (Psychological Institute of RAO, Moscow, Russia)

Viktoria M. Marasanova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Andrey A. Spiridonov (Russian Federation government, Moscow, Russia)

Nadegda N. Tarusina (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Lidia V. Tumanova (Tver State University, Tver, Russia)

Vladimir P. Fedyuk (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Pyotr P. Cherkasov (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia)

Vladimir D. Shadrikov (Higher School of Economics, Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD SECRETARY

Elena V. Markova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А. В. Карпов – (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Т. М. Гавристова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

- М. В. Бавсун (Омская Академия МВД России, Омск, Россия)
А. И. Донцов (МГУ, Москва, Россия)
А. Л. Журавлев (ИПРАН, Москва, Россия)
Ю. П. Зинченко (МГУ, Москва, Россия)
А. В. Иванчин (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
О. Ю. Ильина (ТвГУ, Тверь, Россия)
В. Н. Карташов (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
М. М. Кашапов (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
В. П. Коняхин (КубГУ, Краснодар, Россия)
Н. Л. Крылова (Институт Африки РАН, Москва, Россия)
А. М. Куренной (МГУ, Москва, Россия)
А. М. Лушников (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
М. В. Лушникова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
С. П. Маврин (Конституционный суд РФ, Москва, Россия)
С. Б. Малых (ПИ РАО, Москва, Россия)
В. М. Марасанова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
А. А. Спиридонов (Правительство РФ, Москва, Россия)
Н. Н. Тарусина (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
Л. В. Туманова (ТвГУ, Тверь, Россия)
В. П. Федюк (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
П. П. Черкасов (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия)
В. Д. Шадриков (НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Е. В. Маркова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

HISTORY

Kaninskaya G. N., Naumova N. N.

The Soviet Press of the Great Patriotic War about the French Squadron «Normandie-Niemen» 6

Krylova N. L.

Marriage and Family in the East: Russian view 20

Ryabinina N. V.

Crimes and punishments in a Soviet orphanage (1917–1920 s)..... 36

Buyukli D. A.

Orthodoxy during the Great Patriotic War on the Pages of the Newspaper “Severny Rabochy” 46

Sleptsova (Kyzlasova) I. S.

“A hard and hungry life has come”: combating hunger in the Yaroslavl village during the Civil war (based on the materials of P. V. Bugrov’s diaries)..... 54

LAW

Tarusina N. N.

Constitutional justice: on some amendments to legislation..... 64

Solovyev O. G., Goncharova Yu. O.

Discussion aspects of determining the list of means and techniques of legislative technique in the law-making process..... 76

Simonova S. V.

Administrative issues of prohibitions on online information dissemination ... 84

PSYCHOLOGY

Karpov A. V., Khors M. A.

Research of personal characteristics of unemployed persons with addictive behavior 92

Kashapov M. M.

Explication functions in the conditions of professionalization of thinking 100

Spasennikov V. V., Garbuzova G. V., Ermakova E. A.

Ergonomic support for the development of a graphic color scale for student assessment of teaching activities 110

Markova E. V.

Features of the value-oriented sphere of managers of enterprises with market and hierarchical organizational culture 120

ИСТОРИЯ

Канинская Г. Н., Наумова Н. Н.

Советская пресса периода Великой Отечественной войны о французской эскадрилье «Нормандия-Неман»..... 6

Крылова Н. Л.

Брак и семья на Востоке: русский взгляд..... 20

Рябинина Н. В.

Преступления и наказания в советском детском доме (1917–1920-е гг.)..... 36

Буюкли Д. А.

Православие в годы Великой Отечественной войны на страницах газеты «Северный рабочий»..... 46

Слепцова (Кызласова) И. С.

«Настала тяжелая и голодная жизнь»: борьба с голодом в ярославской деревне в период Гражданской войны (на материалах дневников П. В. Бугрова)..... 54

ПРАВО

Тарусина Н. Н.

Конституционное правосудие: о некоторых поправках в законодательство..... 64

Соловьев О. Г., Гончарова Ю. О.

Дискуссионные аспекты определения перечня средств и приемов законодательной техники в правотворческом процессе 76

Симонова С. В.

Административно-процессуальные аспекты реализации запретов распространения информации в сети «Интернет» 84

ПСИХОЛОГИЯ

Карпов А. В., Хорс М. А.

Исследование личностных особенностей безработных лиц с аддиктивным поведением 92

Кашапов М. М.

Функции экспликации в условиях профессионализации мышления..... 100

Спасенников В. В., Гарбузова Г. В., Ермакова Е. А.

Эргономическое обеспечение разработки графической цветовой шкалы студенческой оценки преподавательской деятельности..... 110

Маркова Е. В.

Особенности ценностно-ориентационной сферы руководителей предприятий с рыночной и иерархической организационной культурой... 120

The Soviet Press of the Great Patriotic War about the French Squadron “Normandie-Niemen”

G. N. Kaninskaya¹, N. N. Naumova²

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

²Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-1-6-19

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the participation of French pilots of the Normandy squadron in battles on the Soviet-German front as part of the Red Army in 1943-1945. After the defeat of France at the first stage of World War II (1940), the occupation of its territory by Germany and the organization of the Resistance movement “Fighting France” in London by General Charles de Gaulle, the pilots joined him expressed a burning desire to fight the enemy in the skies over Soviet soil. Their participation in the ranks of the Soviet Air Force was a unique event in the history of the Great Patriotic War of the Soviet Union (1945-1945). The article analyzes the information of the Soviet press during the war years about the French squadron “Normandie-Niemen”, which fought in the Soviet Air Force on the Soviet-German front. It is shown that Soviet readers during the Great Patriotic War could get a very complete and reliable idea of the military exploits of French pilots, find out the names of heroes, get acquainted with the military everyday life of officers, appreciate their patriotism and sincere friendly feelings for the Soviet Union and its people. Along with stories about the air battles of the Normandy, the articles of Soviet correspondents contained information about the history of France, how the pilots reacted to the defeat of their country, how and where they fought in the first stage of the Second World War. The press of the war years gave brief sketches of the everyday life of French fighters on Soviet soil, about the curious events that happened to the pilots of the squadron. On the example of newspaper publications 1943-1945. about the military alliance of our and French pilots, you can get an idea of how the cooperation of the countries of the anti-Hitler coalition developed and strengthened.

Keywords: Normandy; Fighting France; press; essays; interviews; squadron; fighters; Resistance; USSR

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Kaninskaya Galina N. | E-mail: kaninsk6@mail.ru
| Doc. Sc. (History), Professor

Naumova Natalya N. | E-mail: naumovafrance@yandex.ru
| Cand. Sc. (History), Associate Professor

Советская пресса периода Великой Отечественной войны о французской эскадрилье «Нормандия-Неман»

Г. Н. Канинская¹, Н. Н. Наумова²

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

²Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, Москва, 119991, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-1-6-19
УДК 94(100)

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена участию французских лётчиков эскадрильи «Нормандия» в боях на советско-германском фронте в составе Красной Армии в 1943–1945 гг. После поражения Франции на первом этапе Второй мировой войны (1940 г.), оккупации её территории Германией и организации в Лондоне генералом Шарлдем де Голлем движения Сопротивления «Сражающаяся Франция» примкнувшие к нему лётчики выразили горячее желание сражаться с врагом в небе над советской землёй. Их участие в рядах советских ВВС стало уникальным событием в истории Великой Отечественной войны Советского Союза (1945–1945 гг.). В статье анализируется информация корреспондентов советских газет «Сталинский Сокол», «Красная звезда», «Известия», «Правда» о «Нормандии». Показано, что советские читатели в военные годы могли составить весьма полное и достоверное представление о военных подвигах французских лётчиков, узнать имена героев, познакомиться с военными буднями офицеров, оценить их патриотизм и искренние дружески чувства к Советскому Союзу и его народу. Наряду с рассказами о воздушных сражениях «Нормандии» статьи советских корреспондентов содержали информацию об истории Франции, о том, как реагировали лётчики на поражение своей страны, как и где воевали они на первом этапе Второй мировой войны. В прессе военных лет давались краткие зарисовки бытовой жизни французских истребителей на советской земле, о курьёзных событиях, случавшихся с пилотами эскадрильи. На примере газетных публикаций 1943–1945 гг. о боевом союзе наших и французских лётчиков можно составить представление о том, как развивалось и крепло сотрудничество стран антигитлеровской коалиции.

Ключевые слова: Нормандия; Сражающаяся Франция; пресса; очерки; интервью; эскадрилья; истребители; Сопротивление; СССР

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Канинская Галина Николаевна | E-mail: kaninsk6@mail.ru
Доктор исторических наук, профессор

Наумова Наталья Николаевна | E-mail: naumovafrance@yandex.ru
Кандидат исторических наук, доцент

© Канинская Г. Н., Наумова Н. Н., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

*«В небесах мы летали одних,
мы теряли друзей боевых.
Ну, а тем, кому выпало жить,
надо помнить о них и дружить»*
(Песня М. Бернеса на слова Е. Долматовского «Воспоминание об эскадрилье
“Нормандия-Неман”»)

В истории Великой Отечественной войны, с момента окончания которой прошло 75 лет, существует немало примеров и доказательств того, что победа стран – участниц антигитлеровской коалиции «ковалась» совместными усилиями на многочисленных фронтах. Однако вряд ли был ещё такой образец советско-французского военного братства, как участие полка французских лётчиков «Нормандия-Неман» на советско-германском театре боевых действий в составе Красной Армии. Свидетельством признания заслуг французов служит то, что их имена и фотографии находятся в числе около 33 млн участников Великой Отечественной войны, представленных в галерее «Дорога памяти», открытой к 75-летию Победы в парке культуры и отдыха «Патриот», что в подмосковном Алабине [1, с. 3].

Из истории

Идея послать французских лётчиков на Восточный фронт зародилась во французском Сопротивлении, в рядах движения «Сражающаяся Франция» во главе с находившимся в Лондоне генералом де Голлем, призвавшим из столицы Великобритании 18 июня 1940 г. всех свободных французов присоединиться к нему для продолжения борьбы на стороне антигитлеровской коалиции, после того как Франция потерпела поражение от Германии и была оккупирована немцами. В 1941 г. начальник генштаба «Сражающейся Франции» Эрнест Пети обратился с такой инициативой к де Голлю, а тот, в свою очередь, в ноябре того же года предложил советскому правительству принять участие французских подразделений на советско-германском фронте, в частности, эскадрильи французских лётчиков в составе Красной Армии. Советская сторона приглашение приняла, начались переговоры, продлившиеся до апреля 1942 г. Вели их с советской стороны посол СССР при союзных правительствах в Лондоне А. Богомолов, а с французской – М. Дежан, на то время руководитель департамента по политическим вопросам «Сражающейся Франции», будущий посол в СССР в годы созданной де Голлем в 1958 г. Пятой республики.

Французская сторона предлагала послать на советско-германский фронт 30 лётчиков и 30 человек обслуживающего персонала. По итогам дипломатических и военных переговоров 25 ноября 1942 г. в Москве было подписано «Соглашение между представителем командования Красной Армии и представителем военного командования «Сражающейся Фран-

---

ции» об участии французских частей ВВС в операциях в Советском Союзе» под названием «Нормандия». Подписали его начальник штаба, заместитель командующего ВВС РККА генерал-лейтенант, будущий маршал авиации Ф. Фалалеев и глава французской военной миссии в СССР бригадный генерал Э. Пети.

«Соглашение» состояло из 14 пунктов и, по сути, фиксировало инкорпорацию французских лётчиков в состав советских ВВС, не делая различий между французами и советскими авиаторами. В частности, один из пунктов гласил, что эскадрилья «участвует в боевых действиях по заданию и в порядке, установленном командиром соединения, в которое она включена. Командование эскадрильей и ее действиями в бою осуществляется французским командиром, а при совместном участии в бою с другими подразделениями или частями соединения командование осуществляется командиром, назначенным командиром соединения» [2, с. 33]. Подчёркивалось также, что советское командование предоставит французской эскадрилье материальную часть и в «случае необходимости дополнительный персонал с тем, чтобы обеспечить ей максимум успеха в боевой работе» [2, с. 41]. В отдельных пунктах «Соглашения» оговаривались порядок награждения французских пилотов, то есть какими наградами – национальными или советскими, и даже порядок привлечения к ответственности за проступки.

Эскадрилья, получив первоначально название «Нормандия», стала формироваться в сентябре 1942 г. на авиабазе Раяк в Сирии – в колонии Франции. Был подписан приказ № 3 о создании французской авиагруппы для вхождения в состав Красной Армии. Состояла группа из 14 пилотов, 25 техников, 15 бортстрелков, двух пилотов связи, врача и переводчика. Добирались они до Советского Союза на советских транспортных самолетах через Иран, Азербайджан и Казахстан два с половиной месяца. Прибыв в СССР 2 декабря 1942 г., эскадрилья разместилась на отведённом в окрестностях Иваново аэродроме, где ей предстояло освоить советские истребители «Як»-1, отличавшиеся от английских «Девуатинов», на которых они летали в начале войны. Освоение новой лётной техники заняло 3 месяца, и 14 марта 1943 г. начальник управления формирования и укомплектования ВВС Красной Армии генерал-лейтенант авиации Алексей Никитин доложил наркому иностранных дел В. Молотову о завершении подготовки.

Поначалу прибывшую на фронт 22 марта «Нормандию» включили в состав бомбардировочной авиации – в 204-ю бомбардировочную авиадивизию 1-й Воздушной армии. Боевой задачей лётчиков считалось сопровождение бомбардировщиков и оборона аэродрома от вражеских налетов, за которой скрывалось стремление советского командования оградить лётчиков от больших потерь. Но представители французской

военной миссии, равно как и сами лётчики, решительно добивались того, чтобы участвовать в боях как истребители, и в итоге 1 апреля 1943 года «Нормандию» включили в состав 18 гвардейского истребительного полка 303-й истребительной авиадивизии той же воздушной армии.

Первые победы в советском небе одержали 5 апреля 1943 г. французские лётчики А. Пресиози и А. Дюран, сразившись с двумя немецкими истребителями «Фокке-Вульф». После окончания Второй мировой войны лётчики «Нормандии-Неман» на подаренных советским правительством истребителях «Як-3» вернулись во Францию, где до сих пор свято чтят память их совместных сражений на фронтах Великой Отечественной войны Советского Союза. Именами шестерых погибших лётчиков знаменитого авиаполка были названы французские авиабазы (*некоторые уже не существуют.* – Г. К.; Н. Н.): капитана Мориса де Сейна – в Оранже; первого командира «Нормандии» и ее первого погибшего лётчика майора Жана Тюляна – в Турсе; капитана Альбера Пресиози – на Корсике, Шарля Монье – в Истре; братьев Ива, Жана и Клода Маэ – в Таверни; капитана Альбера Литольфа – в Контреквиле.

В сводках значились

В условиях сурового военного лихолетья Великой Отечественной войны советский народ, поддерживая бойцов Красной Армии своим героическим трудом в тылу, внимательно следил за событиями на передовой. С нетерпением ожидали вестей о жизни в стране и на линиях фронтов. Так крепили боевой дух советского народа и уверенность в победе. Главными источниками информации служили официальные сообщения Советского Информбюро, передававшиеся по радио и громкоговорителям, а также неопределимую роль играли газеты, выпуск которых не прекращался ни на день. Таким образом, о единственном и памятном факте в истории боевых сражений Красной Армии – участии французских лётчиков-истребителей непосредственно на советско-германском фронте – граждане обеих стран узнавали по мере развития событий.

Советские читатели военных лет могли проследить боевой путь эскадрильи «Нормандия» по горячим следам, начиная с 1943 г. Наиболее подробно о ней сообщали общенациональные военные газеты: «Красная звезда» – ежедневный и на то время значившийся как Центральный орган Народного комиссариата обороны Союза ССР и «Сталинский Сокол» – орган ВВС Красной Армии, издававшейся Наркоматом обороны СССР с 1941 г. один раз, а с 1943 г. – два раза в неделю. Не обошли вниманием «Нормандию» и официальные правительственные общенациональные ежедневные газеты «Правда», в то время Орган ЦК и МК ВКП(б), и «Известия» – орган Совета депутатов трудящихся СССР.

Несмотря на то что общее число корреспонденций, посвящённых французской эскадрилье за время 1943–1945 гг. было невелико (в «Крас-

---

ной звезде» – 7, в «Сталинском Соколе» – 9, в «Правде» – 3, в «Известиях» – 5), по содержащейся в них информации уже тогда можно было в общих чертах (насколько это позволяли условия военного времени) узнавать о сражениях и подвигах французов, воевавших на советско-германском фронте вместе с советскими лётчиками. Статьи о «Нормандии» публиковались обычно на 3-й или 4-й, а иногда на 1-й страницах в сводках, посвящённых военным операциям советских ВВС. Таким образом, в информационном потоке о боевых сражениях Красной Армии французские лётчики органически соединились с советскими ВВС, что для нас сегодня служит подтверждением братского духа и единства СССР и Франции на полях сражений Великой Отечественной войны, во время которой у советского читателя не могла не крепнуть вера в сплочённость союзников и скорую победу.

Первое сообщение под заголовком «Бой французских лётчиков» появилось в виде передовицы с подзаголовком «Действующая армия» на 1-й странице газеты «Красная звезда» 9 апреля 1943 г., то есть через 4 дня после первых сражений французов с немецкими истребителями. В других номерах газет корреспонденции о «Нормандии», даже если подписывались авторами, всегда сопровождались подзаголовком «Действующая армия».

Начинался текст так: «Лётчики-французы авиационной эскадрильи «Нормандия» с нетерпением ждали того дня, когда они поднимутся в воздух на советских самолётах, чтобы поражать ненавистных гитлеровцев. Первыми получили боевое задание лейтенант Дюран и старший лейтенант Проциози (*в текстах военных корреспонденций так иногда транскрибировали фамилию Пресиози. – Г. К., Н. Н.*). Им было поручено прикрывать два наших бомбардировщика». Далее шло описание воздушного боя.

Текст заметки невелик и не сопровождался какими-либо подробностями. Более детальная информация о французской эскадрилье появилась в «Сталинском Соколе» 23 апреля 1943 г. за подписью Л. Лерова под названием «Нормандия».

Рассказ Л. Лерова был исчерпывающим. «Мы находимся в общезнании французских лётчиков, прибывших в СССР, чтобы вместе с русскими драться за победу свободолюбивых народов над фашизмом», – так начинается материал автора [3, с. 4]. Далее воспроизводится беседа с французскими лётчиками о выполнении боевого задания: «Сегодня они ходили прикрывать бомбардировщиков и видели, как рвались бомбы, точно сброшенные на железнодорожную станцию. Цель находилась в глубине обороны противника. И командир французской эскадрильи, отправляясь в полёт, лелеял надежду, что сегодня удастся померяться силами в воздухе – встретиться с истребителями врага. “Увы, надежда не оправдалась”, – говорит командир с извиняющейся улыбкой. Он понимает, что нельзя

сожалеть об отсутствии воздушного противника в момент действий наших бомбардировщиков. Но у этого француза – душа истребителя и горячее сердце, жаждущее боя и мщения» [3, с. 4].

Не обошёл вниманием корреспондент и историю создания авиаполка. «Эскадрилья носит название «Нормандия». Это – название провинции, – поясняет Л. Леров, – с которой особенно жестоко расправились немецкие оккупанты. В эскадрилью вошло много отличных французских лётчиков-истребителей, тайком бежавших из Франции после капитуляции правительства Виши. Среди лётчиков «Нормандии» – знаменитый французский ас, признанный воздушный виртуоз. Во главе «Нормандии» потомственный воин. Он высоко чтит традиции предков, дравшихся с немцами и в 1871, и в 1914 гг.» [3, с. 4].

С гордостью за советскую авиационную промышленность Л. Леров сообщает, что французы на вопрос о том, на каких воздушных машинах они хотели бы летать, ответили: «Вместе с русскими мы будем воевать на русском самолёте», – и цитирует их командира: «"Як" – самый лучший самолёт, на котором я летал. А я в авиации уже более 10 лет» [3, с. 4].

По сути, в статье Л. Лерова можно уловить те факты, которые в условиях военного времени носили конфиденциальный характер и не предназначались для широкого круга читателей, а стали известны лишь в послевоенные годы. Например, не разглашалось «Соглашение между представителем командования Красной Армии и представителем военного командования «Сражающейся Франции» об участии французских частей ВВС в операциях в Советском Союзе», в котором говорилось о мерах привлечения к ответственности за проступки; не афишировалось недовольство французских лётчиков тем, что поначалу им не поручалось участие в боях как истребителей. Вот что отмечал Л. Леров: «Лётчики «Нормандии» понимают, что каждый удачный бомбовый удар – это победа и истребителей прикрытия. Так говорит их трезвый ум. А сердце жаждет воздушного боя. Один из лётчиков рассказывал нам, как тяжело ему было сдерживать себя в момент, когда он, сопровождая бомбардировщиков, увидел шедших стороной «ФВ-190» <...> И когда случилось однажды, что в полёте не выдержал молодой лётчик и, увидев в стороне «ФВ-190», ринулся в погоню за ним, командир резко зашёл вперёд, перерезал курс пилоту, помахал крыльями и заставил его вернуться в строй. А на земле у молодого пилота был испорчен весь вечер – так его отчитывал командир <...> Недавно в эскадрилье был большой праздник: состоялась долгожданная битва в воздухе. Лётчики Д-н и П-и, сопровождая бомбардировщиков, вели воздушный бой с двумя «ФВ-190». Немцы атаковали ведущего Д-на <...> Немец, решив, что Д-н сбит, оставил его в покое и ушёл с набором высоты. Но его настиг второй французский лётчик – П-и. С короткой дистанции «ФВ-190» был сбит. Эту первую победу праздновала вся эскадрилья.

Французы открыли счёт сбитых самолётов. И больше всех ликовал юный П-и. Если у Д-на это была пятая победа (он уже имел на своем счету четыре сбитых самолёта), то П-и впервые в жизни вёл воздушный бой с немцами. Так началась новая эра в жизни группы французских патриотов» [3, с. 4].

Л. Леров не раскрывает фамилии лётчиков, хотя явно речь шла о Дюране и Пресиози. Объяснение такой секретности мы находим у корреспондента «Известий» А. Булгакова: «У каждого из лётчиков во Франции, стонущей под игом немецких оккупантов, остались семья, родные или близкие люди, и по понятным для читателей причинам мы будем называть вместо фамилий лётчиков лишь их инициалы» [4, с. 4]. Статья А. Булгакова, для которой «Известия» отвела 4 колонки, пронизана глубокой симпатией к французским лётчикам, их героизму и патриотизму, а через них – верой в дружбу СССР и Франции и их совместную победу в Великой Отечественной войне. Вот несколько отрывков: «Одеты они были в свою форму – тёмные куртки с открытым воротником, тёмные остроконечные пилотки с золотыми треугольничками и бронзовой птицей с распростёртыми крыльями. На правом предплечье нашивка серебряными буквами «France» <...> Все они за время войны прошли сложный, трудный и разнообразный боевой путь, всех их привела на наш фронт одна цель – борьба с гитлеровской Германией, борьба за освобождение родины от немецких оккупантов. Большинство из лётчиков эскадрильи дерутся с немцами с первых же дней войны <...> Все лётчики эскадрильи с радостью восприняли приказ своего командования о назначении на русский фронт, так как здесь, говорят они, «немцы под боком и их можно бить каждый день, каждый час» [4, с. 4]. И об отношении к Советскому Союзу и его гражданам: «Все советские командиры, с которыми мы работаем, в короткое время стали нашими боевыми товарищами. Мы были свидетелями того, как Красная Армия бьёт немцев и как немцы бегут под ударами Красной Армии. Настроение русского народа боевое. Все много работают, и никто не сомневается в разгроме фашистской Германии. Героическая и успешная борьба Красной Армии вселяет в нас надежду, что мы скоро сумеем общими силами разгромить врага и освободить Францию от гитлеровских оккупантов» [4, с. 4]. Слова эти сказаны были в беседе с А. Булгаковым командиром эскадрильи, обозначенным, как майор Т., на деле – Жаном Тюляном.

Удалось побеседовать с ним и корреспонденту «Красной звезды» майору Я. Милецкому, опубликовавшему свой рассказ 26 мая под заголовком «Боевые успехи французских лётчиков». Он называет его Жан Т., описывая его так: «В форме французского лётчика – короткой тёмносиней (*так в тексте*. – Г. К., Н. Н.) куртке спортивного покроя – он казался моложе своих тридцати лет. Внешний вид майора типичен для лётчика-истре-

бителя: он небольшого роста, стройный, лёгкий и быстрый в движениях. Майор Жан Т. приехал к нам, уже обладая большим опытом. Он участвовал в ливийской кампании 1941 года <...> О боевом опыте майора говорят и три орденские ленточки на его куртке» [5, с. 3]. Со слов Ж. Тюляна, уже на момент беседы «число сбитых вражеских самолётов почти удвоилось против того количества машин, которое наши лётчики сбивали раньше, в Англии и Ливии» [5, с. 3].

В статье приводятся следующие данные об успехах лётчиков: «Уничтожено шесть немецких самолётов и, вероятно, сбиты ещё три самолёта. На аэродромах противника уничтожено шесть одномоторных самолётов и два двухмоторных. Во время одной штурмовки уничтожено или повреждено 43 грузовика, две легковых автомашины, железнодорожный эшелон (отмечено восемь прямых попаданий в вагоны), подожжены станционные здания» [5, с. 3]. Ж. Тюлян высоко оценивал советские «Яки», подчёркивая: «Растёт и наша эскадрилья “Нормандия”. Мы не хотим отстать от русских союзников. Мы готовим лётчиков из числа офицеров Сражающейся Франции и вводим их в строй» [5, с. 3]. С особой теплотой французский майор отзывался о приёме на советской земле. «Нам созданы все условия для боевой работы», – цитирует его Я. Милецкий [5, с. 3]. А Булгаков и Я. Милецкий описали, как выглядят «Яки», на которых летают французы: «На крыльях их были звёзды. Только на борту самолёта вместо звёзд были нанесены круги – последовательно – синий, белый и красный. Цвета национального флага Франции» [5, с. 3].

О признании заслуг французских лётчиков в боях на советском воздушном фронте говорит Указ Президиума Верховного Совета СССР «О награждении офицеров состава воинской части Сражающейся Франции – «Нормандия», опубликованный 3 июля 1943 г. в «Известиях» и «Красной звезде». Награждались: майор Тюлян Жан Луи и капитан Литольф Альберт – Орденами Отечественной войны I степени, а лейтенанты Дюран Альберт, Лефевр Марсель и Аджюдан-шеф Дюпра Луи (по-нашему, старший сержант. – Г. К., Н. Н.) – II степени. В обеих газетах в тот же день на 3-й странице корреспонденты соответственно А. Булгаков и Л. Никулин напечатали интервью с награждёнными, которые рассказывали о себе и своих товарищах по эскадрилье [6, с. 3; 7, с. 3]. С этого времени уже можно было встретить в газетных очерках полные имена французских героев. 9 июля в «Сталинском Соколе» в статье «Французские лётчики» в той же тональности писал Л. Леонидов: «В землянке слышен звучный французский говор, в котором сливается речь парижанина и эльзасца, марсельца и нормандца. Мы на командном пункте эскадрильи “Нормандия” – эскадрильи лётчиков Сражающейся Франции. На стене рядом с картой, испещрённой красными и синими стрелами, – французский плакат: «Ко всем французам! Франция проиграла битву, но Франция

не проиграла войну». Это девиз нашей эскадрильи, – поясняет майор Жан Луи Тюлян, заметивший наш взгляд, обращённый на плакат» [8, с. 4].

В 1943 г. военные газеты ещё по одному разу рассказывали читателям о «Нормандии». «Сталинский Сокол», отметив, что «за последние дни боёв образцы замечательного лётного мастерства и бесстрашия показали французские лётчики группы «Нормандия», поместил небольшую заметку о конкретном воздушном сражении, упомянув как его героев фамилии Риссо, Бальку, Лефевра, Бегена, Барнье, Жанеля, и подчеркнул: «В этом бою славные лётчики “Нормандии” сбили 4 бомбардировщика, не понеся потерь» [9, с. 1]. В декабре этого года, когда всё очевиднее становилось, что близится победа союзников по антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне, обстоятельный анализ действий французов в небе над нашей землёй в статье «Воздушные бои «Нормандии» дал в «Красной звезде» подполковник Н. Денисов. «В журнал боевых действий группы лётчиков-истребителей Сражающейся Франции «Нормандия», ведущих бои с немцами на советско-германском фронте, недавно была вписана цифра 100. За сравнительно короткое время французы-патриоты уничтожили и подбили в воздушных боях 100 немецких самолётов» [10, с. 4], – начинал свой обзор Н. Денисов. В этом обзоре описана история пребывания французских лётчиков в СССР с первых дней. «Выполняя задания по сопровождению наших бомбардировщиков и штурмовиков, французские лётчики на первых порах столкнулись с некоторыми трудностями, – пишет Н. Денисов. – Известно, что этот вид взаимодействия требует непрерывной взаимной связи между лётчиками всех групп <...> Требовалось исключить те недоразумения, которые могли возникнуть в совместном полёте русских и французских лётчиков из-за отсутствия общего разговорного языка... Успешная боевая работа во многом определяется тщательной предварительной подготовкой и работой после полётов <...> Воздушные бои «Нормандии» уже нанесли немцам немалый урон. Французские патриоты сражаются крылом к крылу с советскими лётчиками. Они жестоко мстят гитлеровцам за поруганную Францию, за свой народ» [10, с. 4].

Пик публикаций о лётчиках «Нормандии» в советских газетах пришёлся на 1944 г. в связи с важнейшими событиями как в истории Второй мировой войны, так и в истории советско-французских отношений. Во-первых, в августе 1944 г. Франция была освобождена союзниками от немецкой оккупации, к власти пришло Временное правительство во главе с генералом де Голлем, заявившее, что будет сражаться с Германией на стороне антигитлеровской коалиции до победного конца, и 2–10 декабря состоялся визит де Голля в СССР, по итогам которого в Кремле был подписан «Договор о союзе и взаимной помощи». О пребывании де Голля в кратком коммюнике сообщала «Правда» и более подробно, с публикацией текста

договора, – «Известия» [11, с. 1; 12, с. 1]. В передовице «Известий», озаглавленной «Советско-французский союз», подчёркивалось, что этот договор «с большим удовлетворением воспримет Красная Армия и весь советский народ» и что «народы СССР и Франции, находившиеся в течение многих десятилетий под угрозой нападения со стороны Германии, всегда рассматривали друг друга как естественных союзников в борьбе против общего врага» [11, с. 1].

Во-вторых, важное событие касалось непосредственно эскадрильи, которой незадолго до визита главы Франции в нашу страну, 28 ноября, было присвоено звание «Неманская», а два её летчика – А. Марсель и Р. де ля Пуап – в начале года удостоились звания «Герой Советского Союза». Интервью с ними вместе с портретами поместили все газеты. Упоминались также и другие лётчики, награждённые Орденами Отечественной войны I и II степени. Сами за себя говорят и заголовки газетных статей: «Доблестные лётчики Нормандии», «Слава «Нормандии», «Герои «Нормандии», «Славные сыны Франции [13, с. 5; 14, с. 3; 15, с. 3; 16, с. 3]. Одним из авторов публикаций был И. Эренбург, текст которого из «Красной звезды» перепечатала «Правда» [13, с. 5].

Известный советский писатель отмечал: «Лётчики “Нормандии” приехали к нам осенью 1942 г. Нас тогда не было в Восточной Пруссии, немцы тогда были у Волги <...> А за границей гадали, сколько недель мы ещё продержимся? И вот в ту тёмную осень наши французские друзья, французские лётчики прилетели к нам. Они поняли нашу силу и поверили в нашу дружбу. Франция теперь освобождена от захватчиков <...> Но мы её признали, когда она была ещё в цепях. И французы этого не забудут» [16, с. 2]. В сводке «Действующая армия» 30 ноября «Правда» рассказала о митинге в полку теперь уже «Нормандия-Неман» в связи с награждениями [16, с. 3]. В свою очередь, «Известия» напечатали статью «Мы летаем на «Яках», написанную самими французами [17, с. 3].

В корреспонденциях 1944 г. не только печатались полные имена французских лётчиков, но уже не были тайной места их боевых сражений. Стало известно, что начали они сражаться в воздушных боях под Сталинградом, перечислялись цифры и данные о других сражениях в небе, передавались многочисленные рассказы лётчиков о жизни у себя в стране и в СССР. В газетах появилось много фотографий. «Вместе с другими лётчиками французской авиационной части “Нормандия” мы били немцев над Орлом и Смоленском, над Оршей и Витебском, над землёй Восточной Пруссии, – говорилось, например, в «Известиях». – Мы приехали в СССР в разное время, но каждый испытал одно чувство: мы попали в страну великого мужества. Здесь все полны решимости драться с врагом <...> Сейчас, когда лётчикам “Нормандии” приходится летать над территорией противника и когда окончательная победа близка, нам очень приятно

осознавать, что в боях на Восточном фронте мы обрели прекрасных друзей» [17, с. 3].

В победный 1945 г. «за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и мужество» соответствующим Указом Президиума Верховного Совета СССР Орденом Красного знамени, Орденами Отечественной войны I и II степени, а также Орденом Александра Невского было награждено в общей сложности 24 французских лётчика. Кроме того, Орден Красного знамени получил глава Французской военной миссии в СССР Э. Пети с формулировкой: «За успешную военную деятельность и заслуги в деле организации борьбы против общего врага Советского Союза и Франции – гитлеровской Германии» [18, с. 5].

8 июня 1945 г. «Красная звезда» напечатала беседу своего спецкора, не назвав его фамилию, с новым командиром воинской части Сражающейся Франции «Нормандия» полковником Луи Дельфино, назначенным после гибели первого командира Ж. Тюляна в воздушном бою во время Орловского сражения, о чём и поведал новый командир. Л. Дельфино назвал имена двух других павших офицеров: М. Лефевра, ставшего Героем Советского Союза посмертно, и А. Литольфа, погибшего вместе с Ж. Тюляном. В конце войны список Героев Советского Союза, как сообщил Л. Дельфино, пополнился ещё двумя офицерами: М. Лефевром, награждённым посмертно (погиб 6 июня 1944 г.), и Ж. Андре.

Подводя итоги военным действиям своих однополчан, Л. Дельфино сказал: «Французские лётчики совершили около 4 тысяч боевых вылетов, провели 869 воздушных боёв. Противнику нанесены следующие потери: сбито более 270 немецких самолётов, повреждено 80 самолётов. Кроме того, разбито много вражеской техники, поездов, автомашин, катеров. Наши потери выражаются в следующих цифрах: 14 убитых лётчиков, 30 пропавших без вести, 6 тяжело раненых» [19, с. 3]. Отметив высокие боевые качества советских «Яков» и рассказав о некоторых эпизодах боевой жизни, Л. Дельфино заключил: «Мы глубоко тронуты гостеприимством, оказанным нам населением Советского Союза и воинами Красной Армии. Лётчики “Нормандии” будут лучшими пропагандистами постоянной франко-советской дружбы» [19, с. 3].

С присущим ему незаурядным литературным талантом, полным героизма, написал 9 июня 1945 г. в «Известиях» большую статью о «Нормандии-Неман» по случаю возвращения лётчиков на родину на подаренных советских самолётах «Як-3» И. Эренбург. «Теперь у нас нет отбоя от друзей, – кому не лестно примоститься хотя бы на крыльчке у победителя? – спрашивал он. – Вспомним другое время. Лето 1942 года было чёрным для Советского Союза и для всей Европы <...> В то тёмное и горькое лето <...> два десятка французских лётчиков, которым удалось вырваться

из фашистской неволи, заявили о своём желании сражаться на советско-германском фронте <...> Они пришли к нам, когда нам было тяжело, и мы этого не забудем <...> Мы помним всех; и теперь, провожая друзей, улетающих во Францию, мы знаем, что они оставляют на нашей земле дорогие могилы <...> Париж скоро встретит “Нормандию”: на груди победителей он увидит рядом с французскими советские ордена; он увидит на прославленных самолётах рядом с красной звездой трёхцветную кокарду. Пройдут года, зарастут раны <...> мир станет прочным, глубоким, <...> но никогда не забудется боевая дружба <...> Вы честно воевали, и славным останется в истории Французской республики имя Неманского полка» [20, с. 4].

Подробно картину процедуры награждения французских лётчиков, состоявшегося 5 июня 1945 г. в Голубом зале Центрального Дома Красной Армии в присутствии Чрезвычайного и полномочного посла Французской республики в СССР генерала Катру, главы Французской военной миссии в СССР дивизионного генерала Э. Пети и министра иностранных дел Временного правительства Франции Ж. Бидо, описал в «Сталинском Соколе» Л. Леров [21, с. 3]. С советской стороны главными на этой церемонии выступили заместитель Народного комиссара иностранных дел С. А. Лозовский, главный маршал авиации Герой Советского Союза А. А. Новиков, а также другие представители высшего военного командования СССР.

Особо хочется подчеркнуть полезность и важность непосредственного знакомства с газетными публикациями военных лет о «Нормандии-Неман». Советские корреспонденции были «живыми» по стилю, содержали информацию о курьёзных событиях из жизни французских лётчиков. Например, о том, как выпрыгнувших с парашютами на колхозное поле двух лётчиков, не говоривших по-русски, сначала местные жители чуть было не приняли за немцев, а когда всё прояснилось, устроили им горячий приём.

Таким образом, через прессу периода Великой Отечественной войны мы можем «погрузиться» в ту атмосферу, увидеть, что советские читатели в условиях военных лет и военной тайны могли узнать о боях Красной Армии и оценить информацию с позиций сегодняшнего дня. Прессу по праву следует рассматривать как важный исторический источник, дополняющий имеющуюся на сегодняшний день обширную научную и мемуарную литературу об эскадрилье «Нормандия-Неман».

Ссылки

1. Хайремдинов Л., Дуденко А. «Дорога памяти» ведёт к сплочению страны // Красная звезда. 2019. 13 ноябр., № 127.
2. Дыбов С. В. «Нормандия-Неман». Подлинная история легендарного авиаполка. М.: Эксмо, 2011. 320 с.

3. Леров Л. «Нормандия» // Сталинский Сокол. 1943. 23 апр., № 17 (145).
4. Булгаков А. «Нормандия» // Известия. 1943. 9 мая, № 108 (8101).
5. Милецкий Я. Боевые успехи французских лётчиков // Красная звезда. 1943. 26 мая, № 122 (5493).
6. Булгаков А. Лётчики «Нормандии» // Известия. 1943. 3 июля, №155 (8148).
7. Никулин Л. «Нормандия» сражается // Красная звезда. 1943. 3 июля, № 155 (5526).
8. Леонидов Л. . Французские лётчики // Сталинский Сокол. 1943. 9 июля, № 28 (156).
9. Эль-Регистан. Победа лётчиков «Нормандии» // Сталинский Сокол. 1943. 16 окт., № 45 (173).
10. Денисов Н. Воздушные бои «Нормандии» // Красная звезда. 1943. 15 дек., № 2955 (5666).
11. Известия. 1944. 19 дек., № 298 (8600).
12. Правда. 1944. 29 ноябр., № 286 (9743).
13. Правда. 1944. 30 ноябр., № 287 (9744).
14. Постословский М. Доблестные лётчики «Нормандии» // Сталинский Сокол. 1944. 16 февр., № 14 (208).
15. Рыбак Н. Слава «Нормандии» // Сталинский Сокол. 1944. 29 ноябр., № 93 (290).
16. Эренбург И. Герои «Нормандии» // Красная звезда. 1944. 28 ноябр., № 281 (5961).
17. Капитан Жанель, старший лейтенант Аммарже, младший лейтенант Эммоне, младший лейтенант Эйшенбауи. Мы летаем на «Яках» // Известия 1944. 12 дек., №292 (6594).
18. Правда. 1945. 7 июня, № 135 (9906).
19. Лётчики «Нормандии» возвращаются на родину // Красная звезда. 1945. 8 июня, № 133 (6121).
20. Эренбург И. Полк «Нормандия-Неман» // Известия. 1945. 9 июня, № 134 (8744).
21. Леров Л. Награды героям «Нормандии» // Сталинский Сокол. 1945. 9 июня, № 46 (344).

Marriage and Family in the East: Russian view

N. L. Krylova¹

¹Institute for African studies of Russian Academy of Sciences, 30/1 Spiridonovka str., Moscow 123001, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-1-20-35

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the peculiarities of marriage and family relations in the middle East. It is based on the reflections of a Russian woman who lived for many years in a marriage with a Syrian citizen. The Russian woman's view on different aspects of the phenomenon of the Eastern family, ways of integrating a foreign woman into Eastern society, taking place against the background of the activation of the processes of feminization of modern Western and neighboring societies, and the diversity of forms of emancipation of women.

Keywords: Middle East; Russia; marriage; family; epistolary; children; women's rights

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Krylova Natalia L. | E-mail: krylovanl@yandex.ru
| Doc. Sc. (History), Main scientific employee

Брак и семья на Востоке: русский взгляд

Н. Л. Крылова¹

¹Институт Африки РАН, ул. Спиридоновка, 30/1, Москва, 123001, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-1-20-35
УДК 39 (394+396)

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена особенностям брачно-семейных отношений на Ближнем Востоке. В ее основе – размышления русской женщины, многие годы прожившей в браке с гражданином Сирии. Взгляд россиянки на разные стороны феномена восточной семьи, способы интеграции иностранки в восточный социум, происходящие на фоне активизации процессов феминизации современных западных и соседствующих с ними обществ, разнообразия форм эмансипации женщины.

Ключевые слова: Ближний Восток; Россия; брак; семья; эпистолярный; дети; права женщин

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Крылова Наталия Леонидовна	Е-mail: krylovanl@yandex.ru Доктор исторических наук, главный научный сотрудник
----------------------------	---

Супружество – одна из наиболее важных форм человеческих отношений. Каковы бы ни были рамки супружеской жизни, она функционирует как «наиболее устойчивый и надежный форум современной истории, место, где люди с наибольшей готовностью вкладывают свои усилия в попытки достичь терпимого и иногда созидательного баланса между индивидуальной свободой и развитием, с одной стороны, и долгосрочным комфортом и безопасностью, с другой стороны» [1, с. 4]. Брак – основа малой семьи и фундамент для производства и воспитания нового поколения – в то же время остается и наиболее уязвимым социальным институтом, а искусство семейной жизни – самым сложным из всех искусств, которым владеет человечество.

© Крылова Н. Л., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

С моей корреспонденткой Ниной С., экс-председателем организации соотечественниц «Дар» в г. Латакия, а в недалеком прошлом и председателем Координационного совета, куда входят организации соотечественников из 8 городов Сирии, и героиней этого материала, мы познакомились в Марокко, на конференции российских соотечественников, проживающих в странах Африки и Ближнего Востока. Собранный, сдержанный, внимательный, толково выступающий на заседаниях конференции и последовавший за ней круглый стол «Учитель и ученик в “русской” Африке»¹, она сразу запомнилась своими неординарными замечаниями и комментариями к выступлениям соотечественниц. Но более всего меня заинтересовала ее совершенно необычная для россиянок из «смешанных» браков точка зрения на особенности брачно-семейных отношений на Востоке как главный «фон» в адаптации русских женщин и шире – ее взгляды на группу вопросов, волнующих женщин, отправляющихся на постоянное место жительства в страны Ближнего Востока. Тогда же, в Касабланке, мы договорились о переписке².

Почему я предложила такую форму изложения мыслей о жизни женщины на Востоке? Как известно, человеческие намерения и встречные требования жизни нередко образуют противоречия между тем, к чему стремится сам человек, и тем, что может предложить ему жизнь. Об этом, пожалуй, наиболее выразительно свидетельствуют именно личностно наполненные тексты, в которых человек описывает свое мироощущение. Мой собственный исследовательский интерес к индивидуальному описанию, ориентированному на авторское внимание к элементам повседневности, объясняется многими причинами, связанными с реставрацией научного интереса к взгляду на социально значимые объекты или ситуации, требующие личностного подхода, к отходу от масштабных обобщений и возвращению исследовательского внимания к информационно надежным автодокументальным (в том числе эпистолярным) свидетельствам и растущей необходимостью индивидуализированного подхода к живому объекту, ждущему от взаимодействия с исследователем некоей камерности, психологического комфорта.

Письма моей корреспондентки – реальное подтверждение тому, что обращение к эпистолярным практикам, когда текст пишется на одном дыхании, без оглядки и подтасовки фактов, сводят к минимуму неизбежную субъективность отдельных оценок действительности, дают возможность услышать живой голос автора с его особым вниманием к со-

---

¹ Позднее Нина неоднократно участвовала в научно-практических – международных и региональных – мероприятиях с докладами и сообщениями, неизменно вызывавшими дискуссию.

² Личный архив Н. Л. Крыловой. Фонд не описан.

бытийному ряду, к структурам каждодневности, к обыденной речи [2]. Именно с помощью таких источников приходит понимание, каким образом культурно-историческое целое становится частью опыта отдельной личности. Конечно, история любого человека, его семьи уникальна лишь отчасти. В то же время исследование отдельно взятого, частного случая позволяет более глубоко подойти к изучению и пониманию проблем, связанных с существованием и жизнедеятельностью семьи. Именно поэтому в основу статьи положены письма героини к автору, поскольку «установка на подлинность» таких эго-текстов обладает особыми возможностями, не только эмоциональными, но и познавательными [3, с. 3, 4; с. 10–11].

Демонстрируя себя в письмах чутким бытописателем, реагирующим как на собственно предметность мира, так и на разнообразие его форм и воплощений, вычлняя те устои, которые остаются неизменными для любой эпохи человеческого бытия, моя корреспондентка, как всякая мыслящая женщина, не навязывает свою точку зрения. Она неторопливо и последовательно ее обосновывает, опираясь на почти 20-летний опыт жизни на Востоке, демонстрируя искренние симпатии к некоторым постулатам семейной жизни «по-восточному», что, несомненно, говорит об ее благополучной интеграции в принимающий социум. Последняя заключается не столько в принятии отдельных элементов, сколько в социальном и психологическом освоении нового типа ценностной системы отношений, а также в личной социально-психологической способности индивида пережить чрезвычайную ситуацию перехода от одних общественных порядков к другим. Во многих случаях для адаптации оказывается достаточным создания условий, позволяющих человеку извлекать выгоды из новой ситуации и более или менее успешно защищаться от ее проблем. Однако требуется еще адаптация социально-психологическая. Чувство неудовлетворенности, неприспособленности к новой жизни может возникнуть не только из-за реальной недоступности материальных или социальных благ, но и вследствие психологического дискомфорта, непривычности новых форм жизни [5, 6; 7, с. 4; 8]. В конкретной ситуации, судя по всему, эта адаптация состоялась.

Когда я читала эти письма, возникло некое двоякое ощущение. С одной стороны, они родились на основе воспоминаний о жизни в стране, которая долгое время находилась в состоянии войны и все еще ведет очень беспокойную, тревожную социально-политическую жизнь, и этот эпистолярный вдруг представлялся мне неким «оком» тайфуна, в котором, говорят, всегда царит покой и тишина. С другой стороны, некоторые пассажи писем многим могут показаться дискуссионными и даже неприемлемыми, особенно на фоне активизации процессов феминизации, эмансипа-

ции женщины (в том числе в границах семейного очага), борьбы многих современных женщин за свои права, за равенство между полами. Тем привлекательнее позиция Нины, способная в предлагаемом ею контексте вызвать дискуссию. «Конечно, – сказала Нина, прощаясь со мной в Марокко, – всякая попытка познать общество как целое будет иметь изначальные личностные ограничения, но я и не претендую на глобальность и истинность той картины, которую попытаюсь нарисовать в своих «зарисовках с натуры», надеясь донести ту тональность восточного общества, которая заметна «свежему взгляду». Поэтому приводимые ниже тексты остаются открытыми для обсуждения и критики, в которых мы обе – и автор статьи, и автор писем – готовы принять самое активное участие.

Письмо 1. «Тональность и ритм»

«Выехала я на Ближний Восток, а точнее, в Сирию в 1991 году, еще из Советского Союза (который был на последнем издыхании), по семейным обстоятельствам <...>, в возрасте вполне осознанном (чуть за тридцать).

Первое, что надо отметить: тональность и ритм жизни на Востоке – другие, чем <...> в России (о «западных» странах судить не берусь, там не жила). Это поначалу так сбивает с толку, что кажется, и мелодия здесь – другая. Однако основных мелодий (по моим наблюдениям) у человечества всего две – песня и марш. Песня – для каждодневной мирной жизни, ну, а времена марша – революции, конфликты и войны.

Итак, народ здесь живет неторопливо, я бы сказала, соразмерено человеческому естеству. Помните чудесный мультфильм советских времен «Паровозик из Ромашково»? Так вот, здесь всегда есть время остановиться для того, чтобы «услышать первую песнь соловья, увидеть первые весенние цветы, посмотреть на восход». В каждодневной жизни эта манера жить преломляется в готовность иметь детей, в неразрывные родственные отношения, в смирение перед божьим провидением, в восточное гостеприимство <...> в чашку кофе по-восточному. Ибо чашка кофе сопровождает восточного человека как самый преданный паж. Кофе пьют дома и в гостях, им начинаются и заканчиваются официальные визиты, им вас угостит хозяин частного магазина и хозяин государственного кабинета. Короче, вам всегда предложат чашечку кофе как знак доброжелательного к вам отношения, как приглашение к разговору, как дань восточной традиции. Честно говоря, поначалу я совершенно не понимала и не ценила эту традицию «чашки кофе». <...> кофе очень черный и горький, и чашечки, в которых его подают, маленькие–маленькие, а время, отведенное на это, минимум минут десять–пятнадцать (максимум – не определен). Но со временем, когда начинаешь ценить восточную манеру решать проблемы за чашкой кофе, и в плавной беседе, когда приглашение попить кофе яв-

ляется аналогом российского: “давай забудем обиды и выпьем за дружбу”, когда в большой шумной семье чашка кофе гарантирует тебе относительное одиночество (хотя бы на полчаса), когда в тревожном душевном состоянии чашка кофе в руках гадалки становится посредником с миром духов, то и кофе становится вкусным, и чашка – нормальная, а традиция – очень психотерапевтическая. И главное во всем этом: когда на Востоке пьют кофе, то и время начинает течь по-другому – ты никуда не опаздываешь, ибо ты там, где надо. Я же смею утверждать, что в наше суетное стрессовое время эта традиция (одна из многих) вносит в каждодневную жизнь восточного человека чувство уюта и душевного комфорта».

Письмо 2. «Жизнь как арабски»

«Уклад здешней жизни многослойный, многоуровневый и многогранный. Во-первых, Сирия совсем не однородна по этническому составу. Здесь живут арабы, турки, ассирийцы, черкесы, армяне, курды, ну, и мы, русские. Помимо разных народов в стране мы имеем присутствие и разных вероисповеданий. Конечно, основная часть исповедует ислам, хотя и он не однороден: очень большие различия в образе мировосприятия и каждодневной жизни между суннитом, шиитом и алявитом, хотя все они – мусульмане. Вторая религия по численности – христиане, причем православных (как здесь их называют – «ром-ортодокс») немало. (Замечу в скобках, что все эти христиане в основном – арабы). Есть большая община армян, а в городке Касаб, на границе Турции (это одно из самых живописных мест Сирии) их подавляющее большинство. Ну, а государство лишь поддерживает эту неконфликтность разных вер и народностей, а не навязывает искусственный интернационализм. Например, в Сирии праздничными (выходными) днями являются и день рождения пророка Мхаммада, и Рождество. Словом, здешнее общество, скорее, напоминает многослойный праздничный торт, чем пресную плоскую лепешку. Визуально это выражается в манере одеваться, причем настолько сильно, что иной раз, видя выходящих из университета подружек (мы живем с ним рядом), кажется, что это – коллаж: одна в длинном до пят пальто и платке, а другая - в короткой майке и узких модных брюках.

Так вот, чтобы все это жило тихо-мирно, необходимы механизмы саморегуляции общества. Этим механизмом, по-моему, является семья “по-восточному”. Эти семейно-клановые отношения как крем, который соединяет разные по составу коржи во вкусное единое целое (если говорить кулинарными терминами), а пронизывающие семейно-общественные связи делают почти невозможным “выпадение” человека из общей системы ценностей для данного сообщества. На практике это приводит к тому, что если и есть такие факты, как “беременность до брака”, то они столь ред-

ки, что это даже в обществе не обсуждается (ни я, ни мои здешние подруги и родственники о подобных фактах не слышали).

В отличие от стран Запада, нет у этого восточного общества проблем сексуальных меньшинств и наркомании, нет проблемы подростковой преступности, нет бездомных. Очень редки случаи суицида. Причина тому, по-моему, кроется в разном подходе к одной и той же проблеме у Востока и у Запада. У первых – это профилактика, у вторых – лечение. Можно провести аналогию с подходом человека к проблеме здоровья. Один человек, зная о том, что болезнь существует, пытается профилактическими методами не допустить ее появления (это восточный подход), а другой – живет “на авось”, когда же “вдруг” заболевает, то начинает с этой болезнью бороться “в полном объеме”. Как всегда, оптимальный вариант – синтез одного и другого. Я же рассказываю вам о восточном (профилактическом подходе), так как западный, думаю, вам и так хорошо уже знаком.

Уж не знаю, гармония ли это, и надолго ли, но на сегодняшний день, как верно заметила моя мама, когда жила у нас здесь – иногда по году, а один раз и два к ряду, – они (сирийцы) живут для себя *правильно*. И будет <...> жаль, если отлаженный механизм общественных отношений будет безжалостно сломан, и мы вместо будильника, который будит для дня грядущего, получим часовой механизм к запалу.

Восток живет *принципиально по-другому*, чем Запад, и, как минимум, нелепо пытаться оценивать этот факт в координатах “хорошо/плохо”. Для самого Востока этот принцип – правильный. Он дает возможность ему, Востоку, балансировать, как канатоходцу, между традицией и новаторством, медленно продвигаясь вперед. Когда же я говорю об отсутствии каких-либо отрицательных социальных явлений, то, конечно же, они могут присутствовать и присутствуют, вероятнее всего, в обществе, но не являются той критической массой, которая активно начинает влиять на жизнь всего общества, превращая ее порою в ад. По-моему, между единичными случаями и тенденцией есть столь большая качественная разница, что путаться в этом – значит, стать потенциальной жертвой пиарщиков. <...> лже-журналисты становятся как бы биноклем в руках “всесильных мира сего” и делают либо “из мухи слона”, чем заставляют общество прибегать к “хирургическому” вмешательству тогда, когда нужна лишь легкая “терапия”, либо уменьшают “тигра до комара”, тем самым доведя общество до хронической неизлечимой болезни.

Может быть, я ошибаюсь, но, мне кажется, не сможет жить Восток “по-западному”, как, впрочем, и Запад “по-восточному”, однако надо же им как-то уживаться <...>. Это как в союзе двух людей, принципиально разных в некотором смысле, мужчины и женщины, и дети – это то, что меж-

---

ду ними, безусловно, общее. Семьей этот союз называется и является основой продолжения жизни рода человеческого <...>. И я думаю, именно институт семьи в данный исторический период человечества является самым главным полем боя (вспомните феминисток и однополые браки, примите во внимание разработку методик клонирования), так как именно в семье ребенок получает традицию “манеры жить” и личностную идентификацию, которая даст ему затем возможность противостоять культурному “размыванию” и социальному “обнулению”. Могу лишь снова повторить прописные истины о том, что сиротство, безотцовщина и подмена семьи общественными организациями приводит к увеличению числа либо потенциальных нахлебников, либо потенциальных преступников».

Письмо 3. «Мужчина – голова, а женщина – шея»

«До приезда в Сирию я успела побывать и комсомолкой, и атеисткой, и молодым специалистом на советском социалистическом предприятии, а следовательно, приехала на Ближний Восток с полным “джентльменским набором” представлений – что есть семья и каковы должны быть в ней отношения при равенстве прав женщины и мужчины. И, прожив здесь достаточно долго, чтобы иметь возможность сравнить <...>, могу со всей ответственностью сказать: причиной больших и крепких восточных семей является очень высокий статус в обществе мужчины и статус женщины-матери, а сама форма организации семейных отношений является гарантом социальной защищенности детства и старости.

<...> на Востоке любовь (в <...> российском понимании) не обязательный атрибут семейной жизни, хотя и желательный. Это, как в математике: есть условия необходимые, и есть – достаточные. Так вот, необходимым (а часто и достаточным) условием для крепкой восточной семьи является четкая ролевая установка и взаимное уважение. Нет, не будет восточная женщина “коня на скаку останавливать”, а вот сделать так, чтобы наездник сам возле нее остановил своего скакуна – сможет, потому что для восточного мужчины женщина – приз. В реальной жизни это значит лишь то, что жениться (а чаще всего лишь при этом условии впервые познать женщину) он может только тогда, когда у него есть жилье, когда у него есть стабильный доход, когда у него есть средства на период жениховства и на свадьбу. Такая маленькая деталь, но очень характерная для отражения финансовой тяжести цепей Гименея: здесь жених дарит невесте, как правило, золото, причем суммарный вес украшений, порой, бывает за полкило; в обязательном порядке составляется брачный договор, где прописывается обычно очень приличная сумма в качестве “отступного”, если разрывается помолвка со стороны жениха. Естественно, такие изначальные условия для сватовства делают нереальным же-

---

нитьбу в двадцать – двадцать пять лет. Чаще всего это – после тридцати-тридцати пяти. Невеста же, как ей и подобает быть, молода и красива, из хорошей фамилии (на Востоке очень большое значение придают “роду-племени”), желательно с образованием, более чем общеобразовательная школа (среднее образование в Сирии обязательно и для девочек, и для мальчиков). В среде “среднего класса” желательно, чтобы невеста имела и перспективу работы, причем свой заработок она не должна вносить в общий бюджет: обеспечение жизни семьи – дело мужское.

Для восточного уклада жизни, для восточного менталитета институт семьи – самоценен, ведь на нем держится саморегулирование социальных прав и обязанностей общества. На Востоке семья – действительно, ячейка, “первичный кирпичик”, благодаря здоровью которой государственная власть может не утруждать себя всяческими социальными фондами и институтами. Благодаря этому здесь нет – на уровне общественной – проблемы бездомных и беспризорных, нет матерей-одиночек (в российском понимании) и детей, у которых родители лишены родительских прав; нет проблемы алкоголизма, нет проблемы наркомании (Ближний Восток – не постсоветская Средняя Азия и не тем более Афганистан); нет злостного хулиганства.

Тысячами невидимых социальных ниточек связаны тут все, так как Семья – это не только муж, жена и их дети <...> это все те, кто носит как фамилию отца, так и матери (женщина здесь имя при замужестве не меняет (да и религию тоже), так что путаницу в генеалогию не вносит). А пословица “свой своему поневоле – брат” <...> отражает глубину и широту тех прочных родственных связей, которые и являются своеобразным регулятором, сдерживающим или, наоборот, стимулирующим фактором для членов данной семьи и общества в целом. И это учитывать необходимо, потому что многослойность, многомерность восточного общества становится для “чужака” топким болотом, где он вязнет тем быстрее, чем резче, однозначнее и бескомпромисснее (без кофе по-восточному) делается попытка разрубить “восточный узел”.

Приехав на Восток, я была очень удивлена тому, что здешняя женщина совершенно не страдает от того, что она не зарабатывает деньги. Восточный образ жизни строится на четком разделении по полу (мужчина – женщина), по возрасту (старший – младший) и по статусу (начальник – подчиненный). Я бы сказала, что здесь еще не перепутана физиология с психологией, что понятие “иерархичность” не находится в противоречии с понятием “равноправие” (да они и не должны быть в противоречии, если мы говорим о мире объемном, а не плоском). В обычной жизни Сирии женщина имеет право и на учебу (обучение <...> бесплатное), и на работу (на стройку

ее, конечно, не возьмут, а вот госслужащей – пожалуйте), но дом, дети и муж для нее – святое. При прочих равных условиях она выберет, скорее, “домохозяйство”, чем работу “с утра до ночи”, даже за очень хорошую зарплату. Словом, между материнством и карьерой восточная женщина выберет ребенка. И этот выбор будет обществом одобрен и оправдан, так как воспитание детей, ведение дома и создание для мужчины “тихой пристани” здесь считается работой трудной и уважаемой. Я уже говорила, что статус женщины-матери очень высок, а в какой-то мере этот статус даже выше статуса мужчины.

Думаю, не только женщины меня поддержат в том, что женщина в семье – вечный труженик, стахановец. И я теперь точно знаю, что в нормальном обществе не должна сложиться такая однозначная ситуация, когда этот труженик вынужден будет выбирать между делом своей жизни (а для женщины ее семья – это самое главное) и работой “на дядю”. И пусть перестанут лгать, что восточная женщина в семье “эксплуатируемая”! Это она на производстве будет эксплуатироваться (как и любой человек наемного труда), а в *своей* семье она тратит силы и время на *своих* детей, на *свой* дом, на *своего* мужчину. И не вижу я никого унижения, если за мужчиной, который является отцом ее детей, кормильцем-добытчиком и защитником, женщина трепетно ухаживает. <...> мужчина обязан (!) содержать семью и в подавляющем большинстве семей это именно так. Иногда для того, чтобы обеспечить жену и детей, он работает на нескольких работах, но это, что называется, его проблемы. Женщина здешняя в данном вопросе особенно “руки не подставляет”, но и не понукает мужчину (как у “эмансипированных” женщин бывает).

Мужчина с восточным менталитетом – хороший семьянин. Меня, помнится, очень удивил тот факт, что здешние мужья очень хорошо ориентируются, что купить жене и детям из одежды, знают размеры всех. Вообще, здесь редкий мужчина домой приходит с пустыми руками, так как покупка продуктов и вещей повседневного пользования тоже чаще всего входит в его обязанности. Правда, он приходит к готовому обеду, к убранному дому и к ждущей его женщине, что, может быть, и стоит тех напряжений, которые гарантируют ему этот домашний очаг.

Денежные вопросы тут тоже решаются, по-моему, в пользу женщин. <...> мужчина для женщины “банк с открытым кредитом”. Никаких смущений и рефлексии в этих вопросах у местных женщин нет. Они воспитаны в четкой ролевой установке: раз ты – мужчина, то твоя прямая обязанность сделать так, чтобы я и наши дети были довольны. Вот почему один из частых вопросов, который мужчина задает своей женщине: “Ты довольна?” Но и обязанности свои женщина знает четко: знает, что если она

хочет, чтобы мужчина старался для нее, то она должна создать ему в доме покой, должна поднимать его статус перед гостями и друзьями, должна воспитывать детей в уважении к отцу. Ни разу я не слышала ни от сестер моего мужа, ни от жен его друзей, ни от моих многочисленных соседей каких-либо замечаний своим мужьям при посторонних, не видела прямого “встревания” в процесс воспитания отцом своих детей. Это потому, может быть, при закрытых дверях, будут сказаны резкие слова, но при людях – никогда! И если мне скажут, что такое положение вещей, это – “ущемление права женщины на свободу слова”, то я пожму плечами и удивлюсь такой способности перепутать “божий дар с яичницей”. Словом, восточная женщина умеет защитить свои “женские привилегии”, которые ей гарантирует семейный уклад жизни».

Письмо 4. «Дети – альфа и омега восточной семьи»

«Многодетность в восточных семьях, с моей точки зрения, помимо простого желания мужчины и женщины быть родителями, имеет вполне конкретные осязаемые стимулы. И первый стимул лежит фактически на поверхности, так как он материален и связан с тем, что в основе законодательных актов (даже светского государства), которые регулируют жизнь мусульманской страны, лежит Коран. А он, Коран, является такой религиозной книгой, в которой совершенно четко сформулированы права и обязанности каждого члена общества, а, значит, любой законодательный акт государства, которое считается мусульманским, должен, как минимум, *не противоречить* тому, что сказано в Коране <...>.

Итак, в силу того, что рассказываю сейчас об институте семьи, то откроем суру, которая называется “Женщина”. Место ее почетно, она расположена фактически в самом начале Корана (ее номер 4, а всего сур – 114), и объем один из самых больших (уступает лишь суре № 2 – “Корова”). Значение этой суры в регуляции жизни общества очень важно, так как в ней дается четкая система наследования. Если учитывать тот факт, что восточный мужчина женится достаточно поздно, а берет в жены, как правило, девушку много моложе себя, то вопрос наследования при его смерти для жены – не праздный. Так вот, значение в величине доли наследства играет наличие у женщины детей (особенно сына).

Второй стимул – в мусульманском обществе, где разрешено многоженство – не дать появиться конкурентке, а для этого надо <...> рожать. Дело в том, что в Коране есть четкая регламентация обязанностей мужчины в отношении нескольких жен. Это можно свести к формуле – *всем женам все поровну* – что означает: мужчина должен обеспечить каждой жене отдельное жилье, средства на ведение хозяйства и участие свое в воспитании детей. Вот восточные женщины и “не ленятся” создавать для мужа

цейтнот, рожая нового члена семьи, чтобы не было ни свободных денег, ни времени, ни сил на реализацию своего права быть многоженцем.

Стимул третий – экономическая защищенность в старости (особенно защищена мать!), если есть дети (особенно сыновья!).

А как та атмосфера, которую создают базовые нормы Корана, влияет на конкретную практику законотворчества в Сирии? Здесь, например, есть закон наследования пенсии. Он заключается в том, что, если человек работал у государства, то пенсию мужа после его смерти будет получать жена (если она не работает у государства или не имеет свою пенсию), или дети, если остались сироты, или любой другой родственник, который не получает от государства зарплату или пенсию. Согласно этому закону, например, родная тётя моего мужа получает пенсию своего сводного брата по отцу.

<...> аборт в Сирии официально запрещены, а значит, в государственной больнице эту «услугу» женщине не окажут. Врач же, делающий аборт частным образом, всегда находится под дамокловым мечом, и встреча со слугами закона – как дело времени, так и везения. Более того, если женщина хочет сделать операцию по предотвращению беременностей, то это ей сделают лишь при письменном согласии мужа. Правда, и случаи, когда мужчина бросает женщину с детьми без средств к существованию здесь крайне редки, так что женщины рожать не боятся.

И последнее, что хотелось бы написать о законе семьи и брака в Сирии, который особенно хорошо, по-моему, оттеняет высокий статус мужчины в обществе как кормильца (для слабых) и гаранта социальной перспективы (для малых): единственного сына (дочери не в счет), а значит, и чьего-то будущего мужа в армию не призывают.

<...> в современном восточном обществе еще работают те нормы и законы, которые обеспечивают мужчине высокий статус. С одной стороны, они создают мужчине условия реализовать свое главенство в семье, а с другой – дают женщине <...> чувствовать себя защищенной от превратностей жизни “широкой мужской спиной” на протяжении всей своей жизни».

Письмо 5. «Поле битвы – простое семейное счастье»

«Восток, как я уже писала, живет кланово, а это значит, что единицей общества является не отдельный индивид, а некая ячейка близких родственников, называемая семьей. Такая система общества, с одной стороны, индивида связывает неписаными моральными нормами (словно Гулливера лилипуты тонкими нитями), но, с другой стороны, это ему гарантирует защиту от превратностей жизни и даже закона государственного<...>.

В понижении уровня рождаемости среди русской части российского населения обвиняют обычно либо женщин: мол, рожать современные женщины не хотят (позиция мужчин), либо мужчин: не от кого рожать (позиция женщин). Можно долго спорить, какая позиция верна, но, по-моему, верны обе, и обе <...> ошибочны. Женщина российская, как мне кажется, не спешит быть матерью, потому что, вероятнее всего, ее ждет судьба матери-одиночки или “разведенки”, а мужчина – отцом, потому что система общественных отношений не дает ему возможность стать, действительно, главой семьи. А обоим – и мужчине, и женщине – статус родителей в современном российском обществе лишь осложняет, а не облегчает их отношения с окружающими. Помнится, в бытность мою жизни в аспирантском общежитии (в столице северной) впервые я столкнулась с иностранцами. Иностранцы в нашем общежитии были в основном из Египта и Сирии, ну совсем чуть-чуть – из африканских арабских стран. И вот разговор у меня был один памятный, с одной аспиранткой-египтянкой, красавицей. Я задала вопрос (для женщины из страны победившего социализма совершенно стандартный и интригующий) о многоженстве в стране тогда дальней-чужой-сказочной. Самира (так звали мою собеседницу) смутилась сначала, а потом мне вопросом на вопрос ответила: а разве лучше, если женщина одна, чем, если она замужем? Для меня в ту пору этот вопрос даже абсурдным показался, так как внутри был готов ответ (словно лозунг коммунистический): конечно, лучше одной, чем с мужем – “сынком маменькиным” или пьяницей, а рыцари трезвые – это не про нашу сегодняшнюю жизнь! И лишь приехав сюда, на Восток, в Сирию, поняла всю правду слов той египтянки. Действительно, в этом обществе все так на мужчину завязано, что лучше быть женой (пусть и номер два), чем старой девой или брошенной, так как никакое материальное обеспечение, никакое образование не компенсируют того неудобства каждодневного, которое гарантировано ей статусом незамужней женщины. Жить в восточном обществе незамужней некомфортно, не престижно, почти стыдно. Ведь если девушка оказалась старой девой, то, вероятнее всего, ее круг общения будет со временем лишь сокращаться, а проблемы с организацией жизни лишь увеличиваться, потому что жить ей придется, вероятнее всего, после смерти родителей в семье кого-нибудь из ближайших родственников, и совсем не обязательно у тех, у кого ей хочется, а у тех, кто на себя возьмет заботу о ней (но кто-то возьмет обязательно!).

У мужчин жизнь холостяцкая проходит, конечно, легче, чем у женщин жизнь незамужняя, так как они в обществе более свободны изначально (по статусу), но с какого-то возраста статус “вечный холостяк” превращается в показатель социальной “неуспешности”. Все дело в том,

что обзавестись своим домом (семьей) на Востоке можно только при определенном уровне дохода и положения, и раз мужчина не женат, то значит, нет успехов в делах и карьере, а что для мужчины может быть обиднее, чем материальная и деловая несостоятельность?

<...> на Востоке женщина быть женой и матерью стремится не столько потому, что ей будет житья лучше и легче, а сколько потому, что без “мужского прикрытия” ее ждет жизнь много ниже статусом. А вот у женщины Запада одно из другого однозначно не следует. Более того, западный образ жизни дает женщине свободу от мужчины до такой степени, что она может вполне быть успешной (1) без мужа, но с детьми, (2) без детей, но с мужем, а главное – (3) одновременно и без того, и без другого – в свободном полете-поиске. Для женщины это хорошее условие для интеллектуального развития, так как дает возможность свести влияние пола до минимума, сбросить с себя обязанности по деторождению и тем самым выиграть время и право на развитие своей личности. Мне кажется, что современная “западная” женщина, сорвав плод с дерева мужских привилегий на свободу интеллектуального поиска и “свободное плавание” в социуме, от него уже не откажется (к тому же общество дает ей возможность достигать высокого статуса без завязки на семью и на деторождение). Это значит, что и в дальнейшем женщина “западного типа” не будет стремиться к созданию крепкой семьи, а значит, и рожать детей много и с готовностью, а прирост населения будет происходить за счет женщин, которые на мужчину завязаны традицией и статусом <...>».

+++

Итак, «женщины уезжают в Сирию и вполне комфортно живут там, если у них все хорошо в доме, если она находит свое женское счастье, если у нее хорошие отношения с мужем, если у нее нормальные отношения с родственниками. Если женщина настроена на семью, то она живет там достаточно счастливо. Если бы не война!

Вооруженный конфликт в Сирии продолжается с 2011 г. Лишь в конце 2017 г. впервые было объявлено о победе над террористической группировкой ИГ³ в Сирии. И хотя в настоящий момент на первый план выступает политическое урегулирование, восстановление Сирии, возвращение беженцев, вопреки объявленному режиму прекращения огня, сопровождается вспышками агрессии террористов, захватами заложников, обстрелами жилых кварталов городов и населенных пунктов.

Войну сама Нина и ее муж переживают в России, куда семья уехала еще до начала военных действий в Сирии. В годы войны многие соотечественницы перебрались на историческую родину: слишком ве-

---

³ Запрещенная в России исламская террористическая организация.

лик был риск оставаться под обстрелом и бомбежками. Выезжали целыми семьями. «Восточный мужчина начинает думать, когда возникает какая-то ситуация, как, например, сейчас в Сирии. Мужчина сразу начинает думать о семье, как спасти и обезопасить жену и детей. Я знаю несколько семей, у которых достаточно сложное материальное положение. Когда в Сирии возникли сложности, первое, что сделал мужчина, — нашел деньги для того, чтобы отправить женщину в безопасное место. Куда? К родителям в Россию <...> Моя подруга живет в городе Хама. Там начались военные действия. Так муж сразу вывез их из города. То есть ответственность за семью, за здоровье и жизнь женщины и детей у них прописана с детства», — подчеркивает Нина [8].

«Не только детей вывезли, но и мужей. Выехали в Россию или в свои родные республики <...>. Про всю Сирию я не могу сказать. Мы дома сидим, здесь у нас почти никого не осталось. Все русскоязычные давно выехали. Всё дорого стало. Опасно. Стреляют иногда, иногда бомбят», — рассказывала в 2013 году, в разгар военных действий в Сирии, одна из наших соотечественниц, живущая в Ракки [9]. «И знаете, просто нет желания даже выйти в город. Потому что те люди, которые у нас здесь находятся, — очень неприятные люди. Это не местные люди, они из Афганистана или, не знаю, откуда там — из разных, в общем, стран собрались. Они, конечно, здесь плохие дела делают» [9].

В Алеппо, другом сирийском городе, который некоторое время назад был захвачен террористами, оставалось немало россиянок, еще в мирное время вышедших замуж за сирийцев. Здесь война научила русскоязычную общину единственному способу победить страх и выжить — держаться вместе. Традиционно по-русски собирались за накрытыми столами: русские, и украинцы, и арабы, и узбеки, и татары — вдовы, потерявшие своих мужей во время бомбежек, жены сирийцев — «советские» сирийцы, их дети и внуки. Война объединила всех. И уезжать из Алеппо, по крайней мере, старшее поколение соотечественниц не собиралось, хотя опасалось обстрелов. Отношение к русским и России в Сирии всегда было теплым [9].

По словам женщин, Сирия — их вторая родина, родина их детей и еще многих сирийских детей, оставшихся сиротами, которых тоже надо воспитать, дать образование, подарить им родительскую любовь, которой их лишила война. «Могу лишь снова повторить прописные истины о том, что сиротство, безотцовщина и подмена семьи общественными организациями приводит к увеличению числа либо потенциальных нахлебников, либо потенциальных преступников...», — подчеркивает Нина. По ее мнению, «все эти вещи — <...> самое главное, потому что ценность <...> диа-

споры именно в этих детях и в мужьях. <...> женщины выходили замуж за людей с высшим образованием, и многие из них имеют хороший статус в этой стране. Многие доктора наук, врачи, и женщина, когда она понимает, что через нее идет эта связь двух миров, лично не делает карьеру, но она, может быть, делает что-то большее. Она – делегат России в арабском мире» [8].

Ссылки

1. Boszormenyi-Nagy I., Krasner B. Between Give and Take. A Clinical Guide to Contextual Therapy. Brunner/Mazel Publishers. N. Y. : Brunner-Routledge, 1986. 117 с.
2. Erikson E. H. Life Hisrory and the Historical Moment. N. Y., Norton; First Edition, 1975. 272 с.
3. Митина С. И. Специфика языка философского эго-текста // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2008. № 4. С. 32–39.
4. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. О литературном герое. СПб.: Азбука, 2016. 704 с.
5. Cooley С .Y. Social organization : a study of the larger mind. N. Y.: Charles Scribner's Sons, 1909. 426 с.
6. Merton R. K. Social Theory and Social Structure. N. Y.: Revised and Enlarged Edition, 1968. 666 p.
7. Гордон Л. А. Социальная адаптация в современных условиях // СОЦИС. 1994. № 8–9. С. 3–15.
8. Женский путь в Сирию // Голос России. 2011. 7 сент. URL: <https://news.rambler.ru/middleeast/11021167-zhenskiy-put-v-siryu/> (дата обращения: 18 ноября 2019 г.).
9. Соотечественники о положении в Сирии: Все русскоязычные давно выехали. Всё дорого стало. Опасно. 02.09.2013 // <https://ruskiymir.ru/publications/88175/> (дата обращения: 22 декабря 2019 г.).

Crimes and punishments in a Soviet orphanage (1917–1920s)

N. V. Ryabinina

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003,
Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-1-36-45

Research article
Full text in Russian

The article deals with the features of the internal life of orphanages in Soviet Russia in the period of 1917 - late 1920s. Attention is focused on the negative aspects associated with violations of children and teachers. The reasons for this practice, ways to fight crime and their effectiveness are analyzed. In this context, the inconsistencies between theoretical positions and the real state of affairs are traced, as well as changes that occurred both in theory and in practical work during the period under study.

Keywords: Soviet Russia; orphanage; upbringing; homelessness; offenders; morally deficient; crime; punishments

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ryabinina Natalia V. | E-mail: yarnatal2010@yandex.ru
Cand. Sc. (History), Associate professor

Преступления и наказания в советском детском доме (1917–1920-е гг.)

Н. В. Рябина

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-1-36-45
УДК 94(47)

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются особенности внутренней жизни детских домов Советской России в период 1917 – конца 1920-х гг. Внимание акцентируется на негативных аспектах, связанных с правонарушениями воспитанников и педагогов. Анализируются причины данной практики, способы борьбы с преступностью и их результативность. В указанном контексте прослеживаются несоответствия между теоретическими положениями и реальным состоянием дел, а также изменения, происходившие как в теории, так и в практической работе в течение изучаемого периода.

Ключевые слова: Советская Россия; детские дома; воспитание; беспризорность; правонарушители; морально-дефективные; преступность; наказания

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рябина Наталья Валерьяновна | E-mail: yarnatal2010@yandex.ru
Кандидат исторических наук, доцент

Создание сети детских домов считалось в Советской России одним из приоритетных направлений в области охраны детства. Детский дом мыслился не только как учреждение, обеспечивающее осиротевшему или беспризорному ребенку кров и материальное обеспечение, но и как очаг перевоспитания, перековки детей в правильном с точки зрения власти направлении. «Рассадник социального воспитания», «альтернатива семье», – такие определения давались детскому дому в педагогической и публицистической литературе постреволюционного периода. Оправдывал ли он эти определения – вопрос спорный.

При рассмотрении процесса создания и функционирования системы детских домов необходимо изучить множество различных проблем. В их числе задачи, которые возлагались на учреждения, их материальное положение, способы финансирования, кадровый состав, особенности воспитательной работы. Данные аспекты лежат в основе как положительных, так и отрицательных процессов, происходивших в детских домах. Говоря о плюсах, можно

© Рябина Н. В., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

констатировать, что эта система сыграла значительную роль в ликвидации детской беспризорности, достигшей своего апогея в 1921–1922 гг. Семимиллионная «армия» беспризорных [1, л. 16], плохо управляемых детей, безусловно, была угрозой для общества – социальной аномалией, по словам А. В. Луначарского, «грозившей подточить корни будущих поколений» [2, с. 16]. Детский дом позволял детям выжить, получить образование, трудовые навыки. Но есть и другая – негативная сторона жизни в детском доме. Он был местом, где совершались преступления в среде детей и тех, кто призван был их воспитывать.

Причины преступной деятельности вытекали из условий жизни того времени: Гражданская война и ее последствия, разрушенная экономика, голод. Лидеры государства, с одной стороны, говорили о крайней важности детских домов, а с другой – не выделяли на их нужды должного финансирования. В 1921 г. в целях экономии средств детские дома переводятся с центрального бюджета на местный [3] и начинают обеспечиваться еще хуже, чем в годы Гражданской войны. Так был запущен механизм, способствующий злоупотреблениям. Крайне низкая заработная плата препятствовала набору в детские дома квалифицированных кадров.

По Ярославской губернии, например, на 1 октября 1925 г. специальное педагогическое образование имели лишь 28,2 % работников. Большинство – 55 % – имело общее среднее образование; 16,8 % – общее низшее [4, с. 189]. Подобная ситуация наблюдалась и в Иваново-Вознесенской губернии, где в конце 1924 г. свыше 25 % педагогического персонала имело образование ниже среднего [5, с. 214]. В целом по РСФСР эти данные были почти такими же: лишь около 3 % воспитателей детских домов имели высшее образование и примерно 24 % – низшее [6, с. 188].

В Ярославле, Иваново-Вознесенске, Костроме и других городах действовали педагогические институты, но их выпускники редко шли трудиться в детские дома. Работа там была сложной, а зарплата – ниже, чем у школьных учителей, да и она часто не выдавалась по несколько месяцев. «Персонал исполняет работу свою подвижнически, не получая регулярно оплаты за свой труд, не будучи уверенным в том, когда и сколько будет уплачено», – говорилось в отчете Рыбинского губернского экономического совещания в 1922 г. [7, с. 279]. Вполне понятно, что в таких условиях наблюдалось падение интереса к работе со стороны педагогического персонала. «В настоящее время служащими почти вся энергия затрачивается на добывание пропитания (поездки за картофелем, мена на базаре), – отмечала заведующая Ярославской колонией для детей-правонарушителей А. А. Балтрушевич. – Борьба с этими явлениями бессмысленно, так как нельзя винить человека, что он есть хочет» [8, л. 23].

Многие опытные работники не выдерживали такого тяжелого материального положения и переходили туда, где ситуация была более благоприятной. Неслучайно, согласно статистике, на 1 октября 1925 г. в Яросла-

ской губернии почти половина сотрудников детских домов (42,6 %) имела педагогический стаж работы лишь от 1 года до 3 лет [4, с. 189].

Указанные факторы способствовали тому, что на работу в детские дома нередко попадали случайные люди, не заинтересованные ни в налаживании жизни в этих учреждениях, ни в воспитании детей. Прогулы, о которых говорила в своем отчете А. А. Балтрушевич, были лишь вершиной айсберга в числе правонарушений. Но и сама слабая дисциплина, наблюдавшаяся среди сотрудников детских учреждений, не являлась безобидным фактором, как может показаться на первый взгляд, особенно когда дело касалось воспитанников дошкольного возраста. Она могла приводить к травмированию и даже гибели детей. Например, в момент обследования приюта для детей от года до трех лет в городе Тутаеве Ярославской губернии в июне 1920 г. воспитанники находились вообще без какого-либо присмотра. Когда проверяющие зашли в приют, они застали большинство детей на балконе, перевесившимися через перила. Из всех работников учреждения в приюте находилась только кухарка, которая пояснила, что «все ушли: кто в город, кто за хлебом» [9, л. 35]. Медицинский контроль осуществлялся так же халатно. В учреждении находились дети, болевшие туберкулезом, врожденным сифилисом, которые не были изолированы от здоровых детей. По итогам проведенной проверки принимается резолюция о срочной замене кадрового состава. Однако на очередном совещании Тутаевского отдела здравоохранения констатировалось, что «усиленные поиски ухаживающего персонала до сих пор остаются безуспешными» [9, л. 36].

Снабжение детских домов в годы Гражданской войны и первые годы нэпа было крайне неудовлетворительным. Но и эти скудные поступления нередко доходили до детей далеко не в полном объеме. Сотрудники детских домов решали за счет воспитанников личные проблемы. В условиях голода некоторые люди шли работать в эти учреждения, чтобы улучшить содержание собственных семей. Отчеты по обследованию детских домов содержат немало примеров подобных злоупотреблений. Дошкольный детский дом № 1 (21 ребенок), Иваново-Вознесенская губерния, 1919 г.: «... Дети анемичны, болезненны, заморены <...> служащие благоденствуют и жаль малюток, на жизнях которых паразитирует многочисленный штат приюта» [10, л. 30]. Детский дом в селе Воробьево (178 человек), Иваново-Вознесенская губерния, 1919 г.: «... Со стороны воспитательского и руководящего персонала замечается масса злоупотреблений». В отчете отмечалось, что полное техническое обслуживание детского дома лежало на плечах детей. Дети вставали в 8 часов, когда воспитатели еще «почивали» и начинали уборку помещений, приготовление еды для себя и воспитателей. Причем, для последних пища готовилась отдельно, «для детей кладется 8 фунтов мяса на 178 человек, а воспитателям на 18 человек – тоже 8 фунтов» [11, л. 5]. И такой перечень можно продолжать далее.

Комментируя представленные в отчете факты, Е. И. Сухова, инструктор подотдела охраны детства в Иваново-Вознесенской губернии, писала: «Где же наши лозунги: «Все для детей» – когда для детей не только не дается все, но и берется последнее, когда детские дома снова становятся морилками, как это было в дореволюционное время» [11, л. 5].

Случаи злоупотреблений, хищений наблюдались не только непосредственно в детских домах, но и в вышестоящих органах, призванных их снабжать. Показательны, например, результаты обследования Рыбинского губоно, произведенного местной РКИ в 1923 г. Обнаружена была, с одной стороны, значительная недостача продуктов, а с другой – незаконное хранение большого количества детской одежды, обуви, тканей, посуды, хозяйственного инвентаря и т. д. – всего 447 наименований [12, л. 41–45].

Кроме официальных документов, о моральном облике работников детских домов свидетельствуют письма самих детей, которые они направляли в разные инстанции в надежде на помощь. «Беспорядков у нас много, – говорилось в письме воспитанников детской колонии «Княжево» Иваново-Вознесенской губернии, направленном в уездный комитет РЛКСМ 20 апреля 1922г., – на наших глазах устраиваются частые пьянки. Бесконтрольно расходуются продукты детского питания. За чистотой не смотрят, все дети грязные, оборванные. Если будешь говорить, что против, стращают высылкой в дефективный дом и выброской на улицу» [13, л. 136].

Обычным явлением становилось и применение таких «мер воздействия» в отношении детей, как карцер или физические наказания.

Однако наказания заслуживали и сами воспитатели, совершавшие узаконные проступки. В случае обнаруженных хищений материалы обследований детских домов передавались в правоохранительные органы. Но за нарушение трудовой дисциплины и аморальное поведение сотрудников в лучшем случае увольняли или выносили им выговор. К сожалению, даже самый непригодный к делу персонал часто просто нечем было заменить.

Кроме слабой материальной обеспеченности, нежелание многих специалистов-педагогов идти на работу в детский дом объяснялось также специфическим контингентом воспитанников. В детских домах преобладали беспризорные дети, которые в уличной борьбе за существование уже успели приобрести преступные навыки. Характеристики детей, сохранившиеся в архивах, показывают, что и моральный облик многих детей был далек от идеала: «Шибаров Владимир. Рецидивист, специальность «кармань». Мамзурин А. В. – занимается спекуляцией; Головлев Н. В. – замечен в краже мелких вещей; Николаев М. В. – груб, нечист на руку, откроет без ключа любой замок; Филипов А. – открытый хулиган; Тимофеев А. – груб и нахален» [8, л. 54, 207]. Перечисленные навыки, полученные детьми на улице, применялись и в детском доме. Дети воровали вещи из детского дома, продавали их на рынке и таким образом решали проблему пропитания.

Безусловно, детская преступность существовала и до революции 1917 г., но в связи с ростом беспризорности в постреволюционный период обостряется и это явление. Новая власть заявила о ликвидации дореволюционной системы наказаний несовершеннолетних преступников. 14 января 1918 г. был принят декрет СНК, который изменил возраст подсудности детей. Если ранее, по старому уголовному законодательству, он составлял 10 лет, то теперь – 17 [14], а по декрету от 4 марта 1920 г. – 18 лет [15]. Все сведения о правонарушениях детей и подростков направлялись теперь не в суды, а в Комиссии по делам несовершеннолетних. Данные органы должны были рассмотреть все обстоятельства совершенных проступков, учесть особенности жизни и поведения ребенка, его семейное положение и в зависимости от этого определить меру воздействия. В официальных документах особо подчеркивалось, что в качестве способов борьбы с детской преступностью должны использоваться не наказания, а прежде всего меры воспитательного характера: ребенка могли передать на поруки родственников, под наблюдение социального инспектора, могли способствовать его трудоустройству или помещению в детский дом – и только в крайних случаях разрешалось передавать дела в судебные органы. Это касалось тех, кто совершил наиболее тяжкие правонарушения, и несовершеннолетних рецидивистов [16].

В первый постреволюционный период вводится и новое определение для детей-правонарушителей. Если раньше их называли «малолетние преступники», то теперь – «морально-дефективные» дети. Появление нового термина было связано со следующим обоснованием специалистов. Считалось, что, даже попав в тяжелые социальные условия, не все дети идут на преступления, а значит, причины их деяний лежат в аномалиях характера, в деформации моральных основ личности [17].

Предполагалось, что учреждения для таких детей будут в корне отличаться от дореволюционных воспитательно-исправительных заведений, выполнявших скорее функцию «школ преступности». В «Общих руководящих указаниях» по устройству детских домов для «морально-дефективных» детей говорилось, что в них должны быть организованы ремесленные мастерские, школа, библиотека, психологическая лаборатория, кружки по интересам и т. п. Особо подчеркивалось, что сотрудники данных учреждений должны четко понимать – это детский дом, а не тюрьма, детей надо воспитывать, а не наказывать. «Нет замков, решеток, нет карцеров, нет оскорбительного унижающего отношения к воспитанникам, но не должны иметь место и халатность, попустительство...» [8, л. 139].

Однако реальное положение дел существенно отличалось от теоретических программ и руководящих указаний. Детские дома такого типа становились не «рассадником социального воспитания», а рассадником преступности внутри городов. В местные государственные органы поступало немало жалоб, связанных с поведением детей, находившихся в этих учреждениях. Прежде всего страдали местные жители. Опасное соседство оборачивалось для них

серьезными проблемами. В своих жалобах они указывали, что страдают от «налетов колонистов», совершения краж, открытого грабежа, избиений, оскорблений [18, л. 88]. Причем ущерб терпели не только отдельные люди, но и организации, предприятия. Например, в заявлении фабрично-заводского комитета меднолитейного завода Жохова от 12 мая 1919 г. сообщалось, что «малолетние преступники занимаются расхищением заводского имущества и разрушают принадлежащие заводу сооружения» [18, л. 78].

Подобная ситуация имела место и в Ярославле, где детский дом для «морально-дефективных» в результате обследования, проведенного в 1919 г., был признан совершенно не выполняющим своего назначения «ни в смысле перевоспитания детей, ни в смысле изоляции их от искушений окружающей среды и пресечения их аморальной деятельности». Кроме того, подчеркивалось, что, «в силу наблюдающихся в приюте условий, не исключена возможность дальнейшей деморализации детей, особенно менее порочных или попавших в приют вследствие беспризорности» [8, л. 146]. Названные негативные явления в функционировании детских домов не являлись в данном случае региональной особенностью, они наблюдались повсеместно.

В 1921 г. в Москве состоялась Первая Всероссийская конференция работников детских домов для «морально-дефективных» детей. На ней специалисты утверждали, что необходима дальнейшая изоляция детских учреждений такого типа от внешнего мира – перевод их за пределы городов, а также ужесточение режима содержания воспитанников. Был принят, в частности, целый ряд мер воздействия, начиная от выговора, внушения, «отдаления приема пищи», постельного режима до карцера или изолятора [6, с. 24].

В дальнейшем, чтобы как-то «наладить» жизнь в таких учреждениях, их пытались превращать в подобие тюрем. В Рыбинске, например, при организации детского дома-изолятора для несовершеннолетних правонарушителей в 1923 г. в качестве обязательного условия губернский отдел социального воспитания требовал предоставления «удобного помещения с решетками и вооруженной охраной» [19, л. 9].

В середине 1920-х гг. взгляд специалистов на причины детской преступности и меры по ее пресечению меняется. В 1924 г. состоялся Второй Всероссийский съезд СПОН (социально-правовой охраны несовершеннолетних), на котором теория о моральной дефективности детей-правонарушителей была отвергнута и названа ненаучной и ложной. Педагоги, психологи, присутствовавшие на съезде, подчеркивали, что «дефективным» ребенка делает неблагоприятная среда. Тяжелые социально-экономические условия вынуждают детей совершать правонарушения: это способ выживания и дети в данном случае, как отмечал в своем докладе Е. С. Лившиц – это «жертвы обстоятельств: бедности жизни, неразвитости системы социальной защиты» [6, с. 22].

Крайне негативно оценивались и специализированные учреждения для несовершеннолетних правонарушителей. Результаты перевоспитания были совсем минимальными. Более распространенной была практика

совершенствования детей в преступных навыках. «Ребята ненавидели эти учреждения с решетками и запорами, ненавидели их режим, педагогов, тратили всю свою энергию, чтобы нарушить порядок этих учреждений, отравить существование педагогам. При первом возможном случае бежали, унося с собой казенные вещи» [6, с. 24]. Е. С. Лившиц подчеркнул, что процент побегов в дореволюционных приютах для малолетних преступников составлял примерно 25 %, а в большинстве советских учреждений подобного типа достигал 45 % [6, с. 25].

Для изменения ситуации к лучшему нужно было кардинально перестроить организацию жизни в детских домах. А. Б. Залкинд утверждал, что приобретенные в беспризорной жизни отрицательные черты: агрессивность, лживость, авантюризм – вполне реально направить в нужное русло, так как они имеют положительную оборотную сторону. У таких ребят развит житейский реализм, активность, смелость, чувство товарищеской солидарности – «все это представляет собой ценнейший эмоциональный фонд, откуда надо лишь научиться черпать» [6, с. 81]. Предлагалось создать условия для организации самоуправления детей, усилить трудовое воспитание, использовать индивидуальный подход к каждому воспитаннику. А затем перестроенные на этих основах бывшие учреждения для «морально-дефективных» детей включить в общую сеть детских домов.

Решения, принятые на съезде специалистов, были одобрены на государственном уровне. Однако для правонарушителей с 14 лет, не поддающихся медико-педагогическому воздействию или приговоренных к лишению свободы, предусматривалось помещение их в трудовые дома и колонии, создававшиеся в ведении Наркомата внутренних дел. Причем сроки пребывания в них не были четко установлены. Подростки должны были находиться в них «вплоть до исправления». Был определен лишь максимально допустимый возраст воспитанников – 20 лет [20].

В реальности во второй половине 1920-х гг. изменения затронули, главным образом, детские дома для нормальных детей. В них действительно стали вводиться элементы самоуправления, создаваться ячейки пионерских и комсомольских организаций, организовываться мастерские. Что касается учреждений для несовершеннолетних правонарушителей, то большинство из них просто поменяло свои названия. Они стали называться учреждениями для «трудновоспитуемых» детей, но уклад жизни оставался прежним: решетки, карцер, побег. При обследовании такого детского дома в Шуйском уезде Иваново-Вознесенской губернии в 1927 г. отмечалось, что «с организацией его губоно ничего утешительного не получил». В детском доме находилось около 50 подростков-правонарушителей «из среды наиболее трудно-исправимых рецидивистов. Со стороны воспитанников наблюдались систематические побег и нанесение воспитателям оскорблений. Были случаи избияния воспитателей, а также посещавших детский дом представителей милиции и юстиции» [21, л. 3].

В Ярославской губернии одно из учреждений принудительного воспитания действительно было реорганизовано. Детский дом для «морально-дефективных» детей, располагавшийся на Толге (в бывшем Толгском монастыре), стал гордо именоваться детским домом имени КИМ (Коммунистического Интернационала молодежи), а его руководителем в 1926 г. был назначен М. Д. Громов. В своих воспоминаниях он отмечал: «Страшно было братья. Около 200 человек взрослых детей, могущих по-настоящему трудиться, ничего не делали...» [22, с. 45]. Он перечисляет немало «подвигов» своих подопечных и даже покушение на убийство: «Была еще попытка утопить меня в Волге. Вечером я возвращался из г. Ярославля, и 2 воспитанника оказались у причала на правом берегу, с ними я и поехал. На середине Волги – замах веслом, но в этот раз браунинг был в руке, что и почему – длинная история, не опишешь. Примеры эти к тому, что даже при человеческом отношении, которое я начал вводить для наведения порядка, проявлялись вот такие эксцессы» [22, с. 46].

М. Д. Громову удалось переломить ситуацию. В детдоме появились мастерские (слесарная, столярная, сапожная, швейная), сельхозшкола, постепенно изменился и сам уклад жизни. Любопытно, что в этих преобразованиях значительную роль сыграла Н. К. Крупская, к которой руководитель обратился за помощью. В результате совместных усилий или, как пишет М. Д. Громов, «с материнской помощью» Н. К. Крупской детдом «из убогого, напоминавшего лагерь преступников, стал детским домом имени КИМ, родным домом для его воспитанников» [22, с. 47–48].

Однако подобное счастливое преображение было редкостью. Менее заметной была судьба второго ярославского детского дома для «морально-дефективных». Как отмечалось в отчете губисполкома, в его работе ощущалась полная бесполезность, и в январе 1928 г. Ярославский губоно принял решение о выводе этого детского дома за пределы Ярославля – в город Мышкин – в здание бывшей Мышкинской тюрьмы [23, л. 1]. Такой вариант «реорганизации» был, к сожалению, более распространенным.

Что касается создаваемых труддомов, то режим содержания в них был еще более жестким. Находясь в ведении НКВД, они еще в большей степени походили на тюрьмы, чем на детские дома. Таким образом, попытка реформирования учреждений для несовершеннолетних правонарушителей оказалась неудачной и проблема по-прежнему была открытой.

В целом следует отметить, что детский дом в изучаемый период можно характеризовать двояко. С одной стороны, этот вид учреждений был необходимым в условиях роста детской беспризорности и преступности. Он, безусловно, играл определенную положительную роль в борьбе с этими социальными аномалиями. Но переоценивать условия жизни, созданные в детских домах, тоже не стоит, они нередко не спасали, а ломали детские судьбы. И это не только голод и холод, а также непригодные к делу педагогические кадры, отсутствие полноценной системы воспитания. И если в детских домах

для нормальных детей к концу 1920-х годов, вместе с оздоровлением общей ситуации в стране, наблюдалось улучшение обстановки, то перевоспитание детей-правонарушителей продолжало оставаться большим вопросом, не нашедшим своего разрешения в указанный период.

Ссылки

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-5207. Оп.1. Д. 252.
2. Маро (Левитина М. И.) Беспризорные. Социология. Быт. Практика работы. М.: Новая Москва, 1925. 454 с.
3. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР (СУ). 1921. № 62, ст. 446; № 69, ст. 550; № 80, ст. 691.
4. Отчет Ярославского губернского исполкома за 1924/1925 г. Ярославль: Изд-во губисполкома, 1926. 311 с.
5. Работа Иваново-Вознесенского губисполкома и его органов за 1923/1924г. Иваново-Вознесенск: Изд-во губисполкома, 1925. 355 с.
6. Детская беспризорность и детский дом. М.: Изд-во отдела социально-правовой охраны несовершеннолетних, 1926. 239 с.
7. Отчет Рыбинского губернского экономического совещания Совета труда и обороны на 1 апреля 1922 г. Рыбинск: Государственная Центральная типография полиграфтреста, 1922. 318 с.
8. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 594.
9. ГАЯО. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 123.
10. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. Р-1319. Оп. 1. Д. 22.
11. ГАИО. Ф. Р-1319. Оп. 1. Д. 77.
12. Рыбинский филиал Государственного архива Ярославской области (РФ ГАЯО). Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 450.
13. ГАИО. Ф. Р-1319. Оп. 1. Д. 564.
14. СУ. 1918. № 16, ст. 227.
15. СУ. 1920. № 13, ст. 83.
16. СУ. 1920. № 68, ст. 308.
17. Рябинина Н. В. По делам «морально-дефективных». Детская беспризорность и преступность в Верхнем Поволжье в 1920-е годы // Родина. 2011. № 11. С. 99–101.
18. ГАИО. Ф. Р-1319. Оп. 1. Д. 80.
19. РФ ГАЯО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 453.
20. СУ. 1924. № 86, ст. 870.
21. ГАИО. Ф. Р-1319. Оп. 1. Д. 1452.
22. «Вглядись в минувшее бесстрашно...». Культурная жизнь Ярославского края 20–30-х гг.: Документы и материалы / под ред. А. М. Селиванова. Ярославль: ЯрГУ, 1995. 392 с.
23. ГАЯО. Ф. Р-178. Оп. 4. Д. 46.

Orthodoxy during the Great Patriotic War on the Pages of the Newspaper “Severny Rabochy”

D. A. Buyukli¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-1-46-53

Research article
Full text in Russian

The article presents the results of a study of the Russian Orthodox Church in the view of readers of the Soviet press on the example of the Yaroslavl regional newspaper “Severny Rabochy” during the great Patriotic war. The study shows how the image of an Orthodox person was constructed, and what aspects of religious life were in sight of Yaroslavl correspondents. The conclusion is made about the ways to form public perception in a censored printed edition.

Keywords: orthodoxy; newspaper; church; atheization; mass media

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Buyukli Darya A. | E-mail: darya.buyukli@mail.ru
Postgraduate

Православие в годы Великой Отечественной войны на страницах газеты «Северный рабочий»

Д. А. Буюкли¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-1-46-53
УДК 94(47)

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье приводятся результаты исследования того, какой представляла Русская православная церковь в глазах читателей советской прессы на примере ярославской областной газеты «Северный рабочий» в годы Великой Отечественной войны. Показано, каким образом конструировался образ православного человека, какие аспекты религиозной жизни попадали в фокус ярославских корреспондентов. Сделаны выводы о способах формирования общественного мнения в подцензурном печатном издании.

Ключевые слова: православие; газета; церковь; атеизация; средства массовой информации

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Буюкли Дарья Андреевна | E-mail: darya.buyukli@mail.ru
Аспирант

Период Великой Отечественной войны характеризуется масштабными и во многом беспрецедентными изменениями в жизни советских людей, перераспределением социальных функций в обществе и государстве. К числу организаций, активизировавших свою деятельность и взявших на себя дополнительные обязанности в период мобилизации, относилась Русская православная церковь (далее – РПЦ). Несмотря на то что вклад священнослужителей и верующих в достижение долгожданной победы был оценен много позднее, тенденция к «потеплению» в государственно-церковных отношениях прослеживалась уже с начала

1940-х гг. Картину изменения образа Церкви и верующих в глазах обывателей можно проследить, обращаясь к периодической региональной печати того времени.

Как исторический источник оценивать советскую периодику следует в ракурсе времени. С конца 1920-х гг в СССР отсутствовали частные издательства, была введена жесткая цензура, партийно-государственные органы и организации, входящие в систему, контролировали все газеты, журналы, информационные и пресс-бюллетени. Тем не менее советская, в том числе региональная, периодика по праву считается не только важнейшим инструментом пропаганды, но и незаменимым источником по истории того времени, отражавшим все аспекты общественной жизни. На страницах газет печатались статьи информативного, аналитического и художественно-публицистического характера. Читателей знакомили с официальной нормативной документацией и партийными материалами, а также заметками, содержащими оценочные и пропагандистские суждения в отношении практически всех сторон жизни населения.

Какой же образ религиозного, православного человека создавался в сознании советского обывателя, читающего центральные и местные газеты? Какой видели Русскую православную церковь ярославцы?

По сообщению исследователя В. Якунина, И. В. Сталин уже в 1941 г. порекомендовал Е. М. Ярославскому, возглавлявшему Союз воинствующих безбожников, публично отметить новую патриотическую позицию Церкви. Так, последний 2 сентября 1941 г. подготовил статью «Почему религиозные люди против Гитлера» для печати, подписав её псевдонимом Каций Адамиани¹. Первоначально статью предполагалось адресовать только зарубежному читателю. «В ней Е. Ярославский высоко оценивал новую патриотическую позицию Церквей и религиозных организаций Советского Союза» [1]. Деятельность Союза воинствующих безбожников угасла к началу 1941 г., хотя формально он просуществовал до 1947 г. Всё чаще в прессе появляются статьи о религиозной политике в других государствах. Язвительный по отношению к религиозным деятелям подтекст, преобладавший в 1930-е гг., уступил место сочувствен-

---

¹ Каций Адамиани — аллюзия на название произведения известного грузинского поэта, публициста и общественного деятеля, уделявшего особое внимание национальной независимости Грузии, Ильи Григорьевича Чавчавадзе. 30 августа (12 сентября) 1907 г. он, по мнению некоторых исследователей, стал жертвой политического убийства, хотя заказчики так и не были найдены. Чавчавадзе канонизирован Русской православной церковью в 1987 году. Среди известных работ имеется повесть «Кация-Адамиани» («И это человек?» — пер. с грузинского. Дословный перевод — «И это мужчина?»)

ному тону, стремлению подчеркнуть единение и солидарность верующих всех стран.

Статья об убийстве польских евреев в синагоге появилась в «Северном рабочем» 27 июня 1941 года [2]. 8 июля 1941 г. «Правда» осведомляла население СССР о гонениях на католиков в Германии [3]. Владимирская областная газета «Призыв» 28 сентября 1941 г. поместила статью о гонениях на католическую церковь в Польше [4], а 16 ноября 1941 г. опубликовала выдержки из американского журнала о нацистских планах уничтожения религии [5]. Исследователь советской прессы Ю. Г. Чиндякин сообщает, что в 1941–1945 гг. отношение населения к печатной информации менялось в лучшую сторону, что было связано с качественными изменениями в содержании газетных материалов. Если в довоенный период «...преобладала официальная, агитационно-пропагандистская информация...», то в военное время «... большое количество газетных площадей выделяется для заметок, статей о подвигах жителей <...> на фронте и в тылу, появляются публикации о религиозных организациях. Все это больше соответствовало духовным потребностям читателей» [6].

На примере крупнейшей газеты Ярославской области «Северный рабочий» проведем анализ материалов периодической печати. С первых дней войны работа в редакции не прекращалась ни на день; газета выходила 6 дней в неделю (кроме понедельника). На посту главного редактора до апреля 1943 г. находился Виктор Георгиевич Кашин, затем его сменил Иван Васильевич Лопатин. По воспоминаниям его коллеги, заведующей отделом Сарры Мироновны Войскобойниковой, «был он строг, требователен, но вместе с тем прост и душевен в общении. С ним как-то энергичнее завертелось колесо редакции. Заметно это стало и читателям. Потеплел общий тон публикаций» [7, с. 90].

Максимальный тираж газеты – 60 000 экземпляров – приходился на 1941 г. Нехватка бумаги не позволяла сделать газету более полной, поэтому она выходила три раза в неделю всего на двух страницах, а в остальные дни – на четырех. Основная информация, сообщавшаяся в данном печатном издании, касалась оперативной сводки с фронта, жизни ярославских заводов, фабрик и колхозов, событий в стране и мире.

Деятельность РПЦ и православных в годы войны в «Северном рабочем» освещалась скудно, но позволяла читателям составить впечатление о священнослужителях в военное время, морально-ценностных ориентирах верующих, изменившейся парадигме церковно-государственных отношений. Материалы о религиозной жизни людей можно классифици-

цировать по содержанию и выявить следующие категории: 1) материалы о религиозной политике в других странах, 2) о деятельности священнослужителей РПЦ, 3) об исторических православных деятелях, 4) о православной архитектуре, 5) иллюстрации, содержащие православные символы/элементы архитектуры. В отличие от всесоюзных газет, например «Правды», на страницах «Северного рабочего» не было уделено должного внимания сведениям о награждениях священнослужителей и некрологах.

На основе анализа подшивки газеты за годы войны была составлена таблица 1.

Таблица 1

**Религиозная политика на страницах газеты «Северный рабочий»
в годы Великой отечественной войны**

Содержание публикации	Количество публикаций									
	1941 г.		1942 г.		1943 г.		1944 г.		1945 г.	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Материалы о религиозной политике в других странах	3	33,3	2	11,8	3	33,4			1	33,3
Материалы о деятельности священнослужителей РПЦ	1	11,1	2	11,8	2	22,2				
Материалы об исторических православных деятелях	5	55,6	6	35,3	2	22,2	2	25	2	66,7
Материалы о православной архитектуре			5	29,3	1	11,1	5	62,5		
Иллюстрации, содержащие православные символы/элементы архитектуры			2	11,8	1	11,1	1	12,5		
Всего	9	100	17	100	9	100	8	100	3	100

Чаще всего в печать попадали сообщения о религиозной политике за рубежом. Большая часть материалов была посвящена расправам фашистов над священнослужителями и прихожанами, а также ущемлению прав верующих и клира, обстановке в Польше, что объясняется диплома-

тической ситуацией, возникшей между двумя странами, и «непрочностью советско-польского военного союза» [8, с. 23].

Материалы о деятельности священнослужителей и РПЦ как организации представлены всего несколькими статьями, но сам факт подобных публикаций, несомненно, свидетельствовал об изменениях в государственно-церковной политике. Наибольшего внимания заслуживает статья о Поместном соборе. В ней не только были перечислены основные деятели церкви военного периода, но и освещались вопросы «о деятельности Русской Православной Церкви в дни Великой Отечественной войны <...> о духовных учреждениях» [9], об избрании и интронизации Патриарха. Автор статьи подчеркивает положительное отношение советских властей к Поместному Собору, упоминая присутствие председателя Совета по делам Русской православной церкви Г.Г. Карпова и принятие Поместным Собором обращения к Правительству СССР. Открытость сторон к диалогу подчеркивается словами: «Поместный Собор приветствовал председатель Совета...» и «Собор единодушно принял обращение к Правительству».

Появление материалов о выдающихся исторических деятелях России свидетельствует о стремлении закрепить связь между великими защитниками Отечества и современными читателям солдатами. Исторически сложилось так, что патриотическая деятельность таких знаменитых людей, как Кузьма Минин, Дмитрий Пожарский, Александр Невский, Дмитрий Донской, Александр Суворов, Михаил Кутузов, неразрывно связана с их религиозной позицией. Об этих выдающихся личностях пишут статьи, снимают фильмы, читают лекции. Кинотеатры «Летний», «Горн» и клуб «Гигант» проводили до четырёх сеансов в день, чтобы продемонстрировать всем желающим ленты «Александр Невский», «Минин и Пожарский», «Суворов». На страницах газеты широко освещался кинофестиваль «Наши великие предки», в программу которого вошли фильмы об Александре Невском и Минине и Пожарском [10]. Заслуживает внимания и постановка Костромского театра «Кузьма Минин» [11].

Не все статьи содержали положительные отзывы о деятельности православных клириков. Как бы в назидание современным священникам, поверившим лозунгам, которые распространяли фашисты, в статье о сражении на Туговой горе упоминается эпизод с предательством монаха Изосима [12].

Материалов, касающихся православной архитектуры, храмов, церквей, на страницах газеты за время Великой Отечественной войны появ-

вилось не так много. Но для читателя ценен сам факт снятия негласного моратория на упоминание названий соборов и монастырей, пусть даже с оговоркой «бывший». Многие статьи пронизаны трагическим настроением автора, понимающего масштаб потери того или иного памятника истории и архитектуры, а также места духовного единения верующих. Из материалов расследования Государственной Чрезвычайной Комиссии следует: «Покровскую церковь немцы разграбили и увезли все ценности. В церкви они устроили казармы для солдат. Священника Андрея Попова расстреляли. Перед отступлением фашисты заминировали церковь и согнали туда около 200 мирных жителей. Тех, кто отказывался идти или не мог дойти до церкви – мужчин, женщин и детей, фашисты расстреливали “за неповиновение немецким властям”» [13].

Иллюстраций как таковых в «Северном рабочем» было немного, что, как уже отмечалось ранее, связано с экономией бумаги, краски и низким уровнем технического развития фотодела. Но и на нечетких снимках порой можно заметить купола церквей. Примечательно, что широко освещаемое в прессе строительство Которосльской набережной в 1944 г. в качестве эмблемы имело изображение будущей набережной – и на ней четко обозначен храм [14].

Подводя итог, хотелось бы отметить, что Великая Отечественная война изменила жизнь советских людей. В экстренном режиме работали многие службы и организации. Любая помощь могла иметь решающее значение, и РПЦ не могла остаться безучастной. Советская периодика, особенно регионального уровня, не спешила подстраиваться под изменившуюся парадигму государственно-церковных отношений. Количество материалов, раскрывающих деятельность РПЦ, от года к году не увеличивалось. Но, как говорят, редакция «держала руку на пульсе времени». К началу 1940-х гг. из печати ушла антицерковная пропаганда, появилось больше материалов о деятельности священнослужителей на фронте и в тылу, о современном состоянии православия в стране, о признании значимости религиозных памятников, зданий, ценностей. Формированию положительного отношения к активности Русской православной церкви способствовало практически полное отсутствие негативных статей о православных деятелях.

Ссылки

1. Правовой статус, положение, деятельность, внешние связи Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2002. 445 с.

2. Северный рабочий. 1941. 27 июня, № 149.

3. Правда. 1943. 8 сент., № 249.

4. Призыв. 1941. 28 сент., № 226.

5. Призыв. 1941. 16 ноябр., № 262.

6. Чиндяйкин Ю. Г. Печать Мордовии в 1928–1953 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2002. 187 с.

7. Ярославская журналистика: страницы истории: очерки / сост. И. В. Пухтий. Ярославль, 2018. 339 с.

8. Заец С. В. Советско-польский военный союз (1941–1942) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 6. С. 22–27.

9. Северный рабочий. 1945. 7 февр., № 25.

10. Северный рабочий. 1942. 20 сент., № 223.

11. Северный рабочий. 1944. 29 янв., № 20.

12. Северный рабочий. 1942. 20 февр., № 43.

13. Северный рабочий. 1944. 7 мая, № 91.

14. Северный рабочий. 1944. 10 сент., № 180.

“A hard and hungry life has come”: combating hunger in the Yaroslavl village during the Civil war (based on the materials of P. V. Bugrov’s diaries)

I. S. Sleptsova (Kyzlasova)¹

¹N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology RAS, 32A Leninckiy av.,
Moscow 119334, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-1-54-63

Research article
Full text in Russian

The paper analyzes the diaries of the Yaroslavl peasant P. V. Bugrov, dating back to the first third of the XX century, which are a valuable historical source for reconstructing the everyday life of the peasant community. They show the catastrophic impact of wars and revolution on the peasant economy and present individual and collective practices of survival in conditions of hunger and unstable socio-political situation. Analysis of diaries allows us to conclude that the peasant economy continues to exist even in extremely unfavorable conditions and provides life to its members through a variety of ways to overcome hunger.

Keywords: Civil War in Russia; First World War; peasant diaries; hunger; survival strategies; Yaroslavl region

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Sleptsova (Kyzlasova) Irina S. | E-mail: I_Kyzlasova@mail.ru
Senior Researcher

Funding: RHSE, Project No 18-09-00351.

«Настала тяжелая и голодная жизнь»: борьба с голодом в ярославской деревне в период Гражданской войны (на материалах дневников П. В. Бугрова)

И. С. Слепцова (Кызласова)¹

¹Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Ленинский пр-т., 32А, Москва, 119334, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-1-54-63
УДК 94(47).084.3

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена анализу дневников ярославского крестьянина П. В. Бугрова, которые относятся к первой трети XX века и являются ценным историческим источником для реконструкции повседневности крестьянского сообщества. В них показано катастрофическое воздействие войн и революции на крестьянское хозяйство, представлены индивидуальные и коллективные практики выживания в условиях голода и нестабильной социально-политической обстановки. Анализ дневников позволяет заключить, что крестьянское хозяйство даже в экстремально неблагоприятных условиях продолжало свое существование и обеспечивало жизнь его членам благодаря разнообразным способам преодоления голода.

Ключевые слова: Гражданская война в России; Первая мировая война; голод; стратегии выживания; крестьянские дневники; Ярославская область

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Слепцова (Кызласова) Ирина Семеновна | E-mail: I_Kyzlasova@mail.ru
| Старший научный сотрудник

Финансирование: РГНФ, проект № 18-09-00351.

Первая мировая война, революция и затем Гражданская война оказали катастрофическое воздействие на повседневную жизнь российского населения, полностью изменив привычный бытовой уклад. Наиболее острыми стали вопросы жизнеобеспечения, прежде всего добывание продуктов. Характерное для периода войн недоедание основной массы населения, а зачастую и просто голод определяли массовое сознание, главной компонентой которого выступал страх за жизнь и стремление выжить

© Слепцова (Кызласова) И. С., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

любой ценой. В этих обстоятельствах происходили кардинальные изменения в индивидуальной и социальной психологии, ломались выработанные в мирное время поведенческие нормы и ценностные установки [1]. Отсутствие средств и способов поддержания жизни ставит под угрозу само физическое существование человека, поэтому понятие «голод» занимает одно из главных мест в крестьянском менталитете [2], а обеспечение «продовольственной безопасности» (получение хорошего урожая и повышение продуктивности домашнего скота) является основой всей хозяйственной деятельности и аграрной обрядности. В регулярно повторявшиеся периоды голода формировались различные стратегии выживания как на индивидуальном, так и на коллективном уровне, изобретались технологические и социальные практики, направленные на его преодоление.

Проблема влияния голода на человека и социум, а также исследование стратегий выживания были впервые всесторонне проанализированы П. А. Сорокиным, имевшим личный опыт существования в период голода [3]. Он выделил несколько видов голода и несколько стратегий борьбы с ним, которые он назвал «пищетаксическим» поведением. Под последним он понимал любое поведение человека, которое инициируется голодом и направлено на получение пищи или ее «эквивалента» (например, денег), позволяющего добыть пропитание [3, с. 111]. Различные конкретные поведенческие практики и способы «утоления голода» он разделил на шесть основных форм. Согласно его классификации, ими являются:

- 1) изобретение новых и улучшение старых источников пропитания;
- 2) приобретение необходимого продовольствия у других групп легитимным путем;
- 3) перемещение избыточного населения из голодных областей в изобильные (мирная эмиграция и завоевание чужих территорий);
- 4) насильственный захват чужого продовольствия в результате войн;
- 5) перераспределение продовольствия и богатств, имеющих в данной группе, в форме: «а) эпизодических захватов голодными имуществами сытых (путь “преступлений”); б) массового и в известной мере организованного нападения голодных на богатых как держателей “пищевых скопов” и их эквивалентов (путь мятежей, волнений, революций); в) вмешательства власти, которая осуществляет перераспределение сверху и тем самым изменяет экономико-продовольственную организацию общества; г) добровольного отказа богатых от части имеющихся у них питательных благ в пользу голодных – безвозмездно или в обмен на определенные услуги. <...>;
- 6) наконец, если все эти пути по каким-то причинам не достигают своей цели, то остается еще старый и самый “надежный” способ “утоления” голода – смерть и изменение “естественного движения населения”, способ всегда и всем “доступный” и неизменно верный» [3, с. 204]. Эти практики могут существовать все вместе или в различных комбинациях, активизиру-

яся в зависимости от конкретных природных, экономических и социальных условий.

Целью данной статьи будет анализ дневников крестьянина Павла Васильевича Бугрова (1869–1936) из деревни Ворокса Даниловского уезда Ярославской губернии (совр. Некрасовский р-н Ярославской обл.)¹ и представление на их основе стратегий борьбы с голодом во время сложнейшего периода российской истории, охватывающего Первую мировую войну, революцию и Гражданскую войну и связанного для рядового обывателя с огромными лишениями и невозможностью поддерживать привычный образ жизни.

Записки Бугрова отличаются некоторой спецификой, состоящей в том, что в них совмещаются черты приходо-расходных книг, поденных заметок, мемуаров и автобиографии [характеристику собрания см.: 4]. Хозяйственные заметки дают возможность реконструировать повседневную жизнь семьи Бугрова и сельского социума, а его рефлексия по поводу различных событий позволяет получить представление о его идеологических предпочтениях и политических взглядах, а главное о системе ценностей и о том, насколько прочными оказались его нравственные установки в экстремальных условиях, когда на карту была поставлена сама жизнь человека и его близких.

Несмотря на то что в описываемый период происходили кардинальные перемены в политическом и экономическом строе страны, непосредственно затронувшие даже самый малый населенный пункт, записки Бугрова демонстрируют преимущественное внимание их автора к хозяйственно-бытовым вопросам, прежде всего к возникшим в результате войн и революции трудностям (исчезновение многих продуктов и товаров, инфляция, карточная система распределения, распространение товарообмена и т. д.). В начале каждого дневника Бугров дает краткую общую характеристику года. Первые упоминания о появившихся перебоях в снабжении продуктами и снижении уровня жизни относятся к 1917 году. Но в основном тема голода в полной мере разворачивается в дневниках периода Гражданской войны. «Дневник 1919 года Павла Васильевича Бугрова. <...> Гражданин П. В. Бугров. Время тяжелое и трудное. Голод, нет хлеба, чаю, сахару и круп, и спичек, табаку» [5]; «1920 год по новому стилю, год високосный, по народному сказанью будто бы тяжелый. Посмотрим, но и прошедший был нелегко. Голод и голод и дороготня» [6] и т. п.

Снижение уровня жизни крестьянства наглядно демонстрирует сопоставление цен на продукты питания и предметы первой необходимости,

---

¹ Незадолго до смерти П. В. Бугров продал все свои документы Краеведческому музею в Ярославле и сейчас они хранятся в Ярославском историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике. Фонд личного происхождения. Шифр: ЯМЗ-18152/1-41. Все дневники не имеют пагинации. В тексте статьи цитаты из дневников приводятся в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации.

а также сокращение номенклатуры приобретаемых товаров. Так, пуд ржи у частных лиц в январе 1918 года стоил 40 руб., в июне – 104 руб., в августе – 100 руб. (ср.: в 1917 году пуд ржаной муки – 6 руб.). Незначительное количество ржаной муки распределялось по карточкам. Семье Бугрова, состоящей из пяти человек, было выделено за год всего $3\frac{1}{8}$ фунта – 1 руб. 88 коп. Пшеничная мука в 1918 году выдавалась только два раза – на Масленицу по полтора фунта (60 коп. за фунт) и на Пасху по четверти фунта на человека (цена не указана). Из круп получили только около двух с половиной пудов саго. Постного (подсолнечного и конопляного) масла было куплено и получено по карточкам всего чуть больше 12 фунтов. Очень мало покупалось чаю, сахар в основном заменялся патокой, которую выдавали на картофелетерочном заводе и которая затем обменивалась на необходимые продукты.

Введенное во время Первой мировой войны нормирование и распределение по карточкам основных продуктов питания в годы Гражданской войны было распространено практически на все продукты, которые выкупались в «потребилровке» (лавке потребкооперации). Судя по записям, в 1919 году ржаной муки было получено всего 1 пуд и 30 фунтов, овса – немного больше 4 пудов, а пшеничной муки не было совсем. Для выпечки хлеба вместо зерновой муки часто использовался крахмал или молотый сушеный картофель: «Хлеб из сушеной картошки. Одним словом, картофель спасает нас от голодной смерти. Но живот побаливает частенько и слабость» [5]. Резко подорожал такой необходимый продукт, как соль. В январе 1918 года пуд соли стоил 2 руб. 40 коп. Ее иногда приходилось заменять соленой водой, получаемой на соляных источниках в посаде Большие Соли, которую затем выпаривали или просто готовили на ней еду: «Бочку 10 ведер соленой воды от Солей для пицци» [6].

Нехватка продуктов и промышленных товаров, а также установление карточной системы привело к сокращению денежного обращения и переходу населения на прямой товарообмен, о чем свидетельствуют записи 1920–1922 годов. В дневниках Бугрова появляется соответствующая рубрика, в которой он фиксировал свои сделки. Например, за 22 пучка соломы для корма скоту Бугров отдал 12 корзин и еще 15 мелких плетеных изделий, которые он изготавливал специально с этой целью. Постоянно упоминается обмен патоки на хлеб, картофеля – на одежду в Костроме, картофеля и патоки – на солому, сено, мыло и на «разной товар». За более ценные вещи и услуги приходилось расплачиваться хлебом. Так, за два фунта мыла было отдано 9 ф. пшеницы, плата пастухам составила 12 ф., пользование молотилкой – 30 ф. пшеницы и т. д. Продуктами собирали взносы и на содержание фельдшерского пункта и школы, рабочих паевого завода, церкви и священников и т. д. Если же приходилось расплачиваться деньгами, то в 1922 году расчет шел на сотни тысяч и миллионы. Например, 1 тысяча спичек стоила 1700 тыс. руб., 22 ф. керосина – 13200 тыс. руб.

Подворный налог составил 4500 тыс. руб., взнос на общие деревенские расходы – 1250 тыс. руб. и т. д. Таким образом, тысячекратное повышение цен за годы войн и революции говорит об огромной инфляции, приведшей к резкому снижению покупательной способности, ухудшению качества питания и зачастую к голоду, результатом чего явилось повышение смертности населения (например, в 1919 г. в Вороксе умерло 22 человека, значительно больше, чем в другие годы). В перечне умерших жителей деревни, который Бугров составлял в течение двадцати лет, в качестве причин смерти в эти годы он нередко указывал голод. Заметим, что в верхневолжских губерниях все же не было того страшного голода, как в Среднем Поволжье и центральных областях, поэтому и стратегии борьбы с ним были несколько иные, чем там. Точнее, в них преобладали более «цивилизованные» методы, не разрушающие человеческую личность и не сводящие человека к животному состоянию.

В записках Бугрова можно найти практически все выделенные П. А. Сорокиным «способы утоления голода». Одним из очевидных и наиболее быстрых способов ликвидации недостатка продуктов питания, особенно нехватки ржаной и пшеничной муки, что наиболее тяжело переживалось крестьянами, были поездки в местности, не пораженные неурожаем и голодом. Практиковалась организованная закупка зерна жителями деревни, волости или уезда. С этой целью крестьяне собирали деньги и посылали ходяков в «хлебные» места, даже в Сибирь: «19 марта денег собрано на хлеб 50 р. для закупки хлеба тремя волостями и заводом Понизовкина: Боровская, Петропавловская и Бухаловская [волости], весной на баржах» [7]. Однако эти поездки не всегда оканчивались удачно, посланцам иногда приходилось возвращаться «с пустом», что приводило к ожесточенным конфликтам, нападению на закупщиков зерна, которых «озлобленная толпа народа» сажала под арест.

Обеспечение физического выживания семьи стало главной проблемой для Бугрова и полностью определило выбор жизненных стратегий. Ситуация осложнялась еще и тем, что закончились его обычные заработки во время волжской навигации, поскольку была прекращена деятельность судовладельцев. В создавшихся обстоятельствах Бугров выбрал активную стратегию, хотя в этот период в крестьянской среде практиковалась и пассивная форма – нищенство, однако из членов его семьи никто не «ходил по миру». Можно говорить об особой жизнестойкости Бугрова, которая сформировалась у него под влиянием опыта. Пройденный им «незавидный путь жизни» воспитал в нем особые личностные качества – трудоспособность, неприхотливость, терпение и одновременно склонность к экспериментам в хозяйстве и предприимчивость, что помогло ему в трудных условиях даже несколько улучшить свое хозяйство и сохранить жизнь членам семьи. Он изобретал новые способы добывания средств существования и старался максимально полно использовать все доступные ему ресурсы.

Стал больше усилий вкладывать в свое хозяйство: увеличил посадки картофеля, который использовался не только для еды, но и как техническая культура, его он сдавал на картофелетерочный завод и взамен получал патоку, из которой варил ландрин. На арендованной земле начал выращивать капустную рассаду, которую в больших количествах продавал в окрестных селах; сажал капусту, огурцы и другие овощи, а также сеял рожь, овес и пшеницу, что составило основу питания семьи. Постарался завести больше домашней скотины. Так, к уже имеющейся телке в 1919 году купил «поросёнок боровок маленькое, ценою тысяча семьсот рублей на советские деньги, бумажные» [5]. В 1921 году получил «телёнок красное белоголовое трех месяцев от рожденья на ферме Васильевское у Понизовкина за плату – 50000 р. разменными знаками» [8]. Стал изготавливать корзины, орудия труда и т. д. Реализация в Костроме и Ярославле части выращенных продуктов, а также изделий домашнего промысла позволила дополнительно получать небольшие денежные средства. Значительно изменился характер труда и возросла его интенсивность; одновременно с этим изменилась и структура дохода. В бюджете семьи увеличился удельный вес доходов в натуральном виде в отличие от дореволюционного времени, когда преобладала их денежная форма: тогда основным источником содержания семьи были заработки Бугрова в навигацию по погрузке-разгрузке барж и плата за различные поденные работы у односельчан, а ведение собственного крестьянского хозяйства выполняло подсобную функцию.

Сложность добывания средств существования заставили Бугрова мобилизовать все трудовые ресурсы семьи: жену и детей. Жена Анна Алексеевна и в предшествующие годы, несмотря на частые беременности, роды и ведение домашнего хозяйства, постоянно занималась поденным трудом у односельчан (жала рожь, сажала, окучивала и рыла картофель, помогала с уборкой дома и пр.), но в этот период значение ее вклада в общий доход семьи возросло, поскольку она получала вознаграждение продуктами. Например, согласно записи 1918 года, «8 августа жала рожь в Бутове подённо, не деньгам, а рожью, 10 фунтов в день. Жала 8 дён, хлеба получила два пуда, цена была хлебу 200 р. за пуд. Итого 400 р. <...> 23 августа обирали колос из-под ржи в Бутовском поле» [7].

Дети Бугрова – Елизавета (домашнее имя Лисутка, 1903 г.р.) и младший сын Константин (1906 г.р.) – также вынуждены были начать помогать семье. Запись об их первом заработке обведена в рамку, видимо, чтобы подчеркнуть важность этого факта: «Лисутки и Костюшки первая добыча. Костюшка работал на паевом заводе, бил щебень для бетона на своём заводе 15 ден, полтора руб. в день. Костюшке 10 лет от рожденья. <...> Костюшка и Лисутка били щебень для бетона под баки на отряд за 60 р. за грудку. Работали 15 дён. <...> При постройке своего завода Лисутка работала 8 дён,

била щебень для бетона. 15 июля получено с паевого Хрептовского завода² 12 р. 5 августа таскала щепы из тёрочной Хрептовского паевого завода, получено за 6 ден 9 р. Лисутке 13 лет от рожденья» [9]. В дальнейшем записи о работе детей встречаются постоянно, но они больше относятся к занятиям домашним хозяйством. Старший сын Григорий осенью 1916 года был призван в армию и после учебы попал на Балтийский флот, где и остался, поддерживав Октябрьскую революцию. Он иногда приезжал со службы домой, но его вклад в общее хозяйство был в тот период сравнительно небольшим.

Если Бугров придерживался законных способов добывания средств к существованию (просоциальная стратегия), то содержащиеся в дневниках материалы позволяют говорить о распространении в крестьянском социуме и антисоциальных стратегий выживания (воровство, разбои и грабежи, иногда сопровождавшиеся убийством). Заметок о воровстве в годы Первой мировой и Гражданской войны становится значительно больше по сравнению с предшествующим периодом. Чаще всего воровали сено, так как зимой оно хранилось вдали от деревни на сенокосах и было легкой добычей для воров: «Поймали воров с сеном, свалили у пожарного сарая два возка, ночью опять украли. <...> Украли рыбу из садка у Халамоновых, 8 лещей крупных» [10], и т. д. Негативное влияние последствий голода сказывалось и в дальнейшем: уровень преступности не снизился.

В качестве экстремальной стратегии выживания можно рассматривать сопротивление крестьян продразверстке, что выразилось в массовых восстаниях во многих регионах России. В Ярославской губернии это было выступление «зеленой армии» [11], которое было подавлено в течение лета 1918 года. Бугров лично не участвовал в этом движении, и по его записям трудно сказать, как он оценивал. Группа участников этого движения была расстреляна недалеко от его деревни, о чем он написал в дневнике. Среди погибших названы люди из соседних деревень, лично знакомые Бугрову, что не могло оставить его равнодушным. В целом, можно утверждать, что характерный для Бугрова патернализм и лояльное отношение к власти как таковой свидетельствуют о его отрицательном отношении к антисоциальной и экстремальной стратегиям выживания. Для себя он выбрал стратегию, не выходящую за рамки крестьянских нравственных представлений, базирующуюся на нормах обычного права и христианской этике.

Нехватка продовольствия активизировала практики кооперации в обеспечении жителей деревни особенно ценными и дефицитными белковыми продуктами – мясом и рыбой. Так, в 1919 году мясо от заколотого общего для деревенского стада быка («десяточного») распределили по хозяйствам в соответствии с числом коров в каждом из них, а на собранные при этом деньги купили нового быка. В следующем 1920 году получили мясо таким же образом. Еще немного мяса в этом же году досталось после выпол-

---

² Хрептовский картофелетерочный завод, пайщиком которого был Бугров, поэтому в дневниках он часто называет его «свой завод».

нения разнарядки по продразверстке: «13 декабря получили фунт мяса, остаток от быка. 5 пудов сдали в казну в Ярославль по разверстке 41 пуд на деревню. А остаток 2 пуда 10 ф. разделили по фунту на каждую корову. Коров 93 коровы» [6]. Совместно использовались и рыбные ресурсы недалеко расположенного озера Кухло, которое до этого времени сдавалось в аренду, что приносило крестьянам средства для оплаты общих расходов. Характерно, что «рыбный пай» был выделен и на старшего сына Григория, в тот момент проходившего службу на Каспийском море, и его жену, как на лиц, имеющих право на получение «доли» из общего владения: «20 ноября в субботу получили рыбы селедки 12 фунтов на едоков, по два фунта на едока, Гринкя служил на Кавказе и с женой, рыбы получили и на его. Рыба из [озера] Кухлы. Ловили всей деревней, а не отдавали в аренду одному лицу как раньше за 25 рублей. Ходили стеречь по ночам по очереди. <...> 25 ноября рыбы еще получили 5 ф.» [8].

В качестве еще одного из источников получения помощи в борьбе с голодом следует упомянуть социальную политику государства, направленную на поддержание беднейшей части населения. Благодаря тому что старший сын Бугрова Григорий служил на Балтийском флоте, семье выдавались продовольственные карточки «Красная звезда» и была назначена небольшая пенсия на мать и на несовершеннолетних сестру и брата. Например, в 1920 году «13 марта ст.ст. в пятницу получена пенсия на двоих: на Костюшку и матку шестьсот сорок рублей и продовольственные 2 карточки. 24 мая пенсия получена за Гриньку на двоих 1600 рублей и по полфунту на человека сахарного песку и соли. Итого два фунта. <...> 1 июля получена пенсия 300 р. и карточка продовольственная на Лисутку. 9 сентября пенсия получена на двоих – 1728 р. 9 декабря пенсия получена за Гриньку расч[етными] знаками на двоих – 1152 р. 22 декабря 2 ф. сахарного песку, 2 ф. соли на “красную звезду” – 85 р.» [6]. Эта политика способствовала уменьшению социальной напряженности и формированию у крестьян лояльного отношения к новой власти и ее реформам.

Социальная поддержка реализовывалась и в других формах, непосредственно влиявших на повседневную жизнь деревни. Так, существовала система продовольственных комитетов, которые, кроме продуктов, распределяли и семена для посева, что было крайне важно в борьбе с голодом, поскольку обеспечивало крестьян зерном на следующий год. Также организовано крестьяне получали и некоторые дефицитные и дорогостоящие орудия труда, купить которые единолично им было не под силу и использование которых в небольшом единоличном хозяйстве было экономически невыгодно. Такие мероприятия, проводимые государством, стимулировали самоорганизацию сельских хозяев для совместной работы. Этому, кстати, способствовало и устройство паевых картофелетерочных заводов, начатое еще накануне Октябрьской революции, что позже оказалось реальной помощью в борьбе с голодом. Отметим, что данная политика играла двоя-

---

кую роль. С одной стороны, она помогала выжить в тех крайне тяжелых условиях, с другой – усиливала иждивенческие настроения крестьян, формировала у них пассивные стратегии поведения и уменьшала личную ответственность за собственное благополучие.

Таким образом, анализ записок П. В. Бугрова позволяет говорить о жизнеспособности крестьянского хозяйства, которое даже в экстремально неблагоприятных условиях продолжало свое существование и обеспечивало жизнь его членам благодаря своему мощному адаптивному потенциалу. Сложившиеся тяжелые обстоятельства заставили крестьян активизировать различные стратегии преодоления голода, часть из которых была известна и прежде, но часть изобреталась вновь. К традиционным практикам можно отнести сокращение и обеднение рациона питания, замену натуральных качественных продуктов их подобием (хлеб из крахмала или молотого сухого картофеля), нищенство, поездки в благополучные регионы и др. К новым, например, можно причислить освоение необычных форм хозяйственной деятельности, изготовление различной продукции домашних промыслов и ориентацию на рынок. Это позволило сохранить в экстремальных условиях, по крайней мере, минимальный уровень потребления.

Ссылки

1. Орлов И. Б. Голодные годы в России и исторические механизмы социальной адаптации // Человек в российской повседневности: сб. науч. ст. М.: СТИ МГУС, 2001. С. 111–119.

2. Кондрашин В. В. Голод в крестьянском менталитете // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): материалы междунар. конф. / отв. ред. В. П. Данилов, Л. В. Милов. М.: РОССПЭН, 1996. С. 115–123.

3. Сорокин П. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь / сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. Сыктывкар: Анбур, 2014. 496 с. [первое издание: Пг., 1922].

4. Слепцова И. С. «Коллективная биография» сельского социума (по материалам дневников ярославского крестьянина П. В. Бугрова) // Русский Север: Идентичности, память, биографический текст. К 95-летию со дня рождения К. В. Чистова: сборник научных статей / ред.-сост. Т. Б. Щепанская. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 79–96.

5. ЯМЗ-18152/27 (1919 г.).

6. ЯМЗ-18152/28 (1920 г.).

7. ЯМЗ-18152/26 (1918 г.).

8. ЯМЗ-18152/29 (1921 г.).

9. ЯМЗ-18152/25 (1917 г.).

10. ЯМЗ-18152/31 (1922 г.).

11. Посадский А. В. Зеленое движение в Гражданской войне в России. Крестьянский фронт между красными и белыми, 1918–1922 гг. М.: Центрполиграф, 2018. 319 с.

Constitutional justice: on some amendments to legislation

N. N. Tarusina¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003,
Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-1-64-75

Research article
Full text in Russian

The article analyzes the 2020 constitutional amendments on constitutional justice. Among them are provisions on the formation of the composition of the Constitutional Court of the Russian Federation, expanding its powers in terms of checking the compliance of the Constitution of the Russian Federation with draft laws, clarifying the competence on the issue of the possibility of executing decisions of interstate bodies (primarily the European Court of Human Rights), adjusting the institution of dissent judges of the Constitutional Court of the Russian Federation. Positive and critical considerations regarding the above constitutional amendments and the corresponding amendments to the federal constitutional law “On the Constitutional Court of the Russian Federation. In particular, concerns are expressed about ensuring the proper degree of democracy in the formation of the Court, guaranteeing its independence in cases where the provisions of a particular draft law have been previously assessed by him as complying with the norms of the Constitution of the Russian Federation, and subsequently he will have to consider complaints about the constitutionality of the same legal norms, the validity of the refusal of the public character of the dissenting opinion of the judges of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Keywords: Constitutional Court of the Russian Federation; composition; interstate jurisdiction; execution of decisions; dissenting opinion of a judge

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Tarusina Nadezhda N.	E-mail: nant@uniyar.ac.ru
	ORCID 0000-0001-8827-5532
	Cand. Sc. (Jurisprudence), Professor

Funding: Yaroslavl State University, project VIP-014

Конституционное правосудие: о некоторых поправках в законодательство

Н. Н. Тарусина¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-1-64-75
УДК 342.7

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье анализируются конституционные поправки 2020 года о конституционном правосудии. Среди них – положения о формировании состава Конституционного Суда Российской Федерации, расширении его полномочий в части проверки на соответствие Конституции Российской Федерации законопроектов, об уточнении компетенции по вопросу о возможности исполнения решений межгосударственных органов (прежде всего – Европейского суда по правам человека), о корректировке института особого мнения судей Конституционного Суда Российской Федерации. Обобщаются положительные и критические соображения относительно указанных конституционных поправок и соответствующих им изменений Федерального Конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации». В частности, высказываются опасения об обеспечении должной степени демократичности формирования Суда, о гарантированности его независимости в случаях, когда положения того или иного законопроекта им предварительно оценены как соответствующие нормативам Конституции Российской Федерации, а впоследствии ему же предстоит рассматривать жалобы на конституционность этих же правовых норм, об обоснованности отказа от публичного характера особого мнения судей Конституционного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: Конституционный Суд РФ; состав; межгосударственная юрисдикция; исполнение решений; особое мнение судьи

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тарусина Надежда Николаевна	E-mail: nant@uniyar.ac.ru ORCID 0000-0001-8827-5532 Кандидат юридических наук, профессор
-----------------------------	---

Финансирование: ЯрГУ, проект VIP-014

Правовая основа деятельности Конституционного Суда Российской Федерации подвергалась корректировке неоднократно, однако далеко не все изменения обсуждались юридическим сообществом столь эмоционально, как последние новеллы в ФКЗ «О конституционном Суде Российской Федерации» (далее – ФКЗ), конкретизировавшие положения соответствующих конституционных поправок 2020 года.

Так, неожиданно для многих был изменен количественный состав Суда – 11 судей вместо 19. В доктрине в этой связи было высказано несколько довольно резких суждений: не вполне ясен смысл превращения Суда в уютный «конституционный междусобойчик»; обычно, когда власть озабочена целью сформировать послушный состав суда, она старается его расширить, чтобы открыть в него дорогу своим сторонникам (так действовал президент США Рузвельт, дабы сломить саботаж Верховным судом своего «нового курса»; так, возможно, поступят демократы, в лице президента Байдена, ибо на данный момент, после дискуссионного утверждения Конгрессом кандидатуры Баррет на должность судьи Верховного суда, «ставленницы» президента Трампа, в означенном Суде превалирует консервативное (республиканское) правосознание – 6 против 3¹); в этой связи можно предположить, что избрана тактика «выжимания несогласных» (А. Н. Верещагин, В. Б. Румак) [1, с. 121–122].

В доктрине также высказываются и другие аргументы в контексте критики рассматриваемой новеллы. Сокращение численного состава, полагают некоторые авторы, во-первых, не соответствует логике расширения полномочий Суда; во-вторых, понижает уровень его компетентности «из-за «непредставительства» в нем судей – специалистов различных отраслей права (В. А. Кряжков) [2, с. 28–29].

В то же время количественный состав Конституционного Суда РФ в действующем варианте (19 судей) превышает соответствующие обыкновения: как правило, количество членов судов данного типа меньше – от 4 (Андорра), 9 (США) до 15 (Италия; по Конституции РСФСР – аналогично), 16 (ФРГ), 18 (Украина) и т. д. При этом следует учитывать различия в компетенциях конституционных (верховных) судов тех или иных государств (яркий пример – США) и подходах к решению о количественном и качественном их составе (например, в Италии действуют 15 ординарных и 16 неординарных членов Конституционного Суда – с существенно дифференцированными полномочиями). Таким образом, относительно изменения состава российского Конституционного Суда можно предположить не только версию об «изгнании несогласных», но и версию о соображении

¹ Это, впрочем, не помешало Верховному Суду США отвергнуть все попытки администрации и/или сторонников действующего президента (как бы республиканца) оспорить результаты президентских выборов.

ях разумной целесообразности. Другое дело, что представления о целесообразности могут быть (и обычно бывают) крайне субъективными...

Уточнены требования к возрасту судей, причем на дифференцированной основе – в зависимости от рядового членства или руководящих функций. В принципе, с одной стороны, это может быть оправдано: такова тенденция по возрастным позициям относительно руководителей высокого ранга в целом², соответственно соображения справедливости не исключаются и для Конституционного Суда РФ. С другой стороны, передача вопроса о кандидатуре Председателя Суда (и его заместителя) из сферы коллегиального решения самого Суда в ведение Совета Федерации (по представлению Президента), с возможностью продления полномочий Председателя без ограничения возраста, умаляет демократичность судебно-конституционного управления.

Одной из стратегических новелл является расширение полномочий Суда в части дачи заключения о конституционности законопроектов. Следует заметить, что подходы к данному решению имеют свою более чем 25-летнюю историю: дискуссии о нем прошли еще в процессе разработки ФКЗ от 21 июля 1994 года, но не привели к положительному заключению. В доктрине также отмечается, что потребность в подобном полномочии не была выявлена ни законотворческой, ни правоприменительной практикой (В. А. Кряжков) [2, с. 25]. И главное: предварительный нормоконтроль создает дисгармонию между ветвями власти и избыточно политизирует деятельность Конституционного Суда РФ. Кроме того, не исключается возникновение идеолого-правовой коллизии: если Суд по запросу Президента определился с законопроектом, гарантируется ли объективное рассмотрение последующих жалоб на предмет конституционности тех или иных его предписаний?...

Разумеется, стратегическим положением – как соответствующих конституционных поправок (п. 5.1. б) ст. 125), так и ФКЗ (гл. 13) – является правило об особенностях исполнения решений межгосударственных органов. Его рождению предшествовали явственные «родовые муки».

Первой «родовой схваткой» явилось дело «К. Маркин против Российской Федерации», в постановлении по которому Европейский суд по правам человека (7 октября 2010 г.) впервые подверг весьма жесткому сомнению решение Конституционного Суда РФ (определение № 187-0-0 от 15 января 2009 г.). Как известно, последний, рассматривая вопрос о приемлемости жалобы, определил: законодательство (ст. 11 ФЗ «О воинской обязанности») о предоставлении отпуска по уходу за ребенком только военнослужащим-женщинам не нарушает принципа гендерного равенства – в увязке

---

² Последние варианты западных (американских) образчиков это более чем подтверждают.

данного ограничения для военнослужащих-мужчин с конституционной нормой ст. 55 (о возможности ограничения федеральным законом прав и свобод граждан, если того требуют интересы обороноспособности российского государства)³.

Правовая позиция Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) вызвала весьма бурную реакцию в российских политических (вплоть до резко критических высказываний Д. А. Медведева, о ту пору Президента РФ) и конституционно-судейских кругах. Так, Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин подчеркнул: 1) решение российского Суда было принято с учетом как специфики воинской службы, так и особой социальной роли женщины (и эта констатация – не «гендерный предрассудок», а одна из основополагающих конституционных идей российского государства и солидарного с ним российского общества); 2) право на уважение семейной жизни (ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод) толкуется ЕСПЧ абстрактно и неоднозначно; Суд, не имея прямых прецедентов по рассматриваемому вопросу, применил свою правовую позицию, касающуюся увольнения из вооруженных сил гомосексуалистов, что вряд ли обосновано; 3) данная позиция ЕСПЧ и подобные ей «угрожают государственному суверенитету»; 4) Россия вправе выработать механизмы защиты от таких решений, осуществляющих «внешнее дирижирование» правовой ситуации в стране [4]⁴.

По сути, это был наиболее громкий «первый звонок», призвавший российскую юридическую доктрину уточнить (и даже систематизировать) подходы в вопросе силового соотношения правовых позиций означенных судов, а также актуализировать осмысление идеи об относительной, а не абсолютной универсальности конструкции прав человека, невозможности ее полного (глобализованного) восприятия исключительно на основе западных образцов (В. А. Карташкин, Е. А. Лукашева) [7, с. 38–39].

Вторым звонком (по нашей предыдущей терминологии – второй «родовой схваткой») явилось несогласие ЕСПЧ с правовой позицией Конституционного Суда РФ по делу С. Анчугова и В. Гладкова (осужденных к лишению свободы: одного – за убийство, кражи и мошенничество, другого – за убийство, разбой, участие в организованной преступной группе), жаловавшихся на отказ в избирательном праве (ограничение, предусмотренное нормой ч. 3 ст. 32 Конституции РФ). ЕСПЧ в постановлении от 4 июля 2013 г. высказался в том смысле, что в Конвенции нет места

³ Заметим, на полях, что абсолютизация идеи гендерного равенства, нереализуема – и прежде всего по объективным причинам, к которым неизбежно добавляются социальные и политические аргументы (А. М. Лушников, М. В. Лушникова, Н. Н. Тарусина) [3].

⁴ Подробнее об см. в других трудах автора (Н. Н. Тарусина) [5, 6].

для автоматического лишения избирательного права и что должен соблюдаться принцип соразмерности наказания обстоятельствам дела, лишение избирательного права – избыточно суровая мера (если иметь в виду общее правило); необходимо внести изменения в российское законодательство, в том числе в Конституцию (!). В этой связи и по запросу Минюста РФ Конституционный Суд (постановление № 12-П от 19 апреля 2016 г.) сформулировал, на наш взгляд, весьма осторожное суждение: норма ст. 32 Конституции РФ не исключает возможности внесения изменений в федеральное законодательство – с целью отказа от автоматического лишения избирательных прав во всех случаях либо оптимизации системы наказаний – с уменьшением вариантов применения лишения свободы (без корректировки конституционной нормы)⁵. Подобная осторожность, возможно, свидетельствует об определенной степени готовности (на тот момент) российского государства к компромиссам с европейским сообществом, которая ко времени принятия рассматриваемой конституционной поправки существенным образом себя исчерпала.

Третьим звонком («родовой схваткой») явилось постановление ЕСПЧ от 31 июля 2014 г. по известной жалобе акционеров нефтяной компании «Юкос» о компенсации ущерба. Это «переполнило чашу терпения»⁶ – и Конституционный Суд РФ в постановлении № 21 от 14 июля 2015 г. выработал соответствующую правовую позицию: если постановления ЕСПЧ основаны на толковании Конвенции о защите прав человека и основных свобод, приводящем к противоречиям с нормами Конституции РФ, они не могут быть исполнены. Данная позиция была незамедлительно закреплена в ФКЗ № 7 (декабрь 2015 г.)⁷. И впоследствии подтверждена конституционной поправкой.

Полагаем, что это – вынужденная, но необходимая мера: коль скоро не сочтено возможным затевать сложную процедуру внесения изменений в «неприкасаемые» главы (в том числе в ст. 15 гл. 1), а политических ошибок международно-правовой природы в известные периоды было совершено немало, приходится искать обходные (но разумные) технологии оптимизации разворачивания юридических событий, обусловленных ме-

---

⁵ Наше толкование, видимо, в рамках доступной нам степени профессионализма, предписания ч. 3 ст. 32 Конституции РФ такой возможности не предполагает. Следует заметить, что дополнительная аргументация содержится в особом мнении судьи Конституционного Суда РФ В. Г. Ярославцева, однако замечание, высказанное нами выше, относится и к данной позиции.

⁶ К тому времени российское государство уже находилось под всевозможными санкциями, динамично и упорно расширяющимися и по настоящее время. Это значительно охлаждало и охлаждает готовность к постоянным компромиссам.

⁷ Некоторые юристы считают подобную акцию избыточной, полагая достаточным фиксацию правовой позиции в постановлении Конституционного Суда РФ (В. М. Жуйков) [8, с. 124].

жгосударственными соглашениями. Следует также заметить, что, например, и ЕСПЧ иной раз посредством технологии широкого толкования «вытягивает» из конвенционных нормативов-деклараций положения, явным образом из них не вытекающие. Его критикуют (или превозносят – в зависимости от степени удовлетворенности/неудовлетворенности содержанием решения) за ярко выраженную способность, опираясь на теорию «динамической интерпретации», прочитать в одной статье Конвенции целый кодекс предписаний (М. В. Антокольская, Н. Н. Тарусина) [6, с. 261]. Конституционные суды ряда европейских стран периодически неохотно принимают к исполнению таковые акты толкования или же вовсе их игнорируют, если они не согласуются с принципиальными правовыми позициями национального законодательства⁸. В доктрине подчеркивается: готовность участников Конвенции следовать практике ЕСПЧ отнюдь не означает прецедентной от нее зависимости, ее общеобязательности и нормативности – собственное усмотрение, в том числе конституционно-судебное, абсолютно не исключается (Н. С. Бондарь) [9, с. 114–116], особенно в случаях выхода решений означенного Суда за пределы конвенционного толкования, тем более предмета ведения.

Не столь стратегической, но идеологически значимой является корректировка института особого мнения судьи Конституционного Суда. Как известно, конструкция особого мнения действует и в судах общей юрисдикции. Так, например, в гражданско-процессуальном пространстве данный институт развивался от модели полной закрытости к закрытости частичной (с вектором неопределенности юридико-практического значения): норма п. 2 ст. 15 ГПК РФ наделяет судью при постановке коллегиального решения изложить свое особое мнение, которое не оглашается, но приобщается к делу, при этом «особист» обязан подписать итоговый судебный документ (п. 2 ст. 197 ГПК РФ), а лица, участвующие в деле, в силу правила об ознакомлении с материалами судебного процесса (п. 1 ст. 35 ГПК РФ), узнать о факте и содержании автономной позиции одного из судей⁹.

Размышления о диссонансном характере рассматриваемого института в рамках российского судопроизводства, вследствие принадлежности российской правовой системы романо-германской правовой семье, встречались в доктрине задолго до его новейшего конституционно-правового реформирования, однако и с указанием на явственные исторические примеры данного явления, начиная с реформ Петра I (А. Н. Верещагин) [11, с. 13–14]. Причем, несмотря на англо-саксонскую правовую

---

⁸ Подробнее об см. в других наших публикациях [5, с. 225–228; 6, с. 259–260].

⁹ Именно так толкуют процессуалисты совокупное действие указанных нормативных положений (Н. Н. Тарусина) [10, с. 186].

природу, аналитики того времени оценивали его вполне положительно: особое мнение является выражением правовой позиции судьи на основе принципа независимости и способствует развитию юридической доктрины, законодательства и правоприменения (Д. А. Басангов) [12, с. 26]. Разумеется, суверенная судебская позиция, «опубличенная» одновременно с решением Конституционного Суда РФ, была весьма значима в силу высокой авторитетности членов указанного Суда. Следует также добавить, что соответствующие тексты являлись и являются важными (оригинальными, интересными, а иной раз – просто захватывающими) источниками образовательной информации¹⁰.

В принципе, сходной точки зрения придерживаются и современные критики корректировки рассматриваемого института – решения о выведении особого мнения судьи Конституционного Суда из публичного пространства, придания ему характера некоего архивного материала, приложения к судебному протоколу (ст. 76 ФКЗ) – с соответствующим запретом судье знакомить с содержанием данного текста юридическую и неюридическую общественность.

Наиболее ярко представлены взгляды по обсуждаемому вопросу в рубрике «Судьба особых мнений в России: новый поворот» журнала «Закон» [13, с. 19–33]. Рубрика открывается позицией А. А. Клишаса: 1) «вопреки расхожему мнению», изменение статуса особого мнения не нанесет удара по развитию права, что подтверждается европейской конституционно-судебной практикой; 2) в результате запрета публикации исключается несвойственная судьям роль лидеров общественного мнения; 3) публикация итогового решения без «оговорок» положительно скажется на авторитете решений Конституционного Суда РФ, общественном восприятии его правовых позиций; 4) для обмена же мнениями существует доктринальное юридическое пространство [13, с.19–20].

Солидарен с данным автором и Л. В. Головкин: 1) континентальная традиция, к которой принадлежит российская правовая система, основана на принципе неделимости судебного решения и ограничения разногласий по нему тайной совещательной комнаты; 2) в судах общей юрисдикции особое мнение адресуется вышестоящему суду в рамках возможного обжалования судебного акта, иначе обстоит дело с особыми мнениями судей Конституционного Суда РФ: они, в силу природы данного суда, не имеют адресата внутри системы; 3) американская традиция, в рассматриваемом контексте, видит в судье политически ангажированного субъекта, избранного или назначенного определенной политической силой;

---

¹⁰ Например, в течение многих лет означенные тексты анализируются автором и студентами в курсах «Семейное право» (бакалавриат), «Проблемы правоприменения по гражданским делам», «Социальная экспертиза российского законодательства» (магистратура).

4) первая традиция в последнее время подвергается давлению второй (как результат – особые мнения ЕСПЧ, различных судов восточно-европейских стран, соответствующие дискуссии во Франции; 5) российское право, будучи типичным образцом континентального правопорядка, испытывает значительное влияние американских правовых институтов – без осмысленного понимания их природы и предназначения, в том числе привлекает их и по конъюнктурным соображениям [13, с. 23–25].

Представляется, однако, что критиков рассматриваемой новеллы ФКЗ, в том числе среди высокоавторитетных юристов, несравнимо больше. Так, В. М. Жуйков подчеркивает: 1) данная новелла, не обусловленная конституционными поправками, носит «антитворческий характер»; особое мнение имеет индивидуальное значение – позволяет судье путем высказывания своей позиции «защитить свою профессиональную честь», а также значение общего характера, – дает возможность участникам судебного процесса, депутатам, судьям, ученым обогатить свое представление о различных аспектах спорной проблемы; 2) наличие вдумчивого, обоснованного особого мнения не умаляет, а, напротив, упрочивает репутацию Суда; 3) подобное ограничение независимости судей сковывает свободу действий Суда, вынуждает его «петь только хором и ходить только строем» [13, с. 22–23].

А. А. Иванов, опираясь на историю вопроса, отмечает, что негативное отношение к явлению особого мнения было характерно для советского времени, когда судья рассматривался в качестве госслужащего, а суд – выразителем воли господствующего класса; отказ от публичности данной конструкции (в ряду некоторых других явлений) – «яркий пример советизации нашего правосудия»; «единомыслие судебной системы означает, что она перестает быть отражением многообразия общественной жизни и превращается в способ воздействия монолита власти на общество» [13, с. 20–21].

В. В. Ярков обращает наше внимание на более приемлемую первоначальную редакцию проектной новеллы: полной изоляции особого мнения не предполагалось, оно должно было приобщаться к материалам дела с последующим размещением на официальном сайте Конституционного Суда РФ, что, с одной стороны, не создавало бы излишнего ажиотажа, с другой – позволяло бы с ним ознакомиться и участником процесса, и неопределенному кругу лиц [13, с. 25].

Е. В. Кудрявцева, констатируя распространенность конструкции в международных судах¹¹, внутренних судах различной юрисдикции, подчеркивает уникальность института особого мнения именно судьи

¹¹ О значимости конструкции особого мнения судей в международно-правовом пространстве см. также статью Т. Н. Нешатаевой [14, с. 68–84].

Конституционного Суда РФ: последнее, безусловно, оказывает положительное влияние на развитие и законодательства, и юридической науки. Автор солидаризируется с теми учеными, которые полагают, что преимуществ в информировании общественности об особом мнении судьи больше, чем недостатков. При этом Е. В. Кудрявцева демонстрирует, в противовес аргументам Л. В. Головки, факты распространенности обсуждаемого института в странах континентального права [13, с. 27–28].

В аналогичном ключе высказываются А. Н. Верещагин и В. Б. Румак: континентальная традиция – далеко не так монолитна, как это представляется некоторым; более того, замечают авторы, в российско-имперском правопорядке скрывать разногласия между судьями не было принято, например, результаты голосования и мнения сенаторов «бестрепетно фиксировались прямо в Полном собрании законов... И почему-то никому не приходило в голову, что это может подорвать авторитет судебных решений!» [1, с. 122].

Не исключено, что одним из поводов к отправке «в подполье» обсуждаемого института явился ряд особых мнений судьи Конституционного Суда РФ К. В. Арановского. Первое («нашумевшее, как его именуют в юридической среде [1]) было заявлено к постановлению от 10.12.2019 № 39-П. Стилистика его текста, на наш взгляд, избыточно политизирована («Даже в условном юридическом смысле России незачем навлекать на свою государственную личность вину в советских репрессиях и замещать собою государство победоносного и павшего затем социализма»; «Российская Федерация не продолжает собою в праве, а заменяет на своей территории государство, незаконно однажды созданное, что и обязывает ее считаться с последствиями его деятельности, включая политические репрессии»), а отдельные суждения по содержанию явным образом выходят за пределы вопросов конкретного права, анализу коего посвящено постановление, устремляясь в пределы конституционности советской государственности и факта ее правопреемства государственностью российской.

На этом фоне весьма скромно выглядит второе особое мнение – к постановлению от 8 октября 2019 г. № 31-П, но и в его тексте есть над чем «повитийствовать»: «ценят не преподавание и не учебу, а учебно-методические комплексы», «субординация и отчетность под началом администраторов угнетает преподавание и науку...».

Имеются и другие тексты, весьма неординарные по стилю и содержанию (таки и справедливые). С одной стороны, это – безусловное право судьи и во многом – даже и правота. Если ознакомиться со стилистикой официальных документов разного уровня XIX в. и ранее, а также науч-

ной и учебной литературы по праву (см., например, указы Петра I, книги А. Боровиковского, Д. И. Мейера и многих других), то с этой «колокольни» стилистический и содержательный «набат» означенных судебских текстов уже не покажется необычным (избыточно оригинальным). Однако стилистика и контексты настоящего времени, к сожалению, иные. Ис этим, видимо, необходимо считаться... Тем более что среди особых мнений судей известного ранга встречаются блистательные тексты (как по форме, так и по смыслу)¹², которые являются образцами для доктрины и юридического образования и основательными поводами для законодателей задуматься о необходимости проектирования нормативных изменений.

Следует также заметить, что конституционное правосудие постоянно находится между правом и политикой, однако при необходимом соблюдении чувства меры, «доктрины разумной сдержанности» – с вектором не на политизацию конституционно-правовой сферы, а на конституализацию политики (Н. С. Бондарь) [15, с. 28]. Данный фундаментальный тезис, ориентированный на конституционное правосудие в целом, справедлив и для той ее малой (и не регуляторной) части, которая представлена институтом особого мнения судьи Конституционного Суда РФ.

Подводя информационный итог по данному вопросу, заметим, что ориентация на усиление закрытости конституционного правосудия удручает и на интеллектуальном, и на эмоциональном уровне. Лишение юридической общественности информации об индивидуальных правовых позициях суперпрофессионалов обедняет и доктринальное, и законотворческое, и правоприменительное пространство. При этом ссылки на континентальные правовые традиции, в эпоху конвергенции, не вполне состоятельны – «чистоты рядов» давно уже нет. «Плач» об умалении судебного авторитета не разделяется многими юристами, ибо юриспруденция, в том числе и в высшем ее проявлении, есть концентрированное средоточие разности позиций, а неопределенность права в известном смысле признается благом (Н. Н. Тарусина) [16, с. 50–53]. Впрочем, высказанные сентенции относятся, к сожалению, уже к фактам истории, возможно поучительным.

Конституционные поправки, в том числе обсужденные в данном сочинении, состоялись и требуют неукоснительного исполнения, что, впрочем, не исключает их осмысления и критики (тем более критики тех изменений в ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», которые прямо из означенных поправок не вытекают).

---

¹² См., например, особые мнения судей Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, С. Д. Князева и др. Мы солидарны с мнением А. Т. Боннера о значимости и глубине ряда соответствующих текстов (автор, кстати, упомянул в этой связи в основном те же фамилии) [13, с. 26–27].

Ссылки

1. Верещагин А. Н., Румак В. Б. Унылая пора // Закон. 2020. № 10. С. 120–128.
2. Кряжков В. А. Как конституционная реформа 2020 года изменила Конституционный Суд Российской Федерации // Государство и право. 2020. № 9. С. 18–29.
3. Лушников А. М., Лушникова М. В. Гендер в законе. М.: Проспект, 2015. 480 с.
4. Зорькин В. Д. Предел уступчивости // Российская газета. 2010. 29 окт.
5. Тарусина Н. Н. О судебном усмотрении: заметки семейноведа. Ярославль, 2011. 288 с.
6. Тарусина Н. Н. Семейное право: в «оркестровке» суверенности и судебного усмотрения. М.: Проспект, 2014. 288 с.
7. Карташкин В. А., Лукашева Е. А. Международно-правовые стандарты прав человека: универсализм, регионализм, реалии // Государство и право. 2010. № 7. С. 37–45.
8. Жуйков В. М. Российское законодательство и международное право: проблемы взаимодействия на основе Конституции Российской Федерации // Закон. 2020. № 3. С. 115–125.
9. Бондарь Н. С. Конвенциональная юрисдикция Европейского Суда по правам человека в соотношении с компетенцией Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. 2006. № 6. С. 113–127.
10. Бутнев В. В., Тарусина Н. Н. Очерки по теории гражданского процесса. М.: Проспект, 2015. 240 с.
11. Верещагин А. Н. Особые мнения в российских судах // Государство и право. 2008. № 2. С. 13–23.
12. Басангов Д. А. Юридическая природа особого мнения судьи Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2006. № 2. С. 24–34.
13. Судьба особых мнений в России: новый поворот // Закон. 2020. № 10. С. 19–33.
14. Нешатаева Т. Н. Особое мнение как точка равновесия между интернационализмом и этатизмом // Российское правосудие. 2018. № 11. С. 68–84.
15. Бондарь Н. С. Конституционный Суд в системе юрисдикционных органов (о «богоугодных грехах» конституционного правосудия) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 1. С. 26–32.
16. Тарусина Н. Н. Семейное законодательство: «50 оттенков неопределенности» // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 50–53.

Discussion aspects of determining the list of means and techniques of legislative technique in the law-making process

O. G. Solovyev¹, Yu. O. Goncharova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-1-76-83

Research article
Full text in Russian

The article examines the means and techniques of legislative technique as the main primary components of the construction of legal norms, the authors explore the controversial aspects of determining the range of key technical and legal instruments. The authors note the negative aspects in the process of using the tools and techniques of legislative technique in the regulation of criminal law prohibitions.

The main technical and legal problems in modern criminal law-making are the unjustified casuistic disposition of normative prescriptions, the bulkiness of criminal law prohibitions. In some cases, the volume (capacity) of individual dispositions exceeds 150 words. Such normative decisions significantly complicate the perception of elements of a crime, complicate the assessment and comparison of the committed act with a specific criminal norm. These circumstances negatively affect the qualification process and do not meet the needs of law enforcement practice.

Certain gaps are observed in the construction of blank dispositions, in a situation where the legislator uses significant prescriptions borrowed from normative acts of other branches of law in the description of encroachments. The paper also notes, that the rules of legislative technique do not relate to basic structural elements, since they are auxiliary (secondary) components of the legislative process and are already associated with the use of tools and techniques in the course of practical normative design, formation of specific legal prescriptions.

Keywords: legislative technique; law-making process; tools; means; techniques; legal constructions; linguistic means; definitions; notes; legal symbols; presumptions; fictions

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Soloviev Oleg G. | E-mail: olegsol1961@yandex.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor

Goncharova Yulia O. | E-mail: julygoncharova97@yandex.ru
Postgraduate student

Дискуссионные аспекты определения перечня средств и приемов законодательной техники в правотворческом процессе

О. Г. Соловьев¹, Ю. О. Гончарова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-1-76-83
УДК 340.1

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются средства и приемы законодательной техники как основные первичные компоненты конструирования правовых норм, исследуются дискуссионные аспекты определения круга ключевых технико-юридических инструментов. Авторы отмечают негативные аспекты в процессе использования средств и приемов законодательной техники при регламентации уголовно-правовых запретов.

Основными технико-юридическими проблемами в современном уголовном правотворчестве является необоснованная казуистификация диспозиций нормативных предписаний, громоздкость уголовно-правовых запретов. В некоторых случаях объем (емкость) отдельных диспозиций превышает 150 слов. Такие нормативные решения значительно затрудняют восприятие признаков состава преступления, усложняют оценку и сопоставление совершенного деяния с конкретной криминальной нормой. Указанные обстоятельства негативно влияют на процесс квалификации и не соответствуют потребностям правоприменительной практики.

Определенные пробелы наблюдаются в конструировании бланкетных диспозиций, в ситуации когда законодатель использует в обрисовке посягательства значительные по объему предписания, заимствованные в нормативных актах иных отраслей права. В работе также отмечается, что правила законодательной техники не относятся к базовым конструктивным элементам, поскольку они являются вспомогательными (вторичными) составляющими законотворческого процесса и связаны уже с применением средств и приемов в ходе практического нормативного конструирования, формирования конкретных юридических предписаний.

Ключевые слова: законодательная техника; правотворческий процесс; инструменты; средства; приемы; юридические конструкции; лингвистические средства; дефиниции; примечания; правовые символы; презумпции; фикции

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Соловьев Олег Геннадиевич | E-mail: olegsol1961@yandex.ru
Кандидат юридических наук, доцент

Гончарова Юлия Олеговна | E-mail: julygoncharova97@yandex.ru
Аспирант

© Соловьев О. Г., Гончарова Ю. О., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

В последние годы внимание научной общественности и представителей правоприменительной практики к проблемам законодательной техники в уголовном праве по непонятным причинам резко снизилось. По сути, в настоящее время специальными вопросами использования технико-юридических средств в конструировании норм уголовного закона занимаются в основном представители ярославской и нижегородской правовых школ. Причинами подобного положения вещей, на наш взгляд, являются отсутствие внимания к полученным научным результатам со стороны представителей законодательной власти, незначительный учет рекомендаций теории законодательной техники в правотворческом процессе, сосредоточение внимания правоприменительной практики на проблемах квалификации криминальной деятельности, оценки и анализа действующего закона, а не на вопросах его нормативного исправления, позитивной реконструкции. В результате наблюдается очевидная тенденция ухудшения качества уголовного законодательства как в части нормативных новелл, так и в части реконструкции ранее действующего законодательства. Это прежде всего выражается в нарушении системности закона, его усложнении, необоснованной казуистификации, росте противоречий с бланкетным законодательством. Учитывая изложенное, считаем актуальным и полезным обращение в данной статье к исследованию технико-юридического инструментария законодательного конструирования.

В теории права принято считать, что основные компоненты (приемы и средства) законодательной техники представляют собой нематериальные инструменты, используемые при создании закона. Проблемой выявления и определения круга таких элементов занимались различные ученые-правоведы, к примеру, В. К. Бабаев, Е. В. Ильюк, С. С. Алексеев, Л. Л. Кругликов, А. В. Иванчин, Ю. А. Тихомиров и др. Попытаемся определить необходимые структурные элементы законодательной техники, которые образуют ее функциональное содержание. Очевидно, что указанный процесс затрудняют многогранность и противоречивость исследуемого нами феномена – законодательной (юридической) техники.

Большинство специалистов причисляют к основным инструментам конструирования правовой нормы технико-юридические приемы и средства; при этом средства являются субстанциональным стержнем законодательной техники и поэтому первичны по отношению к приемам (методам, способам) [1, с. 36]. В свою очередь, правила, по описанию правоведов, «характеризуют использование технических средств и приемов, относящихся в основном к внешней форме» [2, с. 121]. Отсюда следует, что более точную и аргументированную позицию занимают специалисты, которые формулируют понятие законодательной техники как сопряжение технико-юридических компонентов (приемов и средств) в целях создания и формирования соответствующего нормативного материала, адекватно отражающего волю законодателя [2, с. 120; 3, с. 101].

Действительно, указанное определение содержательно, экономно и вычленяет базовые стратегические составляющие исследуемого понятия. Именно указанный инструментарий законодательной техники будет нами рассмотрен далее.

Тем не менее, как уже говорилось, четкого определения круга и юридического содержания инструментов законодательной техники в доктрине не наблюдается. Постараемся кратко обрисовать нашу позицию по этому вопросу, поскольку содержательные характеристики технико-юридических инструментов целесообразнее подробно рассматривать в процессе анализа конкретных уголовно-правовых запретов либо группы таких запретов.

Остановимся на перечне и техническом значении приемов законодательной техники. Так, А. В. Иванчин определяет приемы как «способы построения нормативных предписаний, в том числе соединенные с использованием определенного средства» [4, с. 25]. К последним ученый причисляет: дефиниции (определения, термины), непосредственно-определенный и ссылочный приемы, прием примечания. Как видно, автор относит построение бланкетных диспозиций нормы по способу изложения к ссылочному приему. Мы считаем, что это несколько смешивает основания содержательного разграничения приемов конструирования нормы. Достаточно часто мы можем наблюдать, что в доктринальных исследованиях смешиваются такие технические компоненты, как приемы и средства. Причин подобного явления множество. Так, А. Нашиц причисляет к технико-юридическим приемам (называя их приемами правовой типизации) определения, классификации, юридические конструкции, презумпции, фикции [5, с. 193]. Мы не склонны поддерживать такую позицию, поскольку, к примеру, юридические конструкции не относятся к абстрактным механизмам правотворчества, а являются конкретной нематериальной формой, которую наполняют лингвистическим нормативным содержанием.

Иные правоведа определяют две категории (группы) исследуемых технических инструментов: 1) по способу изложения – бланкетный, ссылочный, прямой; 2) по степени обобщения конкретных показателей – абстрактный и казуистический (в отдельных случаях – смешанный) [6, с. 121; 7, с. 297]. Полагаем, что указанную точку зрения надо рассматривать в совокупности и в этом случае возможно выработать комплексный вариант определения и вычленения приемов законодательной техники из общей группы технических компонентов. Так, к приемам законодательной техники необходимо отнести: 1) абстрактный и казуистический (по степени обобщения конкретных показателей нормы); 2) непосредственно-определенный (прямой), ссылочный и бланкетный (по способу изложения); 3) прием – примечание; 4) прием – дефиниция [7, с. 299].

Далее рассмотрим перечень средств законодательной техники и краткое их содержание. В доктрине уголовного права справедливо указывается, что «под средствами правовой техники должны пониматься не явления

или методы (способы), а *sui generis* нематериальные инструменты законодателя [8, с. 64]. Необходимо отметить, что в современной правовой доктрине также не существует единой позиции в отношении перечня указанных средств. Как и в ситуации с приемами, ученые и практические специалисты порой смешивают средства с иными инструментами законодательной техники, о чем мы говорили выше.

В иных ситуациях привносят в число средств инструменты, по сути не относящиеся к содержательным техническим элементам, способным непосредственно участвовать в содержательном оформлении нормативного материала. В качестве примера можно привести такой вариант: а) средства юридического выражения воли законодателя, к которым следует относить нормативные построения; б) средства словесно-документального выражения текста: реквизиты, структурные построения, юридическую терминологию. Кроме этого, к ним автор причисляет аксиомы, символы, юридические конструкции, презумпции, фикции [9, с. 120]. Полагаем, что нормативное построение, по сути, и является юридической конструкцией. Реквизиты же вообще не относятся к содержательным элементам нормативной техники. Скорее, являются оформительско-процедурным элементом нормативного правового акта и никак не влияют на реализацию правовых механизмов, закрепленных в данном акте.

В свою очередь, по мнению С. С. Алексеева, к средствам законодательной техники относятся: а) средства изложения воли законодателя – нормативное предписание, юридическая конструкция, отраслевая типизация, юридическая терминология; б) средства документального выражения – документы или реквизиты, внутреннее строение, а также законодательная стилистика [6, с. 268]. Полагаем, что некоторые из указанных элементов сложно отнести к средствам построения закона (в том числе и уголовного), поскольку они не имеют функционального стратегического значения, а являются вторичными (факультативными) инструментами изложения и закрепления воли законодателя.

Учитывая изложенное, справедливым считаем мнение, что применительно к современному уровню общей теории российского права имеются основания оперировать в науке уголовного права следующими понятиями: а) юридическая конструкция, б) юридическая терминология (язык закона), в) презумпция и аксиома, г) фикция, д) правовой символ.

Повторимся, что в данный перечень мы включаем исключительно базовые, ключевые нормативные технические компоненты, без которых невозможно осуществление законотворческого процесса применительно к любой отрасли права. При этом вряд ли возможно считать указанный выше перечень конечным, отражающим исключительный набор технико-юридических правотворческих инструментов. Позиция о дальнейшем развитии инструментария юридической техники, расширении и обновлении перечня ее основных и факультативных элементов активно поддерживается многи-

ми учеными и практическими работниками. Так, Л. Л. Кругликов верно замечает, что «по мере развития теории будут вычленены и иные средства – как уже фактически используемые законодателем, так и могущие быть использованными для нормативного закрепления, юридического выражения воли законодателя» [10, с. 61].

Если же говорить о правилах законодательной техники, наша позиция, напомним, заключается в том, что последние сопряжены исключительно с внешней оболочкой (формой) правовой материи и связаны с применением перечисленных выше средств и приемов уже в процессе реального нормативного конструирования. Например, использование правил правовой лингвистики при использовании языковых средств: предложений, терминов и т. д. В юридической литературе справедливо указывается, что правила являются вторичными (производными, факультативными) компонентами законодательной техники по отношению к основным средствам и приемам [11, с. 89]. Их вторичность (факультативность) определяется вспомогательным назначением, необходимостью регулировать использование средств и приемов. По этой причине мы также не считаем правила законодательной техники самостоятельным инструментом. Именно сложившийся набор технико-юридических приемов и средств диктует формирование правил, делает их зависимыми от основных нормотворческих инструментов. Так, можно выделить правила синтаксиса, морфологии, экономики нормативного материала, общелингвистические, стилистические, логические и другие правила. Общелингвистические правила, которые наиболее часто нарушаются в процессе технико-юридического конструирования, непосредственно связаны с разработкой основных предписаний, требования и положений требований, связанных с использованием языковых инструментов в процессе изложения нормативного материала, в том числе правовой (законодательной, интерпретационной, правоприменительной) терминологии. К таковым можно отнести технико-юридические условия по ясности языка, конкретности, отраслевой принадлежности, краткости (лаконичности), точности.

Следовательно, нет необходимости определять технико-юридические правила как ключевые (основные) инструменты законодательной техники. На наш взгляд, они являются вспомогательным компонентом, своеобразным вектором (направлением), который предлагает законодателю способы эффективного и адекватного применения в законотворческом процессе необходимых средств и приемов. Действительно, учитывая то, что ранее обосновывалась позиция о вспомогательном (вторичном) значении технико-юридических правил по отношению к базовым, упомянутым выше инструментам (средствам и приемам), встает вопрос, стоит ли рассматривать правила как обязательный элемент законодательной техники и закреплять это понятие в определении законодательной техники. Представляется, что такое решение будет неоправданным и излишним. Стоит заметить,

что указанное обстоятельство повлияло на то, что технико-юридические правила не стали предметом самостоятельного исследования в доктрине уголовного права по проблемам техники регламентации преступных посягательств и иных уголовно-правовых предписаний. В большинстве случаев правила факультативно исследуются учеными-правоведами при анализе ключевых элементов законодательной техники.

Основным и необходимым средством законодательной техники следует считать язык уголовного закона. То, в какой форме будет изложено содержание нормы, зависит от особенностей стиля, который присущ правовым актам. Из официально-делового стиля вытекает особая терминология и, соответственно, то, какие в норме будут использованы синтаксические, терминологические и лексические средства. В правотворческой практике выделяют несколько общих требований к лингвистике правового акта: логичность, профессиональность, нейтральность, точность, лаконичность и т. д.

Для того чтобы текст нормы было легче воспринимать, а это иногда особенно трудно из-за обширности той или иной нормы, законодателю следует придерживаться требований лаконичности и компактности, т. е. необходимо экономно в разумных пределах использовать языковой материал при создании нормы. Данные требования логично вытекают из требований точности и простоты изложения правовых предписаний. На наш взгляд, избранная норма соответствует данным требованиям, диспозиция сформулирована кратко и доступно.

Особое место в ряду средств законодательной техники занимают юридические конструкции. Поскольку, на наш взгляд, выбор соответствующей конструкции и является началом содержательного этапа создания нормативного предписания, ошибки на этом этапе создания правовых предписаний могут привести к очевидным пробелам и противоречиям в создаваемом законе. Стремясь облегчить и упростить конструирование правовых норм, законодатель использует прежде всего указанный технический инструмент, так как это придает юридической регламентации общественных отношений стройность, лаконичность, определенность, строгость и четкость.

В данном случае особое внимание хотелось бы уделить формулированию диспозиций норм. От полноты и качества изложения диспозиции во многом зависит то, как эта норма будет работать на практике.

Характеризуя такие средства, как презумпции, фикции и аксиомы, следует отметить, что они имеют общее конструктивное начало: отражают уже установленные знания и потому могут использоваться в качестве отправной точки для создания новых, толкования уже существующих норм [11, с. 125]. По большей части перечисленные компоненты используются в предписаниях Общей части уголовного кодекса и, следует заметить, практически оставлены без внимания отечественной уголовно-правовой доктриной. Единственным прорывом в этой части является диссертационное

исследование представителя ярославской юридической школы Ю. Г. Зуева, подготовленное 20 лет назад и посвященное анализу презумпций в уголовном праве [12].

Еще одним не менее важным средством законодательной техники выступает символ. По общему мнению, правовые символы представляют собой закрепленные законодательством условные образы, используемые для выражения определенного содержания. В уголовном праве символы играют существенное значение в вопросах сокращения нормативного материала, играя, по сути, роль бланкетного признака, акцентируют внимание правоприменителя на объекте и предмете преступного посягательства. В отдельных случаях символы имеют дифференцирующее содержание.

Ссылки

1. Кругликов Л. Л., Соловьев О. Г. Преступления в сфере экономической деятельности и налогообложения: вопросы конструирования составов и дифференциации ответственности). Ярославль: ЯрГУ, 2003. 224 с.
2. Алексеев С. С. Государство и право: учебное пособие. М.: Проспект, 2015. 152 с.
3. Законодательная техника: научно-практическое пособие / Л. Ф. Апт, Н. А. Власенко, В. Б. Исаков [и др.]; под ред. Ю. А. Тихомирова. М.: Городец, 2000. 272 с.
4. Иванчин А. В. Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. 24 с.
5. Нашиц А. Правотворчество: Теория и законодательная техника / пер. с румынского И. Фодор; под ред. Д. А. Керимова, А. В. Мицкевича. М.: Прогресс, 1974. 256 с.
6. Алексеев С. С. Теория государства и права. М.: Норма, 2004. 283 с.
7. Панько К. К. Правила и приемы российского уголовного законодательства // *Lex russica*. 2014. № 3. С. 294–304.
8. Иванчин А. В. Факторы, учитываемые в процессе конструирования состава преступления // *Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки*. 2015. № 2 (32). С. 61–65.
9. Бабаев В. К. Теория государства и права: учебник / под ред. В. К. Бабаева. М.: Юристъ, 2003. 592 с.
10. Кругликов Л. Л. Квалифицирующие признаки как средство дифференциации уголовной ответственности: современное состояние // *Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки*. 2007. № 4. С. 56–64.
11. Иванчин А. В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2015. 462 с.
12. Зуев Ю. Г. Презумпции в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2000. 201 с.

Administrative issues of prohibitions on online information dissemination

S. V. Simonova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-1-84-91

Research article
Full text in Russian

The article deals with the limits and the implementation features of the prohibitions imposed on modern information dissemination process. The author provides the analysis of existed law-enforcement approaches to the definition of prohibited information and its distinction from related terms. In conclusion the suggestions on improving administrative legal proceedings on blocking information are given.

Keywords: information; websites; information restrictions; the website's owners

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Simonova Snezhana V. | E-mail: snezh-simonova@yandex.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence) Senior lecturer

Funding: RFBR and EISR, project No 20-011-31346

Административно-процессуальные аспекты реализации запретов распространения информации в сети «Интернет»

С. В. Симонова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-1-84-91
УДК 342.7

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье исследуются содержание и особенности реализации запретов распространения информации в сети «Интернет». Автор анализирует сложившиеся в современной правоприменительной практике подходы к определению понятия запрещенной информации и к ее отграничению от смежных явлений. В заключение формулируются предложения по совершенствованию отдельных аспектов административного судопроизводства по делам о признании информации в сети «Интернет» запрещенной к распространению.

Ключевые слова: информация; сайты; ограничение доступа к информации; владельцы сайтов

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Симонова Снежана Владимировна | E-mail: snezh-simonova@yandex.ru
Кандидат юридических наук, старший преподаватель

Финансирование: РФФИ и ЭИСИ, проект № 20-011-31346

Обеспечение права граждан на информационную безопасность обеспечивается отечественными стратегическими документами в качестве одного из важных приоритетов российской государственной политики¹. Провозглашение данного приоритета подкрепляется совокупностью

¹ См., например: Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20., Ст. 2901.

© Симонова С. В., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

юридических запретов, при помощи которых в федеральном законодательстве формулируется перечень информации, недопустимой к распространению. Несмотря на довольно подробное нормативное описание информационных угроз в киберпространстве, единый подход к оценке оснований ограничения распространения информации в современной правоприменительной практике отсутствует.

Прежде всего в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – ФЗ № 149) разграничиваются понятия *запрещенной к распространению информации* и *информации, распространение которой ограничено*. В частности, *запрещенная информация* определяется как информация, за распространение которой предусмотрена уголовная или административная ответственность (ч. 6 ст. 10). При этом все интернет-ресурсы, которые содержат запрещенную к распространению информацию, подлежат включению в единый реестр (ст. 15.1).

С другой стороны, в ФЗ № 149 предусмотрены особые процедуры ограничения доступа к информации, распространяемой с теми или иными «нарушениями» отдельных законодательных актов. С учетом того, что механизм данного ограничения не связан с использованием обозначенного выше реестра, можно предположить, что под нарушающей закон информацией понимается не что иное, как *информация, ограниченная к распространению*.

Однако, несмотря на все обозначенное выше, содержательное разграничение запрещенной информации и информации, ограниченной к распространению, в ФЗ № 149 проведено несколько искусственно.

Во-первых, распространение информации с нарушением закона (ст. 15.3, 15.5 ФЗ № 149 и пр.) образует составы преступлений или административных правонарушений так же, как и распространение информации, определяемой ФЗ № 149 в качестве запрещенной к распространению. К примеру, обработка персональных данных с нарушением нормативных требований является основанием привлечения оператора к административной ответственности. В то же время распространение данной информации не служит основанием включения интернет-ресурса в единый реестр, а, значит, анализируемый тип информации не относится к категории запрещенной.

Во-вторых, как к запрещенной информации, так и к информации, ограниченной к распространению, применяются имеющие общее наименование, но различные организационные нюансы *процедуры ограничения доступа*. Указанное ограничение доступа преследует единые цели, которые не дифференцируются в зависимости от типа информации – цели за-

щиты основ конституционного строя, прав и законных интересов других лиц и пр.

Отмеченная размытость формулирования в ФЗ № 149 общих подходов к определению правового режима запрещенной и ограниченной к распространению информации закономерно оборачивается рядом сложно разрешимых проблем правоприменительной практики. Новый виток актуальности данных проблем пришелся на 2019 год в связи со вступлением в силу изменений в Кодекс административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ), который был дополнен главой 27.1, регулирующей порядок осуществления административного судопроизводства по делам о признании информации в сети «Интернет» запрещенной к распространению.

1. Прежде всего, в российской правоприменительной практике на протяжении довольно длительного времени доминирует широкий и значительно «опережающий» положения ФЗ № 149 подход к определению понятия запрещенной информации. Фактически в качестве таковой правоприменитель во многих случаях рассматривает не только *информацию, за действия по распространению которой следуют меры уголовной или административной ответственности*, но и *информацию о действиях, квалифицируемых в качестве преступлений или административных правонарушений* [1].

Например, распространение определенных сведений может рассматриваться с точки зрения *пособничества как формы соучастия в преступлении* (пособничество в террористической деятельности и пр.)² либо *фактора, побуждающего неопределенный круг лиц к совершению преступлений* (например, к приобретению и использованию документа об образовании за плату без прохождения обучения и итоговой аттестации)³. Следуя данной логике, основанием запрета распространения информации можно считать оценку содержания публикаций в сети «Интернет» через призму умышленного создания условий для совершения преступлений, направленности на совершение последних. В отдельных случаях запрет на публикацию информации выводится из положений гражданского законодательства, запрещающего *злоупотребление правом*. В качестве злоупотребления, направленного на причинение вреда потребителям информационных услуг, в практике рассматривается распространение информации о выдаче медицинских справок без прохождения *освидетельствования*⁴.

---

² См.: Определение Верховного Суда РФ от 26.02.2013 № 6-КГПР-13-1 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Апелляционное определение Омского областного суда от 11.09.2013 по делу № 33-5962/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Апелляционное определение Московского городского суда от 04.07.2016 по делу № 33-25473/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

Интересно, что на уровне ведомственных разъяснений имеется противоположная практика. Например, в 2017 году Минкомсвязи России подчеркнуло предположительный характер утверждения о том, что размещение информации о продаже контрафактной продукции на сайтах в свободном доступе является приготовлением к преступлениям и подстрекает граждан к их совершению⁵.

Как видится, подобные интерпретации являются ярким примером расширительного толкования положений закона и фактически направлены на установление новых правил поведения. Выводы судов о запрете распространения информации как о достаточном основании ограничения доступа к информационному ресурсу делаются на основе многоэтапной интерпретации законодательных положений, устанавливающих общие запреты либо допустимые цели ограничения прав. С этих позиций запрещенная к распространению информация, по мнению органов прокуратуры и судов, *представляет опасность для жизни и здоровья людей, достоинства и неприкосновенности личности, нарушает права и законные интересы неопределенного круга лиц, противоречит целям и задачам законодательства, подрывает основы конституционного строя или социальную стабильность в обществе, нарушает законодательные запреты*⁶.

Предложенный подход стирает границы между понятиями запрещенной информации и информации ограниченного распространения. Как следствие, вывод о том, что распространяемая в цифровой среде информация сопряжена с вероятными угрозами в отношении охраняемых законом ценностей, уже может являться достаточным основанием для ограничения доступа к интернет-ресурсу. Кроме того, при применении к оценке информации *теста на создание условий для совершения преступлений* не становится понятнее, идет ли речь о приготовлении к преступлению или о покушении на его совершение.

Сама же по себе возможность определения действий по распространению информации в сети «Интернет» с позиции неоконченного преступления видится крайне спорной. В соответствии с Уголовным кодексом РФ уголовная ответственность наступает лишь за приготовление к тяжкому и особо тяжкому преступлению. В то же время большая часть составов преступлений против порядка управления (например, предусмотренных ст. 324, 327 УК РФ и пр.) является преступлениями небольшой или сред-

---

⁵ См.: Письмо Минкомсвязи от 22.06.2017 № П17-1-200-14741 // СПС «Консультант-Плюс».

⁶ Представленная автором интерпретация объема понятия запрещенной к распространению информации основывается на анализе проанализированных выше судебных решений.

ней тяжести. Соответственно, уголовная ответственность лица, которое, к примеру, распространяет в сети «Интернет» информацию о продаже документов, подтверждающих предоставление специального права на управление транспортным средством, как за приготовление к сбыту исключается. Едва ли корректно при данных условиях определять информацию о продаже подобного документа как информацию, за распространение которой предусмотрена уголовная ответственность.

Как представляется, решение задачи ограничения распространения в сети «Интернет» информации, размещаемой в целях создания условий для последующего совершения преступлений, возможно и в рамках существующих механизмов. Так, положениями Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» запрещается распространение рекламных сообщений, побуждающих к совершению противоправных деяний. За нарушение законодательства о рекламе предусмотрены меры административной ответственности, в связи с чем указанная реклама может быть определена через призму запрещенных к распространению сведений. В силу этого необходимость в каких-либо сложных и двусмысленных конструкциях отпадает.

Кроме того, надо иметь в виду, что признание информации в качестве запрещенной к распространению может влечь за собой ограничение доступа к интернет-ресурсу. При принятии такого решения следует исходить из соображений недопустимости произвольного ограничения доступа к информации и принимать во внимание контекст публикации записи и возможные последствия блокировки⁷ с тем, чтобы информация признавалась запрещенной в целях решения узкой задачи удаления определенных сведений из сети «Интернет».

2. Неоднозначен и ряд процессуальных вопросов административного судопроизводства по делам о признании информации в сети «Интернет» запрещенной к распространению.

Во-первых, в пояснении нуждаются положения ч. 4 ст. 265.2 КАС РФ, определяющие *необходимость соблюдения административным истцом предусмотренного законом досудебного порядка признания информации в сети «Интернет» информацией, распространение которой запрещено*. В ФЗ № 149 понятие такого досудебного порядка не определено: в ч. 5 ст. 15.1 данного акта решение суда определяется в качестве одного из альтернативных оснований для включения сведений в Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых

---

⁷ Опираясь на указанные соображения, Верховный суд РФ при рассмотрении одного из дел признал содержание комментариев к одной из интернет-записей недостаточным основанием для признания информации запрещенной. Более подробно см.: Кассационное определение Верховного Суда РФ от 19.10.2018 № 4-КГ18-57 // СПС «КонсультантПлюс».

адресов. Какое-либо упоминание о необходимости обязательного, предвещающего судебные процедуры обращения в федеральный орган исполнительной власти в Законе об информации отсутствует.

Между тем в юридической литературе сформулировано весьма обоснованное предложение о введении обязательного досудебного порядка признания информации, размещенной в сети «Интернет», запрещенной к распространению [2, с. 40–44]. По мнению ряда ученых, активное применение административного порядка при последующем судебном контроле будет способствовать предупреждению случаев необоснованного ограничения доступа к интернет-ресурсам [3, с. 48–52].

Во-вторых, не вполне однозначен круг ответчиков, к которым может быть предъявлено требование о признании информации в качестве запрещенной к распространению в порядке главы 27.1 КАС РФ.

В соответствии с одним из разъяснений Верховного суда РФ, в качестве ответчика по административным делам о признании запрещенной информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей, привлекается Роскомнадзор⁸. С учетом того, что именно Роскомнадзор занимается исполнением судебных решений об ограничении доступа к интернет-ресурсам, отмеченная позиция видится весьма обоснованной.

С другой стороны, в правоприменительной практике сложился подход, в соответствии с которым надлежащими ответчиками по анализируемой категории дел признаются владельцы сайтов в сети «Интернет», где размещена информация, в отношении которой ставится вопрос о запрете, либо административные ответчики не устанавливаются.

Как видится, признание ответчиками по соответствующей категории дел владельцев сайтов противоречит правилу, закрепленному в ч. 5 ст. 38 КАС РФ. В соответствии с ним допускается возможность привлечения в качестве административных ответчиков граждан, их объединений и организаций, не обладающих государственными или иными публичными полномочиями, *лишь в случаях, установленных КАС РФ*. Такие случаи в главе 27.1 КАС РФ, как известно, не определены.

С другой стороны, в случае если владельцы сайта не будут привлекаться к участию в рассмотрении судами требований об ограничении доступа к интернет-ресурсам, существует риск того, что они узнают о заявленном требовании лишь в момент блокировки сайта. Тем самым будет нарушаться их право на защиту. В целях предупреждения подобной практики в КАС РФ целесообразно предусмотреть правило об обязанно-

---

⁸ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2018), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.03.2018; Бюллетень судебной практики по административным делам Свердловского областного суда (первый квартал 2018 г., утв. Постановлением Президиума Свердловского областного суда от 16.05.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

сти суда привлекать к участию в деле владельцев тех интернет-ресурсов, на которых размещена предположительно запрещенная информация.

Кроме того, в КАС РФ важно разъяснить возможность процессуального соучастия на стороне административных ответчиков при рассмотрении анализируемой категории дел, а также перечень тех действий, которые должен предпринять суд в целях поиска всех заинтересованных лиц на этапе подготовки дела к судебному разбирательству. Реализация данных рекомендаций создаст условия для внесудебного удаления запрещенного контента.

Таким образом, анализ материалов правотворческой и правоприменительной практики обнаруживает потребность в уточнении понятия информации, запрещенной к распространению в Российской Федерации. На законодательном уровне следует отказаться от не имеющего объективного и разумного основания разграничения категорий запрещенной информации и информации, ограниченной к распространению. С другой стороны, в правоприменительной практике должна исключаться тенденция расширительного толкования понятия запрещенной информации как сведений о действиях, за совершение которых предусмотрена уголовная или административная ответственность. В пояснении на уровне КАС РФ нуждаются положения о содержании досудебного порядка признания информации в качестве запрещенной к распространению (ч. 4 ст. 265.2), о круге ответчиков по требованиям о признании информации запрещенной, а также возможности процессуального соучастия.

Ссылки

1. Али М. З. Ограничение доступа к информационным ресурсам в сети Интернет (практические проблемы признания информации запрещенной к распространению) // Право в сфере Интернета: сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2018. СПС «КонсультантПлюс».

2. Бывальцева С. Г., Макарова Н. Г. Анализ законопроекта о внесении изменений в КАС РФ, касающихся порядка рассмотрения заявлений прокурора о признании запрещенной информации, распространяемой посредством сети Интернет // Административное право и процесс. 2019. № 4. С. 40–44.

3. Опалев Р. О. Проблемы ограничения доступа к информации в сети Интернет // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 9. С. 48–52.

Research of personal characteristics of unemployed persons with addictive behavior

A. V. Karpov¹, M. A. Khors¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-1-92-99

Research article
Full text in Russian

The article examines the personal characteristics of unemployed men and women with addictive behavior. In order to determine the personal characteristics of unemployed addicts, the California Psychological Questionnaire CPI was used. The personal characteristics of unemployed addicts are empirically revealed. The differences between unemployed men and women with addicts, as well as the dynamics of the personal characteristics of unemployed people with addictive behavior, due to the age factor, are statistically proved. With age, unemployed people with dependent behavior decrease self-regulation, attention to others, organization, ability to take responsibility for themselves, independence, a tendency to think, insight, and increased rigidity and conservatism.

Keywords: unemployed persons; addictive behavior; personality traits

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Karpov Anatolij V. | E-mail: anvikar56@yandex.ru
ORCID 0000-0003-4547-2848
Doc. Sc. (Psychology), Professor

Khors Mikhail A. | E-mail: mkhors@mail.ru
Cand. Sc. degree seeking applicant

Исследование личностных особенностей безработных лиц с аддиктивным поведением

А. В. Карпов¹, М. А. Хорс¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-1-92-99
УДК 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются личностные особенности безработных мужчин и женщин с аддиктивным поведением. С целью определения личностных особенностей безработных аддиктов использовался Калифорнийский психологический опросник СРІ. Эмпирически выявлены личностные особенности безработных аддиктов. Статистически доказаны различия безработных мужчин и женщин – аддиктов, а также динамика личностных характеристик безработных с аддиктивным поведением, обусловленная фактором возраста. С возрастом у безработных с зависимым поведением снижаются саморегуляция, внимание к другим, организованность, способность принимать ответственность на себя, независимость, склонность к размышлениям, проницательность и повышаются ригидность и консервативность.

Ключевые слова: безработные; аддиктивное поведение; качества личности

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карпов Анатолий Викторович | E-mail: anvikar56@yandex.ru
ORCID 0000-0003-4547-2848
Доктор психологических наук, профессор

Хорс Михаил Анатольевич | E-mail: mkhors@mail.ru
Соискатель

Социально-психологический портрет безработного человека включает в себя множество характеристик. В особую группу можно выделить тех безработных, которые проявляют аддиктивное поведение. В современных исследованиях отдельно рассматривают психологические особенности безработных и особенности поведения и личностные

характеристики лиц, находящихся в поиске работы. Внимание уделяется психологическим, социальным, организационным аспектам профилактики безработицы (Е. В. Борисова, А. Ф. Мещеряков, В. М. Ялтонский, Н. А. Сирота, В. Д. Менделевич и др.).

Однако остаются вне внимания исследователей личностные детерминанты аддиктивного поведения безработных лиц. Актуальность проблемы взаимосвязи формирования аддикций и личностных особенностей бесспорна: она связана с проблемой социальной адаптации, психологической устойчивости и безопасности, жизнестойкости, стрессоустойчивости, развития личностного потенциала. Кроме того, наблюдается противоречие: с одной стороны, отмечается значимость в сознании людей сохранения психического здоровья, здорового образа жизни, с другой – представления и знания личности о собственных качествах, затрудняющих личностное развитие, недостаточны для адаптивной психической активности.

С целью определения личностных особенностей безработных аддиктов нами был использован Калифорнийский психологический опросник CPI. Данные подверглись количественному анализу с применением пакета программ («Statistica 20. 0», «MicrosoftExcel»). Оценка статистических различий между группами определялась с помощью непараметрического U-критерия Манна–Уитни. В исследовании приняли участие 330 человек из Москвы и Московской области в возрасте от 22 до 50 лет.

Проведенный анализ качеств личности безработных лиц с аддиктивным поведением выявил следующее. В наибольшей степени проявляются особенности самовосприятия. Безработный человек с аддиктивным поведением не может определить уникальные черты, которые бы отличали его от других людей (шкала «Обычность» (Сm). Испытуемые не признают в себе личность, которая обладает какими-либо талантами или способностями. При описании собственной деятельности они не могут точно определить свои интересы, отмечают общую жизненную неустроенность, разделяют жизнь реальную и образ себя как активную личность, демонстрируют неуверенность в себе.

Для безработных с аддиктивным поведением характерны низкий уровень рефлексии или ее отсутствие, нечеткость смысложизненных ориентаций. Учитывая мнение исследователей о том, что рефлексивные способности являются базовым конструктом регулятивных характеристик личности [1–2], можно утверждать, что самоконтроль действий и поведения безработного с аддиктивным поведением снижен из-за позитивного самооценивания, использования собственного образа как са-

моподкрепления, а представление себя «обычным» снижает целенаправленность личности, его мотивацию к достижению успеха.

Другой доминирующей характеристикой является проявление черт личности, выраженных по шкале «Социальное присутствие» (Sp): выделяются демонстративность, стремление к власти и манипуляциям во взаимодействии с другими, низкая коммуникативность, спонтанность действий и поступков. Можно предположить, что безработный аддикт воспринимает окружающую действительность как угрожающую, что приводит к возникновению стремления к власти как реакции на неизвестность ситуации, желание защититься от воспринимаемых угроз внешнего мира. В сущности, стремление к власти у безработных с аддиктивным поведением является особой формой приспособления к миру, к выживанию в нем, выступает своего рода компенсацией фрустрации, в некоторых случаях – чувства ущербности и личностной несостоятельности.

Третьим по уровню проявления являются качества, выраженные по шкале «Общительность» (Sy). В связи с тем, что высокие показатели по данной шкале свидетельствуют об ориентации личности на общение, они более чувствительны к социально депривационным явлениям, которые, как правило, характерны для безработных. Среди причин депривации как особого психического состояния личности исследователи выделяют следующие: несоответствие между социально желаемой реакцией и подкрепляющим ее стимулом, неудовлетворенность социальных потребностей (в эмоциональных контактах, принятии со стороны других, сочувствии, сопереживании), неопределенность ценностей и мотивов личности [3]. Очевидно, что противоречия между стремлением к общению, пониманию и недостаточно полным взаимодействием с другими становится барьером для преодоления аддикций у безработного, формирования уверенности в себе, переживания ценности собственной личности. Лица, чьи потребности в качественном взаимодействии, уважении со стороны других находятся в противоречии с возможностями среды их удовлетворить, склонны психологически защищаться с помощью ухода в воображаемый мир, фантазии, разных форм аддиктивного поведения.

Четвертым по уровню проявления качеством выявлена эмпатическая способность – шкала «Эмпатия» (Em). Это означает, что безработные с аддиктивным поведением обладают способностями в понимании установок, мыслей, чувств других людей, являются восприимчивыми к различным проявлениям социально-коммуникативного взаимодействия. На наш взгляд, эмпатичность может стать тем личностным ресурсом,

который позволяет безработному преодолевать негативные проявления аддиктивного поведения (агрессию, сниженную коммуникацию и др.). С другой стороны, люди с высоко развитой эмпатией в большей степени, чем другие, способны чувствовать угрозы внешней ситуации, агрессивную атмосферу.

Эмпирические данные показывают, что безработные аддикты проявляют импульсивность, склонны к поверхностным суждениям, к неустойчивости в аффективных проявлениях, к повышенной динамике эмоций, эгоцентричны, стремятся к сиюминутному удовлетворению потребностей. В отношениях с другими людьми нестабильны, проявляют склонность к быстрой смене партнеров по общению. У них выявлена ригидность, склонность к рискованному поведению, упрямству. В работах отечественных авторов склонность к риску зачастую связывают с положительным отношением к себе, с принятием себя и уверенностью в себе, с доверием к окружающему миру [4]. Однако надо отметить, что качество склонности к риску не всегда является осмысленной и контролируемой деятельностью. Можно предположить, что у безработных с аддиктивным поведением данное качество в наибольшей степени отражает повышенную склонность человека к поиску ощущений, возбуждения, приключений.

Что касается высокого показателя по качеству «ригидность», то можно утверждать, что наблюдения в диагностической беседе также выявили низкий уровень способности переключаться с одного объекта на другой, переходить от одного способа действия к другому. Ригидность безработного аддикта проявляется в низко развитой способности человека изменять представления о себе и других, что не позволяет ему успешно адаптироваться в изменяющихся условиях жизнедеятельности. То, что ригидность является значимым фактором социальной дезадаптации, подтверждено рядом исследований [5–7] и еще раз подчеркивает значимость включения в процесс психологического консультирования активизации когнитивных процессов, отвечающих в наибольшей степени за способы реагирования на различные ситуации, сопротивляться негативным проявлениям, связанным с аддикциями.

Согласно данным, полученным по шкале «Толерантность» (То), у испытуемых проявляются следующие качества: низкий уровень развития качеств, способствующих коллективной деятельности (сотрудничество, взаимопонимание, оптимальное решение конфликтных ситуаций и т. п.), а также авторитарность, враждебность, склонность к осуждению других.

Безработные с аддикциями склонны проявлять консервативность, они не уверены в собственных возможностях (шкала «Достижение через независимость» (Ai). Для них характерны недипломатичность, критичность, резкость, как правило, невоспитанность (шкала «Хорошее впечатление» (Gi).

Сравнительный анализ данных мужчин и женщин показал, что безработные женщины-аддикты в меньшей мере, чем мужчины-аддикты обладают познавательной активностью, изобретательностью, организованностью ($U_{эмп}=0$, $p \leq 0.05$). Решение проблем у женщин происходит без планирования действия, спонтанно. Безработные женщины, имеющие зависимости, характеризуются высокой тревожностью и склонностью к депрессии.

По шкале «Толерантность» (To) у женщин в большей степени выражена конфликтность, конфронтация, подозрительность по отношению к другим, недоверчивость, враждебность; в меньшей – стремление к сотрудничеству, работе в команде.

По шкале «Психологический склад ума» (Py) выявлены различия в следующих качествах личности: женщины в большей степени стремятся перекладывать ответственность на других людей по сравнению с мужчинами, в определении сути проблемы более поверхностны, в меньшей степени стремятся понять мотивы других.

Выявлены значимые различия психологических характеристик безработных с аддиктивным поведением разного возраста ($U_{эмп}=0$, $p \leq 0.05$). Так, согласно эмпирическим данным первой группы шкал (Do, Cs, Sy, Sp, Sa, In, Em), безработные до 30 лет отличаются меньшей уверенностью в себе. Данные второй группы шкал (Re, So, Sc, Gi, Cm, Wb, To) показывают низкую личностную зрелость у безработных до 30 лет, склонность к неоправданному риску, низкие прогностические способности относительно своих действий и недостаточный самоконтроль.

Наиболее низкие баллы у безработных до 30 лет по сравнению с другими возрастными группами по третьей группе шкал (Ac, Ai, Ie) свидетельствуют об их склонности при преодолении сложных ситуаций прибегать к психологическим защитам, быть крайне осторожными в различных ситуациях жизнедеятельности.

По четвертому классу шкал (Py, Fx, Fe/m) значимых различий не выявлено. Исследование показало, что все испытуемые имеют слабую заинтересованность в своем изменении, низкий уровень мотивации к интересам других людей, не склонны уделять внимание своему положению в обществе и отношениям к себе других лиц (Py). У всех испытуемых

выявлена высокая ригидность, консервативность, трудности адаптации к переменам (Fх). Они могут проявлять нетерпимость по отношению к другим, находятся в эмоциональной зависимости от собственных действий, проявляют агрессию.

Отличительными характеристиками безработных от 31 до 40 лет являются следующие. Они в меньшей степени, чем лица более старшего возраста, настойчивы, активны, испытывают стремление влиять на других людей (Sp). Показывают более высокий уровень конфликтности, самообвинения, чувства вины по сравнению с лицами других возрастных групп (Sa). Выявлены значимые различия по шкалам «Ответственность» (Re) и «Интеллектуальная эффективность» (Ie), которые свидетельствуют, что у безработных с аддикциями в этом возрасте в большей степени по сравнению с более старшими лицами проявляются импульсивность, неорганизованность, недисциплинированность, эгоцентричность. При этом они не берут на себя ответственность, что свидетельствует о высоком уровне экстернального локуса контроля. Они не доверяют своим интеллектуальным способностям, у них в большей степени развито репродуктивное мышление, чем творческое, они практичны в подходах к решению проблем.

Отличительными характеристиками безработных с аддиктивным поведением от 41 до 50 лет являются ярко выраженные черты, соответствующие шкалам «Социальное присутствие» (Sp), «Самопрятие» (Sa), «Обычность» (Sm). Это означает, что они в большей степени по сравнению с другими безработными аддиктами стремятся к признанию, демонстративности, самоутверждению. В большей степени по сравнению с другими способны регулировать свои эмоции и поведение, брать ответственность за собственные действия.

Выявлена динамика личностных характеристик безработных с аддиктивным поведением, обусловленная фактором возраста по следующим шкалам: «Ответственность» (Re), «Самоконтроль» (Sc), «Достижение через независимость» (Ai), «Интеллектуальная эффективность» (Ie). С увеличением возраста у безработных с зависимым поведением понижается саморегуляция, внимание к другим, организованность, способность принимать ответственность на себя, независимость, склонность к размышлениям, проницательность. При этом с возрастом повышается ригидность и консервативность.

Выводы

1. Анализ теоретических положений по проблеме исследования показывает, что личностные особенности безработных лиц исследуются

с точки зрения возможности их социальной и профессиональной адаптации. Однако недостаточно работ, раскрывающих индивидуально психологические качества безработных с аддиктивным поведением;

2. Эмпирически выявлены личностные особенности безработных аддиктов. Статистически доказаны различия безработных мужчин и женщин – аддиктов, а также динамика личностных характеристик безработных с аддиктивным поведением, обусловленная фактором возраста.

Ссылки

1. Карпов А. В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. М.: ИП РАН, 2004. 428 с.

2. Перевозкина Ю. М., Спиринов А. В., Федоришин М. И. Ценностно-рефлексивные детерминанты саморегуляции курсантов войсковой национальной гвардии Российской Федерации // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. 2020. № 2(52). С. 106–113.

3. Клейберг Ю. А. Социальная неопределенность личности как фактор девиантного поведения // Историко-критические обзоры и современные исследования. 2015. № 4–5. С. 8–17.

4. Тенденции развития современной психологической науки / отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: ИП РАН, 2007. Ч. I. 428 с.

5. Клейберг Ю. А. Девиантология: хрестоматия. СПб: Речь, 2007. 412 с.

6. Овчарова Е. В. Психологические особенности безработных в зависимости от стажа безработицы // Вестник государственного Ярославского университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2012. № 4(22). С. 103–106.

7. Плюснин Ю. М., Пошевнев П. С. Социальная психология безработного. Новосибирск: ЦСН, 1997. 84 с.

Explication functions in the conditions of professionalization of thinking

M. M. Kashapov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-1-100-109

Research article
Full text in Russian

The article substantiates that the explication method in conditions of professionalization of the subject's thinking performs various functions. Explication allows for: *firstly*, the translation of unclear and uncertain intuitive representations (explicands) to the form of strictin categorical, semantic and logical form concepts (explicans); *secondly*, the conceptualization of a certain area of professional knowledge, bringing it into a coherent, effective system; *thirdly*, the detection and accounting of implicit dependencies between various knowable and transformable phenomena; *fourthly*, the implementation of supra-situational thinking that ensures the acquisition of valuable personal and professional neoformations by the subject. Explication (expression, distribution) of the selected professional thinking features of the subject as anbeingexplicatedphenomenonis carried out by differentiating the knowable phenomena: *spiritual* as a manifestation of the power and content of inner life; *social* as a refraction of social requirements in professional activity; *environmental* as the integration and understanding of those environmental conditions that become the means of operational coping with the difficulties encountered; *resource* as the implementation and multiplication of resources, primarily internal as the basis for professional and personal self-development of the subject.

Keywords: explication; professionalization; thinking; activity; resource-based thinking; subject; professional and personal development

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Kashapov Mergalyas M. | E-mail: smk007@bk.ru
| Doc. Sc. (Psychology), Professor

Funding: RFBR, project No 19-013-00102a

Функции экспликации в условиях профессионализации мышления

М. М. Кашапов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-1-100-109
УДК 159.9.072

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье обосновано, что метод экспликации в условиях профессионализации мышления субъекта выполняет различные функции. Экспликация позволяет осуществить: *во-первых*, перевод неясных и неопределённых интуитивных представлений (экспликандов) к виду строгих в категориальном, семантическом и логическом виде понятий (экспликансов); *во-вторых*, концептуализацию определенной области профессионального познания, приведение её в целостную, действенную систему; *в-третьих*, обнаружение и учёт имплицитных (или неявных) зависимостей между различными познаваемыми и преобразуемыми явлениями; *в-четвертых*, реализацию надситуативного мышления, обеспечивающего приобретение субъектом ценных личностных и профессиональных новообразований. Экспликация (выражение, распространение) выделенных признаков профессионального мышления субъекта как эксплицируемого явления осуществляется посредством дифференцирования познаваемых явлений: *духовных* как проявление силы и содержательности внутренней жизни; *социальных* как преломление в профессиональной деятельности общественных требований; *средовых* как интеграция и осмысление тех условий среды, которые становятся средствами оперативного совладания с возникшими трудностями; *ресурсных* как реализация и преумножение ресурсов, прежде всего внутренних как основы профессионального и личностного саморазвития субъекта.

Ключевые слова: экспликация; профессионализация; мышление; деятельность; ресурсность мышления; субъект; профессиональное и личностное развитие

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кашапов Мергалияс | E-mail: smk007@bk.ru
Мергалимович. | Доктор психологических наук, профессор

Финансирование: РФФИ, проект № 19-013-00102а

В современной психологии особое значение приобретает экспликация полученных теоретических и эмпирических результатов. Востребованность разработки проблемы психологических понятий в контексте их включения в более широкий спектр взаимодействия человека с миром трудно переоценить. Так, Д. А. Леонтьев, анализируя понятие «саморегуляция», утверждает, что в данном понятии заложен мощный категориальный, даже парадигматический потенциал, и экспликация этого потенциала понятия саморегуляции, понимаемого как общий объяснительный принцип, позволяет прийти к далеко идущим выводам, важным для психологической науки в целом [1].

Экспликация – (от лат. explicatio – разъяснение, объяснение) – уточнение понятий и утверждений естественного и научного языка с помощью средств символической логики. Экспликация применяется и как метод психологического обеспечения деятельности, и как технология развития ментальных ресурсов человека (Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев, Т. Л. Крюкова, Г. В. Ожиганова, М. А. Холодная, С. А. Хазова, В. А. Толочек). Она используется в качестве одного из способов экспресс-мониторинга, в котором одновременно разворачивается содержание обучения и профессиональной деятельности. При помощи вопросов и уточнений, комментариев, подсказок, а также совместных действий тьютора (или наставника, или эксперта) и обучаемого происходят изменения в деятельности, в развитии личности и оперативно корректируется процесс обучения (самообучения, взаимообучения, профпереподготовки, повышения квалификации). Так, В. П. Песковым проведено исследование роли стиля мышления ученого в процессе экспликации представления как психического явления. Показано, что какой-то один из способов представления информации и ее анализа в нашем сознании не является одновременно необходимым и достаточным [2]. Семиотическая интерпретация понятия границы предпринимается Лотманом в связи с экспликацией структуры и механизмов трансформации культурного пространства – семиосферы [3, с. 243].

Экспликация является методом развёртывания (раскрытия) сущности того или иного познаваемого предмета (явления) посредством установления некоторого многообразия его связей и отношений с другими предметами и явлениями. Если экспликация подразумевает уточнение неопределённого понятия, имеющего место в повседневном или научном употреблении, то такое понятие называют «экспликандум», а результат экспликации – «экспликатор».

В исследовании А. Н. Алехина и А. А. Грековой установлены новые феномены мышления, сделаны подробные клинико-психологические и феноменологические описания выявленных феноменов; описаны психосемиотические механизмы работы мышления со знаками и значениями понятий. Показано, что феномены представляют собой новые формы мыш-

ления и проявляются у успешных в обучении, социально адаптированных практически здоровых студентов вузов разных направлений обучения [4–5].

Экспликация системы профессионального мышления в современных условиях образовательной среды представлена в цикле работ, выполненных под руководством И. В. Серафимович, хотя понятие «экспликация» в этих исследованиях не используется. Данной группой исследователей внесен существенный вклад в агрегацию (объединение разрозненных сведений в одну систему, в одно целое, простое сочетание установленных признаков исследуемого понятия) пока ещё слабо разработанного понятия «профессионализация мышления субъекта». Так, развитие профессионального мышления рассматривается в контексте формирования электронной информационно-образовательной среды вуза [6]. Обоснованы результаты, характеризующие профессионализацию мышления педагога и развитие профессиональных компетенций в условиях конкурсов профессионального мастерства [7]. Показано, каким образом конкурсы профессионального мастерства могут рассматриваться как форма развития профессиональных компетенций и профессионализации мышления педагогов [8]. Проведено исследование соотношения профессионального мышления педагогов и личностных результатов обучающихся [9]. Представляется перспективным понимание профессионализации мышления субъекта как условия личностного и профессионального развития (на примере медицинских работников) [10]. Обоснован практический выход результатов исследования профессионализации мышления и психолого-педагогической подготовки педагогов в организацию работы с личностными результатами обучающихся средствами воркшопа [11]. Внесен вклад в расширение научных представлений об акмеологических и когнитивных ресурсах, реализуемых в условиях профессионализации студентов [12]. Рассмотрены условия адаптации в профессиональной педагогической деятельности и возможности реализации когнитивных ресурсов [13]. Выделены и описаны метакогнитивные признаки профессионального мышления и особенности саморегуляции педагогов как характеристики психологического здоровья [14]. Установлены и проанализированы взаимосвязи профессионального педагогического мышления с рефлексивностью и эмоциональным интеллектом у педагогов различного профиля [15].

Следует отметить, что метод экспликации можно применять с целью объяснения внутреннего содержания ранее неизвестных понятий, таких как «ресурсное мышление». Раскрытие психологического содержания нового понятия осуществляется посредством его сопоставления с другими качествами профессионального мышления (событийность, надситуативность, абнотивность), а также с уже известными свойствами, характеристиками надситуативности мышления, такими как прогностичность, ме-

такоегнитивность [16–18]. В этом контексте экспликация использовалась как метод углубленного психологического проникновения в эксплицируемые понятия [19]. Понимание профессионализации мышления нередко осуществляется опосредованно. Так, Ю. С. Филатовой проведен психологический анализ выбора стратегии конфликтного поведения как фактора формирования клинического мышления на ранних этапах профессионализации [20]. Использование автором ситуационного анализа реализовывалось в качестве средства профессионализации клинического мышления студентов [21]. А. С. Кашаповым исследованы особенности профессионализации мышления в контексте установления критериев, стадий и уровней профессионального развития психолога-практика [22]. Автором выявлены и обоснованы когнитивные и метакогнитивные характеристики конфликтоустойчивости в процессе социально-психологической адаптации студентов. Данные характеристики рассматриваются в качестве основы социальной профессионализации субъекта [23]. Им разработан метод анализа конкретных ситуаций как средство реализации когнитивного ресурса субъекта образовательной деятельности [24]. Г. А. Виленская утверждает, что способность к произвольной динамичной регуляции когнитивных ресурсов по-разному концептуализируется различными научными школами. Так, в западной психологической традиции, по её мнению, принято говорить об исполнительных функциях, в число которых входят тормозной контроль, планирование, внимание, рабочая память, когнитивная гибкость, эмоциональная регуляция и др. Ряд ученых – Р. Баркли, А. Мияке, Н. Фридман, М. Баних – рассматривают их как совокупность отдельных равноправных процессов; другие – авторы модели когнитивного контроля Э. Миллер и Дж. Коэн, а также А. Арон, Т. Шаллис, П. Берджесс – убеждены, что исполнительные функции составляют единый конструкт (когнитивный контроль) с ведущей ролью функции внимания [25].

Принципиально новое явление не может быть понято только посредством известных субъекту законов и обобщений. При этом возникает иллюзия противоречия нового здравому смыслу, сформированному прошлым опытом. Все переломные этапы познания неизбежно связаны с «шоком новизны». Ресурс, утверждает В. А. Толочек, характеризуется множеством актуальных и потенциальных качеств (свойств, состояний, процессов) субъекта и взаимодействующих с ним субъектов, условий среды. В рамках ресурсного подхода им постулируется признание актуализации разных условий внешней и внутренней среды субъекта на разных возрастных этапах, в разных социальных пространствах. Им сформулирована проблема динамики актуализации ресурсов субъектом на протяжении профессиональной карьеры. Такое видение сразу же заостряет ряд сопряженных вопросов (отличия феномена «ресурс» от других психиче-

ских феноменов; равноценности различных видов ресурсов для разных людей; связи меры актуализации человеком ресурсов разных видов и его социальной успешности; оценки параметров или меры актуализации ресурсов и др.) [26]. Автором обосновано, что поиск способов управления процессами групповой самоорганизации субъектов труда, усиление позитивных эффектов, порождаемых взаимодействиями людей, и купирование (ослабление, коррекция) негативных эффектов могут способствовать освоению новых ресурсов роста производительности индивидуального и коллективного труда [27, с. 195]. В. А. Толочек подчеркивает, что изучение проявлений «*умственной работоспособности*» также выявляет ограниченность некоторых методологических подходов (деятельностного и экологического подхода в частности). «*Умственная работоспособность*» не есть лишь функция субъекта деятельности, проявляющего ту или иную активность в достижении своих целей; она не есть лишь функция согласований разных воздействий в системе «человек – среда (окружение)». Есть основания рассматривать «*умственную работоспособность*» как сложный феномен в его предельно широком контексте – в системе отношений «человек—мир» (курсив. – Т. В.) [28, с. 40].

Посредством применения метода экспликации нами [29–35] проведена исходная селекция множества признаков и параметров профессионализации мышления, в т. ч. и ресурсности мышления (РМ), посредством которых осуществляется:

а) перенос свойств от эксплицируемого явления к эксплицирующим. Прежде всего, следует выделить дихотомические признаки РМ: оперативность – отсроченность, оригинальность – традиционность; спонтанность – планируемость; импульсивность – рефлексивность. Субъект, познавая и преобразовывая сложную ситуацию, стремится найти в ней реперные точки, которые потенциально могут стать внутренней духовной опорой его личностно-профессионального развития. Такой конструктивный подход позволяет творческим образом заведомое поражение обернуть в реальную победу, поскольку профессионал, благодаря надситуативному подходу, поднимается над частоколом астенических эмоций и находит осмысленные способы совладания с возникшими затруднениями;

б) поиск и отбор характеристик – носителей выделенных признаков РМ как основы личностно-профессионального развития. Такой подход позволяет мобилизоваться на основном направлении саморазвития. Для этого субъекту требуется работать на опережение и сегодня готовиться к творческому разрешению проблем завтрашнего дня;

в) экспликация (выражение, распространение) выделенных признаков РМ как эксплицируемого явления через отобранные предметы (явления): духовные как проявление силы и содержательности внутренней жизни; социальные как преломление общественных требований;

средовые как выражение условий среды, которые становятся средствами оперативного совладания с текущими и перспективными трудностями; ресурсные как реализация и преумножение ресурсов, прежде всего внутренних, как основы профессионального и личностного саморазвития субъекта;

г) экспликация полученных результатов позволяет сделать «вытяжку», выводы на основе рефлексии собственных действий, что способствует творческому переосмыслению выполняемой профессиональной деятельности;

д) системная экспликация объективных и субъективных детерминант, обеспечивающих эффективность деятельности и жизнедеятельности в целом.

Метод экспликации в контексте научной методологии выполняет различные функции. Экпликация позволяет осуществить: во-первых, перевод неясных и неопределённых интуитивных представлений (экспликандов) к виду строгих в категориальном и логическом виде понятий (экспликандов); во-вторых, концептуализацию той или иной области знания, приведение её в целостную систему; в-третьих, обнаружение ранее неочевидных (или неявных) зависимостей между различными познаваемыми и преобразуемыми предметами или явлениями; в-четвертых, при реализации надситуативного мышления субъект осуществляет экспликацию ментальных ресурсов и приобретает ценные личностные и профессиональные новообразования [36].

Таким образом, представляется перспективным при определении типов экспликации реализовывать функцию определенного основания, позволяющую выделить общую и частную экспликации. Способность к экспликации можно целенаправленно совершенствовать как в специально смоделированных дидактических ситуациях [37], так и в тренинговых формах обучения творческому разрешению конфликтов [38–40].

Ссылки

1. Леонтьев Д. А. Саморегуляция как предмет изучения и как объяснительный принцип // Психология саморегуляции в XXI веке / отв. ред. В. И. Моросанова. СПб.; М.: Нестор-История, 2011 С. 74–89.

2. Песков В. П. Роль аналитического и холистического стилей мышления для экспликации представления // Вестник Московского педагогического университета. Серия Педагогика и психология. 2014. № 1 (27). С. 74–80.

3. Демин И. В. Понятие границы в семиотике культуры Ю. М. Лотмана // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 3. С. 243–249.

4. Алехин А. Н., Грекова А. А. Особенности формирования мышления в условиях цифровой среды // Клиническая и специальная психология. 2019. Т. 8, № 1. С. 162–176.

5. Алехин А. Н., Грекова А. А. «Псевдопсихопатологические» формы мышления в современных условиях // Вестник психотерапии. 2018. № 66 (71). С. 137–151.

6. Серафимович И. В., Конькова О. М., Райхлина А. В. Формирование электронной информационно-образовательной среды вуза: интеракция, развитие профессионального мышления, управление // Открытое образование. 2019. Т. 23, № 1. С. 14–26.

7. Серафимович И. В., Харавинина Л. Н. Конкурсы профессионального мастерства как форма развития профессиональных компетенций и профессионализации мышления педагогов // Хуманитарни Балкански изследвания. 2019. Т. 3, № 2 (4). С. 75–78.

8. Серафимович И. В., Харавинина Л. Н. Профессионализация мышления педагога и развитие профессиональных компетенций в условиях конкурсов профессионального мастерства // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8, № 2 (27) С. 382–387.

9. Профессиональное мышление педагогов и личностных результатов обучающихся / И. В. Серафимович [и др.] // Актуальные проблемы психологии и педагогики в современном образовании: материалы III междунар. Науч.-практ. конф. под науч. ред. Е. В. Карповой. Ярославль, 2019. С. 172–173.

10. Серафимович И. В. Профессионализация мышления субъекта как условие личностного и профессионального развития (на примере медицинских работников) // Наука – образование – профессия: системный личностно-развивающий подход: сб. / под общ. ред. Л. М. Митиной. М., 2019. С. 516–518.

11. Серафимович И. В., Беляева О. А. Профессионализация мышления и психолого-педагогическая подготовка педагогов к работе с личностными результатами обучающихся средствами воркшопа // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. № 2. С. 114–117.

12. Серафимович И. В. Акмеологические и когнитивные ресурсы в профессионализации студентов // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. № 5. С. 64.

13. Серафимович И. В., Егорова К. А. Адаптация в профессиональной педагогической деятельности и когнитивные ресурсы // Ярославский психологический вестник. 2019. № 2 (44). С. 100–102.

14. Серафимович И. В., Сабаканова А. С. Метакогнитивные признаки профессионального мышления и особенности саморегуляции педагогов как характеристики психологического здоровья // Экопсихологические исследования-6: экология детства и психология устойчивого развития: сб. науч. ст. Курск, 2020. С. 258–262.

15. Серафимович И. В., Егорова К. А. Взаимосвязь профессионального педагогического мышления с рефлексивностью и эмоциональным интеллектом у педагогов различного профиля // Методология современной психологии. 2020. № 11. С. 327–339.

16. Кашапов М. М. Когнитивное и метакогнитивное понимание структурно-динамических характеристик творческого профессионального мышления // Творческая деятельность профессионала в контексте когнитивного и метакогнитивного подходов / под ред. М. М. Кашапова, Ю. В. Пошехоновой. Ярославль, 2012. С. 35–121.

17. Метакогнитивные основы конфликтной компетентности / под науч. ред. проф. М. М. Кашапова. Ярославль, 2012. 428 с.

18. Kashapov M. M., Serafimovich I. V., Poshekhonova Y. V. Components of metacognition and metacognitive properties of forecasting as determinants of supra-situational pedagogical thinking. // Psychology in Russia: State of the Art . 2017. № 10 (1). P. 80–94.

9. Филатова Ю. С., Кашапов А. С. Ресурсные основы профессионализации мышления субъекта // Методология современной психологии. 2020. № 11. С. 385–404.

20. Филатова Ю. С. Выбор стратегии конфликтного поведения как фактор формирования клинического мышления на ранних этапах профессионализации // Молодежь и будущее: профессиональная и личностная самореализация: материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф. по психологии с междунар. участием. Владимир, 2019. С. 347–350.

21. Филатова Ю. С. Ситуационный анализ как средство профессионализации клинического мышления студентов // Актуальные проблемы совершенствования высшего образования: тезисы докл. XIV всерос. науч.-метод. Конф. Ярославль, 2020. С. 315–317.

22. Кашапов А. С. Критерии, стадии и уровни профессионального развития психолога-практика // Ярославский психологический вестник. 2006. Вып. 19. С. 58– 62.

23. Кашапов А. С. Когнитивные и метакогнитивные характеристики конфликтоустойчивости в процессе социально-психологической адаптации студентов // Творческая деятельность профессионала в контексте когнитивного и метакогнитивного подходов / под науч. ред. проф. М. М. Кашапова, доц. Ю. В. Пошехоновой. Ярославль, 2012. С. 269–320.

24. Кашапов А. С. Метод анализа конкретных ситуаций как средство реализации когнитивного ресурса субъекта образовательной деятельности // Актуальные проблемы совершенствования высшего образования: тезисы докл. XIV всерос. науч.-метод. конф. Ярославль, 2020. С. 130–132.

25. Виленская Г. А. Исполнительные функции: природа и развитие // Психологический журнал. 2016. Т. 37, № 4. С. 21–31.

26. Толочек В. А. Человек как субъект в континууме «Задатки – компетенции» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2018. Т. 7, № 1. С. 16–25.

27. Толочек В. А. «Психологические ниши»: топос и хронос в детерминации профессиональной специализации субъекта // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2019. № 1. С. 195–213.

28. Толочек В. А. Динамика умственной работоспособности. Ч. 2: Психологические особенности 2-летних и 4-летних циклов // Психологический журнал. 2019. Т. 40, № 6. С. 31–43.

29. Кашапов М. М. Психология профессионального педагогического мышления: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2000. 48 с.

30. Кашапов М. М. Особенности сопровождения творческого мышления психолога (на довузовском, вузовском и послевузовском этапах) // Сибирский психологический журнал. Томск. 2005. № 22. С. 135–140.

31. Кашапов М. М. Акмеологические и психологические механизмы творческого мышления профессионала в контексте метакогнитивного подхода // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2009. № 5. С. 4–12.

32. Кашапов М. М. Событийность мышления преподавателя как средство профессионализации и социализации студентов // Современные тенденции развития психологии труда и организационной психологии / отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев, А. Н. Занковский. М.: Институт психологии РАН, 2015. С. 186–195.

33. Кашапов М. М., Филатова Ю. С., Кашапов А. С. Когнитивные компоненты творческого процесса в конфликте. Ярославль, 2018. 360 с.

34. Кашапов М. М., Кашапов А. С. Формирование профессионального творческого мышления: учебное пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020. 124 с.

35. Кашапов М. М., Пошехонова Ю. В., Кашапов А. С. Психология образовательных технологий: учебно-методическое пособие / Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ярославль: ЯрГУ, 2020. 68 с.

36. Профессионализация мышления преподавателя в контексте современных проблем педагогического образования / М. М. Кашапов [и др.] // Ярославский психологический вестник. 2019. Вып. 3 (45). С. 35–40.

37. Активные методы обучения студентов: практическое руководство / отв. за вып. И. М. Лоханина, М. М. Кашапов, Н. В. Клюева; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ярославль: ЯрГУ, 2005. 118 с.

38. Кашапов А. С. Обучение старшеклассников творческому разрешению конфликтов // Ярославский психологический вестник. 2007. № 20. С. 151–154.

39. Кашапов М. М., Филатова Ю. С., Кашапов А. С. Событийно-когнитивные компоненты профессионализации субъекта. Ярославль, 2018. 392 с.

40. Кашапов М. М. Надситуативное мышление как когнитивный ресурс личности // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2017. Т. 22. С. 3–9.

Ergonomic support for the development of a graphic color scale for student assessment of teaching activities

V. V. Spasennikov¹, G. V. Garbuzova¹, E. A. Ermakova²

¹Bryansk State Technical University, 7 Boulevard 50 October, Bryansk 241035, Russian Federation

²Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 24/35 Krzhizhanovsky, building 5, Moscow 117218, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-1-110-119

Research article
Full text in Russian

A review of domestic and foreign studies related to the analysis of the role of teacher evaluation by students of higher education institutions is presented. It examines different approaches to building a profile of the levels of formation of competences of higher school teachers. The summary characteristics of professional - activity and personal-communicative qualities of teachers are obtained, taking into account the evaluation opinions of students. A method for developing a graphical color scale for student assessment of teaching activities is proposed.

Keywords: teacher; student; assessment; competence profile; color graphic scale

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Spasennikov Valerii V. | E-mail: spas1956@mail.ru
| Doc. Sc. (Psychology), Professor

Garbuzova Galina V. | E-mail: garbuzowagalya@yandex.ru
| Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor

Ermakova Eraterina A. | E-mail: ermakova.20@mail.ru
| Postgraduate

Эргономическое обеспечение разработки графической цветовой шкалы студенческой оценки преподавательской деятельности

В. В. Спасенников¹, Г. В. Гарбузова¹, Е. А. Ермакова²

¹ФГБОУ ВО «Брянский государственный технический университет», б-р 50 лет Октября, 7, Брянск, 241035, Российская Федерация

²Институт социологии ФНИСЦ РАН, ул. Кржижановского, 24/35, корпус 5, Москва, 117218, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-1-110-119
УДК 159.9:331.101.1

Научная статья
Полный текст на русском языке

Представлен обзор отечественных и зарубежных исследований, связанных с анализом роли оценки преподавателя студентами образовательных учреждений высшей школы. Рассмотрены различные подходы к построению профилей уровней сформированности компетенций преподавателей высшей школы. Получена сводная характеристика профессионально-деятельностных и личностно-коммуникативных качеств преподавателей с учетом оценочных мнений студентов. Предложена методика разработки графической цветовой шкалы студенческой оценки преподавательской деятельности.

Ключевые слова: преподаватель; студент; оценка; профиль компетенций; цветровая графическая шкала

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Спасенников Валерий Валентинович	E-mail: spas1956@mail.ru Доктор психологических наук, профессор
Гарбузова Галина Владимировна	E-mail: garbuzowagalya@yandex.ru Кандидат психологических наук, доцент
Ермакова Екатерина Александровна	E-mail: ermakova.20@mail.ru Аспирант

Постановка проблемы

Управление образовательной деятельностью вуза как социально-экономической системой связано с необходимостью учета целого ряда данных, среди которых особое место занимает удовлетворенность студентов различными аспектами деятельности преподавателей. Решение проблем оценки качества образования как в России, так и за рубежом связано с поиском

© Спасенников В. В., Гарбузова Г. В., Ермакова Е. А., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

значимых критериев преподавательской деятельности. Взаимодействию преподавателей со студентами посвятили свои исследования такие ученые, как Н. К. Андриевская, 2019 [1], Г. В. Андрущак, 2007 [2], Г. Ф. Голубева, А. А. Тришин, 2018 [3], В. Я. Гельман, 2019 [4], А. А. Дульзон, 2007 [5], В. А. Шкаберин, М. Л. Потапов, И. Н. Максимьяк, 2018 [6], E. Arubayi, 1987 [7], D. E. Clayson, 2009 [8], S. E. Gump, 2007 [9], В. Kemp, 1990 [10], Т. R. McDaniel, 2006 [11], Н. J. Murray, 2007 [12] и др.

Одним из актуальных направлений изучения качества учебного процесса и эффективности взаимодействия преподавателей и студентов является выявление объективных, валидных и надежных инструментов оценки преподавательской деятельности с учетом личных оценок студентов [13–18].

В настоящее время как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях отсутствуют эргодизайнерские разработки, связанные с проектированием методик, позволяющих визуализировать студенческие оценки преподавательской деятельности с использованием социологических, психолого-педагогических и эргономических требований.

Данное теоретико-экспериментальное исследование в некоторой степени восполняет имеющийся пробел.

1. Ретроспективный анализ теоретико-экспериментальных исследований в области разработки и использования методик студенческой оценки преподавательской деятельности

Оценка качества деятельности преподавателей в советский период и на постсоветском пространстве является предметом исследований отечественных авторов в психологии труда и педагогической психологии, при этом имеется аргументация как за использование студенческих оценок, так и против их применения в процедурах мониторинг и аттестации преподавателей.

В целом ряде исследований приводится критика по вопросу использования студенческой оценки преподавания (СОП) при принятии решений администрацией вуза об оптимизации процесса обучения [4, 8, 14, 18–20].

Среди зарубежных исследователей роли оценки преподавателя студентами в системах международного менеджмента качества образовательных услуг можно выделить работы D. J. Aigner, F. D. Thum, 1986 [7], D. E. Clayson, 2009 [8], R. J. Gigliotti, F. S. Buchtel, 1990 [21], S. E. Gump, 2007 [9], Н. W. Marsh, L. A. Roche [22], G. Mohanty, 2005 [23], Н. D. Murray [12], S. Shmanske [24] и др.

В работе [8] D. E. Clayson приходит к следующему заключению: «чем более отчетливо измеряется качество обучения, тем менее, вероятность того, что оно будет обусловлено СОП».

В научной литературе наибольшее отражение получили этические моменты оценки преподавателей студентами. Помимо этических вопросов процесса обучения, связанного с использованием СОП, в публикациях со-

ветского периода приводили данные по анализу содержания анкет, шкалированию, методам математико-статистической обработки экспериментальных данных [2, 5, 25, 26].

Анализ зарубежных источников показывает, что длительная история использования студенческой оценки качества преподавания имеется в странах Западной Европы и США. В условиях рыночной экономики студенты, обучающиеся в зарубежных вузах, являются заказчиками образовательных услуг и привлекаются к оценке преподавательской деятельности при проведении мониторинга качества образовательного процесса. При этом как показатели качества преподавательского труда используются и частные компетенции (коммуникативные, организационно-деятельностные, научно-исследовательские, методические и т. д.), и интегративные индикаторы, связанные с развитием личностных особенностей и профессионально-важных качеств педагога.

В работах отечественных и зарубежных ученых в сфере оценки преподавательской деятельности студентами показано, что основным недостатком, связанным с оценочными процедурами является субъективизм студентов, с одной стороны, и отсутствие валидных и надежных шкал тестовых методик – с другой. Отсюда следует недостаточная психологическая и эргономическая разработанность подходов к созданию методик оценки преподавателей студентами.

2. Разработка методики студенческой оценки преподавательской деятельности

Студенческое оценивание преподавателя и методика его применения в значительной степени определяется обоснованностью и достоверностью выявленных критериев эффективности преподавательской деятельности. Попытки внедрения компетентностного подхода в практику российского образования вызывают необходимость учета структурных элементов в модели преподавателя [6, 17, 27].

В наших исследованиях на основе интервьюирования представителей ректората и деканатов были выявлены структурные элементы педагогической компетентности преподавателя высшей школы, в которые включены мотивационный, когнитивный и коммуникативный компоненты, представленные на рис. 1 [28–30].

Компоненты педагогической компетентности будущих преподавателей высшей школы, формируемые в процессе подготовки магистрантов и аспирантов, по нашему мнению, соответствуют общим способностям в структуре деятельности (интеллект, креативность, обучаемость и рефлексивность) в концепции А. В. Карпова [28].

Представленный на рис. 1 оценочный профиль можно операционализировать, например, для оценки молодых преподавателей и выпускников аспирантуры.

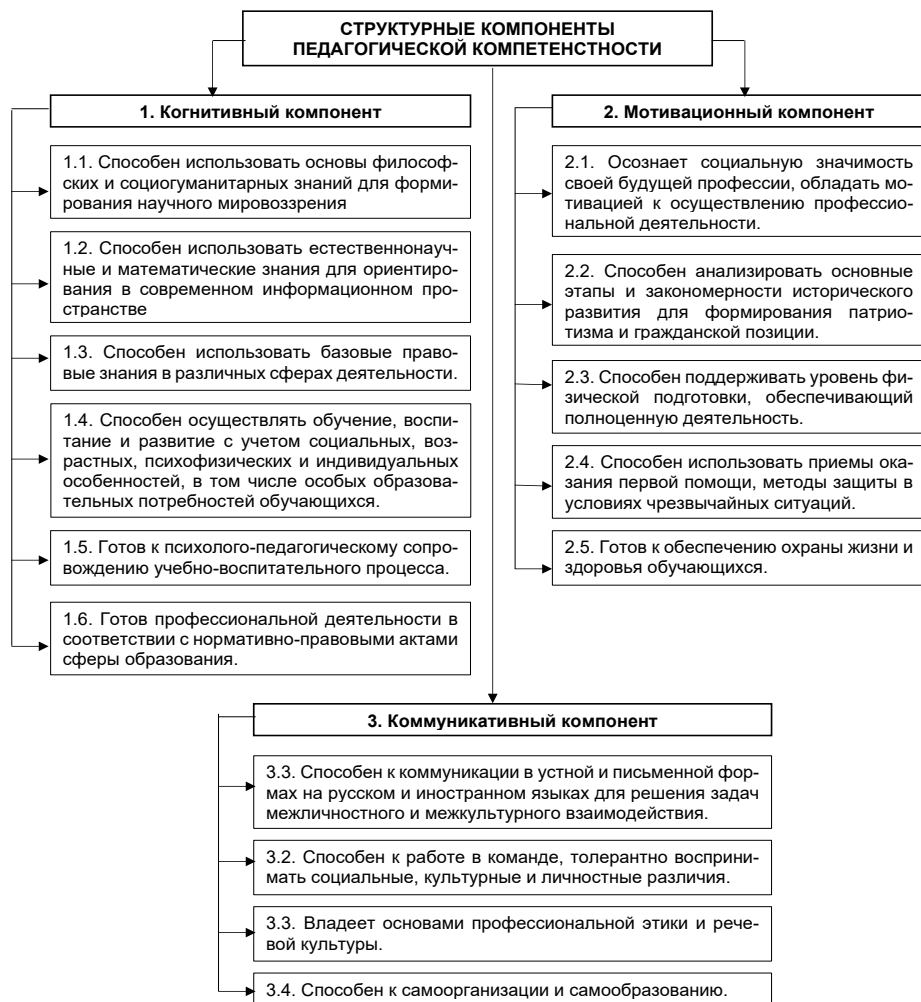

Рис. 1. Компоненты педагогической компетентности преподавателя высшей школы

Графический профиль сформированности компетенций представлен на рис. 2.

С позиции эргономических требований профиль целесообразно включать в портфолио молодого преподавателя для составления программ личностного и профессионального роста. Для оценки преподавателей «глазами студентов» такой профиль непригоден.

В процессе разработки методики оценки преподавателя «глазами студентов» БГТУ (СОП-БГТУ – студенческое оценивание преподавателей) нами было опрошено 120 студентов двух факультетов (факультета цифровой и отраслевой экономики и факультета информационных технологий) и предложены шкалы СОП-БГТУ, которые включают:

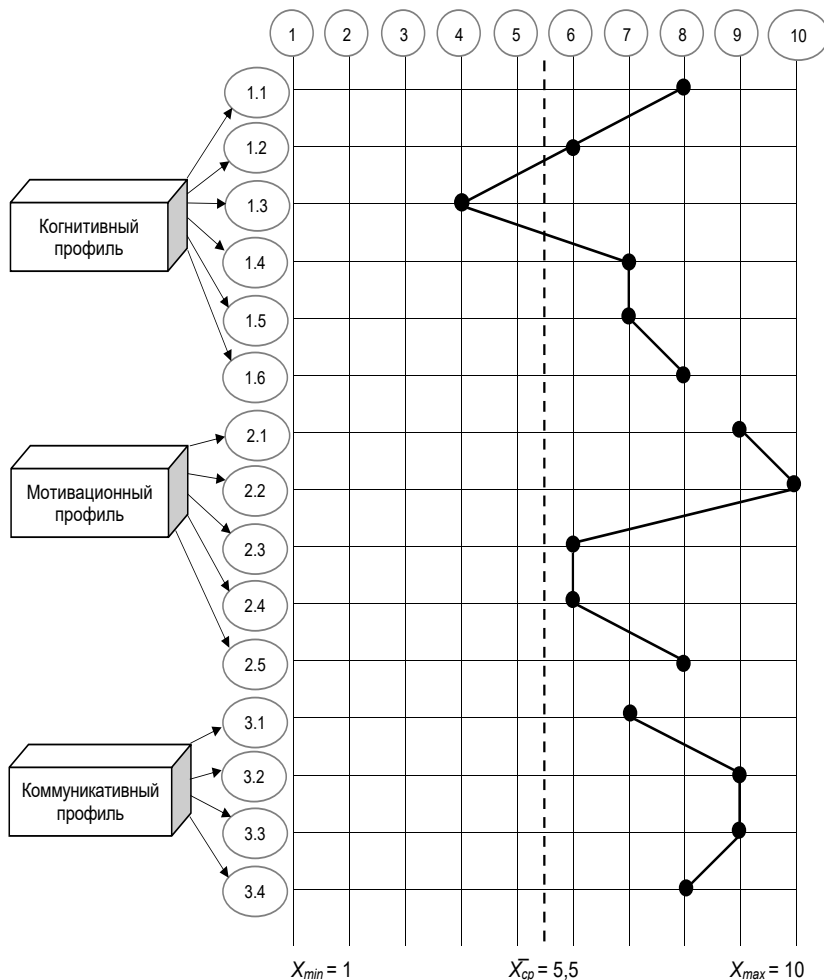

Рис. 2. Эргономический профиль уровня сформированности профессиональных компетенций

1. Блок оценки профессиональных действий – профессионально-деятельностных качеств преподавателя;

2. Блок оценки коммуникативно-личностных качеств преподавателя. Графоаналитическая цифровая шкала оценки профессиональной деятельности и иных качеств преподавателя, полученная на основе опроса 60 студентов с использованием программного модуля описана в [31].

Аналогичным образом получена шкала оценки коммуникативно-личностных качеств преподавателя, которая также включает 10 оценочных показателей по десятибалльной шкале «стендов». Сводная таблица оценочных показателей (критериев) преподавательской деятельности и средних арифметических оценок значимости критериев приведены в таблице 1.

Сводная характеристика профессиональной деятельности и личностных коммуникативных качеств преподавателей для анкеты СОП-БГТУ

№ п/п	Критерии эффективности профессиональной деятельности	Средние арифметические оценки значимости критериев
Блок 1. Профессионально-деятельностные качества		
1.1	Предлагает информацию, значимую для подготовки к будущей профессиональной деятельности	9,06
1.2	Развивает умения и навыки, связанные с формированием профессиональных компетенций	8,97
1.3	Излагает материал полностью и достаточно, отлично знает предмет	8,76
1.4	Демонстрирует эрудицию и широкий кругозор	8,47
1.5	Знакомит с современными и практическими разработками в рамках преподаваемой дисциплины	8,36
1.6	Демонстрирует культуру речи	8,3
1.7	Демонстрирует оптимальный темп изложения материала	8,3
1.8	Помогает в организации самостоятельной работы	8,13
1.9	Использует современные технологии и мультимедийные средства в процессе обучения	8,06
1.10	Использует активные методы обучения, деловые игры, тренинги, кейсы, тематические дискуссии	7,87
Блок 2. Личностно-коммуникативные качества		
2.1	Вызывает интерес к предметам	8,93
2.2	Запрашивает обратную связь и учитывает мнения студентов	8,8
2.3	Проявляет объективность и справедливость	8,53
2.4	Проявляет самостоятельное мышление и творческое самосовершенствование	8,4
2.5	Умеет устанавливать контакт с отдельными студентами, использует адекватные способы общения и взаимодействия	8,27
2.6	Проявляет требовательность	8,13
2.7	Доброжелательно и тактично относится к студентам	8,07
2.8	Учитывает индивидуальные особенности студентов	7,93
2.9	Привлекает студентов к научной работе	7,63
2.10	Проявляет заинтересованность в делах студентов, стимулирует их к достижениям и развитию	7,5

Сводная характеристика профессиональной деятельности и коммуникативно-личностных качеств преподавателей высшей школы не претенду-

ет на полную и требует дальнейшего совершенствования. Однако отражает основные профессионально-важные качества преподавателей, связанные с личностным и профессиональным ростом [17, 19, 26].

Достаточно дискуссионными в теории и практике использования СОП остаются такие вопросы, как: кто должен быть инициатором оценки? каковы последствия проведения оценки? какие методы повышения достоверности информации, получаемой от студентов, существуют? [6, 27].

Не менее важными являются редко обсуждаемые в отечественной психолого-педагогической и эргономической литературе вопросы, связанные с методическим инструментарием анкетного опроса респондентов, касающиеся индикаторов (критериев) и шкал оценки. Использование методов вторичной обработки статистической информации, таких как корреляционный, регрессионный и факторный анализ, во многом определяется типом оценочных показателей и шкал. В наших исследованиях показано, что изучение личностных особенностей профессионально-важных качеств преподавателей, определяющих успешность деятельности, может осуществляться при использовании шкалы «стен» (10-балльная шкала оценки, которая удобна для построения профилей личности и последующей вторичной обработки информации [20]).

Обсуждение результатов и выводы

Теоретико-экспериментальный анализ возможности использования разработанной анкеты «Преподаватель “глазами студентов”» позволяет сделать следующие предварительные выводы:

1. Студенческое оценивание преподавателей может стать важным методическим инструментарием оценки качества образования при условии адекватной подготовки цели проведения и наличия валидного инструментария с обоснованием индикаторов и шкал оценки личностных особенностей;

2. Оценка преподавателей студентами не является идеальным средством измерения главной характеристики преподавателя – способности преподавать. Однако это лучше, чем привлекать специальных проверяющих, потому что студенты посещают множество занятий различных преподавателей и могут оценить их профессионализм. Факторы, которые являются важными, с точки зрения студентов, в основном положительно влияют на качество обучения. СОП призвано решить основную задачу – измерять эффективность преподавания, чтобы стать неотъемлемой частью мониторинга качества системы образования в высшей школе;

3. Перспективным направлением дальнейших исследований является выявление отношений студентов младших и старших курсов различных направлений и профилей подготовки к преподавателям социально-экономических, гуманитарных, общепрофессиональных и профессиональных дисциплин в техническом университете.

Ссылки

1. Андриевская Н. К. Основные принципы и подходы при разработке системы управления профессиональными знаниями сотрудников вуза / Н. К. Андриевская // Информатика и кибернетика. 2019. № 4 (18). С. 49–56.
2. Андрущак Г. В. Системы оценивания преподавателей студентами: управленческие инновации в российских вузах / Г. В. Андрущак // Вопросы экономики. 2007. № 6. С. 106–115.
3. Голубева Г. Ф. Массовые открытые онлайн-курсы в России и за рубежом с позиций глобального информационного пространства / Г. Ф. Голубева, А. А. Тришин // Эргодизайн. 2018. № 2 (2). С. 8–14.
4. Гельман В. Я. К вопросу о достоверности и точности студенческой оценки преподавания // Alma mater (Вестник высшей школы). 2019. № 9. С. 55–58.
5. Дульзон А. А., Васильева О. М. Модель компетенций преподавателя вуза. // Университетское управление: практика и анализ. 2009. № 2. С. 29–37.
6. Шкаберин В. А., Потапов М. Л., Максимьяк И. Н. Применение структурного подхода для проведения реинжиниринга бизнес-процессов приемной кампании брянского государственного технического университета // Вестник Брянского государственного технического университета. 2018. № 7 (68). С. 70–81.
7. Aigner D. J., Thum F. D. On Student Evaluation of Teaching Ability // Economic Education. 1986. Vol. 17, No. 4. P. 243–265.
8. Clauson D. E. Student evaluations of teaching: Are they related to what students learn? A meta-analysis and review of the literature // Journal of Marketing Education. 2009. No. 31. P. 16–30.
9. Gump S. E. Student evaluations of teaching effectiveness and the leniency hypothesis: A literature review // Educational Research Quarterly. 2007. Vol. 30, No. 3. P. 55–68.
10. Kemp B., Kuman G. Student Evaluations: Are We Using them Correctly? // Journal of Education for Business. 1990. Issue 65. P. 106–111.
11. McDaniel T. R. Student evaluations of instructors: A good thing? // Academic Leader. 2006. No. 8. P. 22.
12. Murray H. J. Research on low-inference teaching behaviors: an update // The Scholarship of Teaching and Learning in Higher Education: An Evidence-Based Perspective / ed. P. Raymond, R. P. Perry, J. C. Smart. Dordrecht: Springer Publ., 2007. P. 145–200.
13. Андросов К. Ю., Голубева Г. Ф., Спасенникова Е. В. Перспективы развития цифрового образования и массовых открытых онлайн-курсов в оценках преподавателей и студентов // Эргодизайн. 2019. № 4 (6). С. 214–222.
14. Бекреев А. Д., Григорьев В. Е. Студенческая оценка преподавания, лекарство или яд? // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 2015. Т. 19. С. 103–114.
15. Горбатенко А. С. Преподаватель глазами студента // Вопросы психологии. 1990. № 1. С. 184–186.
16. Запесоцкий А. С. Преподаватель глазами студента [педагогическая деятельность преподавателя] // Высшее образование сегодня. 2007. № 9. С. 29–32. К. Ю. Андросов, Д. В. Ерохин, В. В. Спасенников

17. Андросов К. Ю., Ерохин Д. В., Спасенников В. В. Компетентностный подход в зеркале итоговой аттестации студентов // Учебный процесс в техническом вузе: сборник научных трудов. Брянск, 2020. С. 37–43.

18. Ягудина Л. Р. Оценка преподавателей студентами как инструмент обеспечения качества образования // Сибирский педагогический журнал. 2011. № 7. С. 261–276.

19. Ерохин Д. В., Спасенников В. В. Экономико-психологические принципы и методы маркетинговых исследований // Вестник Брянского государственного технического университета. 2013. № 1 (37). С. 102–110.

20. Spasennikov V., Morozova A. Accreditation Examination of Developing Professional Competencies at the University: A Mathematical Model. // International Science and Technology Conference «FarEastCon 2019». Smart Innovation, Systems and Technologies, 2020. Vol. 172. P. 223–228.

21. Gigliotti R. J., Buchtel F. S. Attributional bias and course evaluations // Journal of Educational Psychology. 1990. Vol. 82, No. 2. P. 341–351.

22. Marsh H. W., Roche L. A. Making students' evaluations of teaching effectiveness effective: The critical issues of validity, bias, and utility // American Psychologist. 1997. Vol. 52, No. 11. P. 1187–1197.

23. Mohanty G. Multi-method evaluation of instruction in engineering classes // Journal of Personnel Evaluation in Education. 2005. Vol. 18, No. 2. P. 139–151.

24. Shanske S. On the measurement of teacher effectiveness // Research in Economic Education. 1988. Vol. 19, No. 4. P. 307–314.

25. Гарбузова Г. В., Мельников И. В. Педагогический дизайн и эффективность учебных интернет-курсов // Эргодизайн. 2018. № 1. С. 17–22.

26. Спасенников В. В. Экономико-психологические проблемы консультативной психологии при переходе на многоступенчатую систему образования // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2009. № 3 (49). С. 85–91.

27. Шкаберин В. А., Федонин О. Н. Основные показатели и направления развития образовательной деятельности в Брянском государственном техническом университете // Учебный процесс в техническом вузе: сборник научных трудов. Брянск, 2020. С. 7–18.

28. Карпов А. В. Оценка общих способностей в структуре управленческой деятельности // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2018. № 3 (45). С. 100–106.

29. Молчанова Н. В., Сканцев В. М., Спасенников В. В. Дискуссионные вопросы оценки эффективности научной деятельности с использованием индексов цитирования (обзор отечественных и зарубежных публикаций) // Эргодизайн. 2019. № 4 (6). С. 186–195.

30. Спасенников В. В. Региональная образовательная система и местные рынки труда: поиск баланса спроса и предложения квалифицированных кадров // Социология образования. 2008. № 10. С. 29–46.

31. Кондратенко С. В., Аверченков В. И., Спасенников В. В. Программный модуль для построения индивидуальной шкалы цветовых предпочтений респондента // Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ. № 2016619661 от 25.08.2016 г.

Features of the value-oriented sphere of managers of enterprises with market and hierarchical organizational culture

E. V. Markova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-1-120-127

Research article
Full text in Russian

Value orientations of a manager are a factor in the formation and development of organizational culture. In a modern economy, an organization whose culture includes the value of a marketing approach will be effective. Knowledge of the value orientations of managers who introduce market culture in organizations will allow organizational psychologists to solve the problem of optimizing culture. The article presents the results of an empirical study of differences in the level of expression of value orientations among managers who implement their professional activities in different organizational cultures. Emphasis is placed on the list of those structural features of the system of individual value orientations of managers that will allow predicting the development of market organizational culture.

Keywords: value orientations; organizational culture; manager; market organizational culture; hierarchical organizational culture; reliability of differences

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Markova Elena V. | E-mail: vark_ev@mail.ru
Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor

Особенности ценностно-ориентационной сферы руководителей предприятий с рыночной и иерархической организационной культурой

Е. В. Маркова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-1-120-127
УДК 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

Ценностные ориентации руководителя – фактор формирования и развития организационной культуры. В условиях современной экономики эффективной будет та организация, культура которой включает ценность маркетингового подхода. Знание ценностных ориентаций руководителей, внедряющих в организациях рыночную культуру, позволит организационным психологам решить задачу оптимизации культуры. В статье приводятся результаты эмпирического исследования различий в уровне выраженности ценностных ориентаций у руководителей, реализующих свою профессиональную деятельность в разных организационных культурах. Сделан акцент на перечне тех структурных особенностей системы индивидуальных ценностных ориентаций руководителей, которые позволят прогнозировать развитие рыночной оргкультуры.

Ключевые слова: ценностные ориентации; организационная культура; руководитель; рыночная организационная культура; иерархическая организационная культура; достоверность различий

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Маркова Елена Владимировна | E-mail: vark_ev@mail.ru
Кандидат психологических наук, доцент

Рыночная и иерархическая организационная культура обладают определенными сходствами и различиями. Объединяет эти культуры наличие требований, норм, правил, которые должны соблюдаться сотрудниками. Упорядоченность обеих культур позволяет им обеспечивать адаптацию организации к условиям неопределенности. Ключевое различие между этими культурами заключается в том, что рыночная культура предполагает клиенториентированное поведение персонала, а ие-

© Маркова Е. В., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

рархическая – допускает ориентацию на внутренние процессы в жизни организации. Очевидно, что именно клиенториентированность обеспечивает организации конкурентоспособность и что, даже если по роду деятельности структура предприятия иерархична, рыночные ценности будут способствовать развитию бизнеса. Становится актуальным обращение к организационной культуре как к средству изменения бизнес-культуры, формирования новых ценностных ориентиров и воспитания института «грамотного собственника».

Основу любой организационной культуры составляют ценности и нормы поведения, поддерживающие воспроизводство господствующих ценностей организации. Ценности обеспечивают сохранение целостности социальной системы (организации), в ценностях выражается особая значимость определённых материальных и духовных благ для существования и развития системы. С точки зрения управления персоналом организации важны как ценности-цели, отражающие стратегические цели существования организации, так и ценности-средства, т. е. те ценные для данной организации качества персонала (например, дисциплинированность, честность, инициативность) и характеристики внутренней среды (например, командный дух), которые позволяют достигнуть ценности-цели.

Иерархическая организационная культура – формализованное и структурированное место работы. Часто ее называют бюрократическим типом организационной культуры. В такой организации тем, что делают люди, управляют процедуры. Лидеры гордятся, что они рационально мыслящие координаторы и организаторы. Ценится поддержание плавного хода деятельности организации, которую объединяют формальные правила и официальная политика. Управление работниками предполагает озабоченность гарантией занятости и обеспечением долгосрочной предсказуемости поведения сотрудников.

Рыночная культура доминирует в организациях, ориентированных на результаты. Ее главная забота – выполнение поставленной задачи. Люди целеустремленны и соперничают между собой. Лидеры – твердые руководители и суровые конкуренты. Они непоколебимы и требовательны. Организацию связывает воедино акцент на стремлении побеждать. Репутация и успех составляют предмет общего радения. Стиль организации – жестко проводимая линия на конкурентоспособность.

Цель эмпирического исследования: выявление ценностных ориентаций руководителей в различных организационных культурах.

Объект исследования: ценностные ориентации.

Предмет исследования: ценностные ориентации руководителей, реализующих свою профессиональную деятельность в условиях различных организационных культур.

Гипотеза исследования состоит в предположении, что руководители в условиях рыночной организационной культуры в большей степени

ориентированы на ценность материального благополучия и саморазвития, а руководители в условиях иерархической организационной культуры – на уверенность в завтрашнем дне.

Базой исследования являются организации г. Ярославля: АО «ЯЗТА», АО «ЯЗДА»; в коммерческих структурах: магазины «Спектр» и «Автозапчасти», «Лефко-банк», компьютерные фирмы «Эском», «Тензор», «Скан», АО «ТИИР».

Выборка испытуемых состояла из 54 человек, из них 39 мужчин и 15 женщин. Возраст испытуемых – от 26 до 58 лет. Стаж профессиональной деятельности – от 2 до 28 лет.

В соответствии с целью и гипотезой исследования в качестве **эмпирических методик** использовались:

1. Методика «Опросник терминальных ценностей» (ОТеЦ) (И. Г. Сенин) [1].

2. Методика диагностики корпоративной культуры Камерона и Куинна (методика OCAI) [2].

Рыночная организационная культура

Проанализируем результаты, полученные на выборке руководителей предприятий с рыночной организационной культурой (табл. 1).

Таблица 1

Средние значения диагностических показателей в группе руководителей предприятий с рыночной оргкультурой

Диагностические показатели	Среднее значение	Стандартное отклонение
Собственный престиж	44	7,6
Высокое материальное положение	46	7,7
Креативность	39	7,3
Активные социальные контакты	38	5,6
Развитие себя	33,6	5,9
Достижения	43	6,5
Духовное удовлетворение	27	5,6
Сохранение собственной индивидуальности	31	6,3
Сфера профессиональной жизни	66,6	9,7
Сфера обучения и образования	65	10,5
Сфера семейной жизни	51,5	6,4
Сфера общественной жизни	50	11
Сфера увлечений	50,3	11,8

Высокий уровень значимости для руководителей данной группы имеет: собственный престиж, высокое материальное положение, достижения,

а также такие жизненные сферы, как профессиональная жизнь и обучение и образование. Выявленные особенности вполне логично сочетаются с рыночным типом организационной культуры. Стремление к собственному престижу, достижениям и высокому материальному положению находит свое удовлетворение в конкурентной борьбе, в стремлении к победе, в движении к поставленным целям.

Именно стремление к достижениям является одной из основных характеристик рыночной оргкультуры. Идентичные ценности у руководителя предприятия позволяют ему эффективно выполнять свои задачи. Значимость для руководителей этой группы профессиональной жизни и обучения также подтверждают этот вывод. В современных, быстро меняющихся условиях регулярное обучение и образование являются необходимым условием успеха. Постоянное повышение своей компетентности позволяет «идти в ногу со временем», своевременно реагировать на изменения и направлять деятельность организации в нужное русло.

Результаты исследования ценностных ориентаций в группе руководителей предприятий с иерархической оргкультурой представлены в табл. 2.

Таблица 2

**Средние значения диагностических показателей
в группе руководителей предприятий с иерархической оргкультурой**

Диагностические показатели	Среднее значение	Стандартное отклонение
Собственный престиж	41	6,6
Высокое материальное положение	35	7,4
Креативность	15	7,3
Активные социальные контакты	20	6,6
Развитие себя	30,6	5,6
Достижения	25,4	6,5
Духовное удовлетворение	27	5,6
Сохранение собственной индивидуальности	12	6,3
Сфера профессиональной жизни	65,6	10,5
Сфера обучения и образования	40,4	9,7
Сфера семейной жизни	70,3	7,4
Сфера общественной жизни	44	11,6
Сфера увлечений	39,2	11,8

Как показывают результаты, наибольшее значение для руководителей этой группы имеют: собственный престиж, сфера профессиональной жизни, сфера семейной жизни. Низкие значения зафиксированы по таким ценностям, как креативность, активные социальные контакты, сохранение

собственной индивидуальности. Для руководителей наибольшее значение имеет собственный престиж. При этом, вероятно, престиж достигается прежде всего за счет четкого исполнения своих обязанностей, построения формализованной системы работы, жесткого контроля за подчиненными. Другими словами, престиж понимается преимущественно как формальная характеристика: социальный статус, занимаемое положение, производственные показатели предприятия и т. п. Этот вывод подтверждается низкой значимостью креативности, социальных контактов и сохранения собственной индивидуальности.

Для определения различий в системе ценностей руководителей иерархической и рыночной организационных культур нами были использованы статистические математические методы подсчета обнаружения достоверности различий. Был использован t - критерий Стьюдента.

Результаты проверки достоверности различий между выборками руководителей, работающих в рыночной и иерархической организационных культурах, по t - критерию Стьюдента следующие:

А) достоверность различий на уровне значимости 0,95 подтверждена для таких составляющих ценностно-ориентационной сферы личности как:

- высокое материальное положение;
- креативность;
- достижения;
- сохранение собственной индивидуальности.

Б) достоверность различий на уровне значимости 0,99 выявлена для таких терминальных ценностей как:

- активные социальные контакты;
- сфера образования и обучения;
- сфера семейной жизни.

Значимые различия между выборкой руководителей в условиях рыночной оргкультуры и руководителей в условиях иерархической оргкультуры достоверны для семи из тринадцати исследуемых устойчивых терминальных и инструментальных ценностей.

Анализируя средние показатели по критериям, имеющим достоверность различий, можно сказать, что наибольшие значения наблюдаются у выборки руководителей в условиях рыночной оргкультуры. Исключение составляет только сфера семейной жизни, значимость которой выше у руководителей в условиях иерархической оргкультуры.

Далее на основе матриц интеркорреляций для каждой группы были построены графические структуры связей – структурограммы. Для более наглядной демонстрации связей внутри структурограммы использовался такой графический метод отражения связей между переменными, как дендрограмма.

Выше были описаны аналитические различия, позволяющие сделать заключение о сравнительной специфике отдельных ценностей руководи-

телей в условиях рыночной и иерархической организационной культуры. Встает вопрос: наблюдаются ли эти различия на структурном уровне? Чтобы ответить на него, необходимо сравнить интеркорреляционные матрицы и структурограммы системы ценностей у руководителей выделенных групп. Для дополнительной информации при анализе структурограмм использовался «индекс организованности структур» (ИОС) [3] и определение гомогенности – гетерогенности структур экспресс-методом χ^2 . Наибольший структурный вес имеют следующие ценностные ориентации личности: сфера образования и обучения (СОО); сфера увлечений (СУ); сфера профессиональной жизни (СПЖ); сохранение собственной индивидуальности (ССИ); развитие себя (РС); активные социальные контакты (АКС).

Сравнение весовых структур двух выборок позволяет сделать вывод о большей организованности структуры руководителей организаций с рыночной организационной культурой. В численном выражении структурированность отражает «индекс организованности структур» (ИОС).

ИОС руководителей иерархических (бюрократических) организационных культур – 185; ИОС руководителей рыночных организационных культур – 217 (табл. 3).

Таблица 3

Весовые коэффициенты параметров ценностной сферы

Ценности	Руководители в условиях иерархической оргкультуры	Руководители в условиях рыночной оргкультуры
Собственный престиж	11	10
Сфера увлечений	9	11
Сфера общественной жизни	6	10
Сфера семейной жизни	6	4
Сфера обучения и образования	8	11
Сфера профессиональной жизни	10	12
Сохранение собственной индивидуальности	10	10
Духовное удовлетворение	6	8
Достижения	2	11
Развитие себя	9	11
Активные социальные контакты	10	11
Креативность	8	10
Высокое материальное положение	5	9

По разнице весов можно дополнительно выделить такую терминальную ценность для руководителей в условиях рыночной оргкультуры, как «высокое материальное положение», а также личностный мотив «собственный престиж», который наблюдается у руководителей обеих выборок.

Обобщая полученные результаты, можно сделать следующие выводы:

1. Наиболее важные различия между руководителями в условиях рыночной и иерархической оргкультуры обнаружились по таким показателям, как сохранение собственной индивидуальности; активные социальные контакты; сфера обучения и образования; сфера увлечений; сфера общественной жизни. Поэтому мы можем предполагать, что руководители, работающие в условиях рыночной оргкультуры, обладают специфическими ценностными характеристиками по сравнению с бюрократическими руководителями;

2. Руководители в условиях рыночной оргкультуры, ориентируясь на внутренние возможности, активно ищут выход из сложившейся критической ситуации, пытаются найти новые источники доходов, используя новые виды хозяйственной деятельности. Представители данной структуры характеризуются не только позитивным отношением к форме собственности, видам экономической деятельности, готовностью работать в новых условиях, но и достаточно успешной самореализацией. Стремление к повышению профессионального и социального статуса, освоение новых сфер деятельности, высокая социальная мобильность и инновационность являются отличительными чертами предпринимателя;

3. Руководителям в условиях иерархической оргкультуры свойственно придерживаться традиционных видов ведения экономической и хозяйственной деятельности. Они не проявляют высокой психологической готовности к самореализации, характеризуются сочетанием негативного отношения к новым формам поведения и предлагают пассивно выжидающую позицию в отношении происходящих изменений. Причиной этого может служить низкий уровень мотивации и низкая самооценка собственных возможностей в сфере деятельности.

Ссылки

1. Сенин И. Г. Опросник терминальных ценностей. Ярославль: Психодиагностика, 1991. 19 с.

2. Камерон К., Куинн Р. Диагностика и изменение организационной культуры. СПб.: Питер, 2001. 214 с.

3. Карпов А. В. Психология принятия управленческих решений. М.: Юристъ, 1998. 440 с.

